Ц
1
180
т 2

1
180
801-86
13752-7

Павелъ Булацель

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ

ТОМЪ ВТОРОЙ

СПАСАЙТЕ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. — МНИМОЕ ПОХИЩЕНІЕ ДѢТЕЙ. — ИНОСТРАННОЕ ВѢДОМСТВО, ИЛИ РОССІЙСКІЕ СОВРЕМЕННЫЕ ДИПЛОМАТЫ. — ЗАБЫТЫЙ ДОКУМЕНТЪ. — ИСКЪ О ЗАКРЫТІИ ЗАВОДА. — ДѢЛО ЦЕРКОВНАГО СТАРОСТЫ И. Г. КУЧУМОВА. — ДѢЛО ЧЛЕНА ДУМЫ, ОКЛЕВЕТАВШАГО ГЕНЕРАЛА ТОЛМАЧЕВА. — ОТРЫВКИ ИЗЪ БОЕВЫХЪ СТАТЕЙ. — П. А. СТОЛЫПИНЪ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ. — РОДОСЛОВНАЯ ГЕТМАНА МАЛОРОССІЙСКАГО ДАНИЛЫ ПАВЛОВИЧА АПОСТОЛА. — СВЯТИТЕЛЬ ІОАСАФЪ БѢЛГОРОДСКІЙ И ЕГО РОДНЯ. — РЕВИЗІЯ СЕНАТОРА НЕЙДГАРТА, ВАРШАВСКІЕ ПОСТАВЩИКИ И ПРОЦЕССЪ ВАРШАВСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ПРІЕМНОЙ КОМИССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

1
180

Павелъ Булацель

БОРЬБА ЗА ПРАВДУ

ТОМЪ ВТОРОЙ

СПАСАЙТЕ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. — МНИМОЕ ПОХИЩЕНІЕ ДѢТЕЙ. — ИНОСТРАННОЕ ВѢДОМСТВО, ИЛИ РОССІЙСКІЕ СОВРЕМЕННЫЕ ДИПЛОМАТЫ.—ЗАБЫТЫЙ ДОКУМЕНТЪ.—ИСКЪ О ЗАКРЫТІИ ЗАВОДА.—ДѢЛО ЦЕРКОВНАГО СТАРОСТЫ И. Г. КУЧУМОВА.—ДѢЛО ЧЛЕНА ДУМЫ, ОКЛЕВЕТАВШАГО ГЕНЕРАЛА ТОЛМАЧЕВА. — ОТРЫВКИ ИЗЪ БОЕВЫХЪ СТАТЕЙ. — П. А. СТОЛЫПИНЪ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ. — РОДОСЛОВНАЯ ГЕТМАНА МАЛОРОССІЙСКАГО ДАНИЛЫ ПАВЛОВИЧА АПОСТОЛА. — СВЯТИТЕЛЬ ІОАСАФЪ БѢЛГОРОДСКІЙ И ЕГО РОДНЯ. — РЕВИЗІЯ СЕНАТОРА НЕЙДГАРТА, ВАРШАВСКІЕ ПОСТАВЩИКИ И ПРОЦЕССЪ ВАРШАВСКОЙ ОФИЦЕРСКОЙ ПРІЕМНОЙ КОМИССІИ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-12611
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Библиотека ордена Ленина им. В. И. Ленина
Отдел обслуживания
СССР
59-76

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

2007051068

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

ПАВЕЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БУЛАЦЕЛЬ.

Спасайте русскій языкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Языкъ и нравы.

Между языкомъ и нравами народа существуетъ несомнѣнно тѣсная связь. Однако опредѣлить законы ихъ взаимоотношеній чрезвычайно трудно. Страстное краснорѣчіе нуждается въ пищѣ, какъ огонь, поэтому при спокойномъ твердомъ правленіи негдѣ развернуться сильному ораторскому таланту; между тѣмъ литературные таланты, наоборотъ, особенно развивались подъ покровительствомъ великихъ самодержавныхъ властителей. Упадокъ нравовъ въ современной Европѣ отразился на современной литературѣ весьма гибельно, тогда какъ упадокъ нравовъ въ Римской имперіи наоборотъ сопровождался поразительнымъ расцвѣтомъ литературы и словесности.

Вѣкъ развращенныхъ Клеопатры, Мессалины, Агриппины младшей, знаменитой отравительницы Лакусты былъ въ то же время вѣкомъ Цицерона, Тацита, Плинія и Квинтиліана.

На ряду съ Нероном и Каракалою, на ряду съ Агриппиною младшею и матерью Каракалы, жестокою Юліею Домной, лѣтописи Тацита и письма Плинія оставили человѣчеству на вѣчныя времена изображеніе такихъ благородныхъ, самоотверженныхъ женщинъ, какъ жена Германика Агриппина старшая и жена Плинія младшаго Кальпурнія, къ которымъ вполнѣ примѣнимы чудные стихи Некрасова, относящіеся къ женѣ декабриста княгинѣ Трубецкой:

«Нѣтъ, я не жалкая раба,
Я женщина, жена».

Вѣрная подруга Плинія, его жена Кальпурнія въ вѣкъ рабства могла смѣло сказать про себя, какъ княгиня Трубецкая: «нѣтъ, я не жалкая раба, я женщина—жена».

Домъ Плинія представлялъ изъ себя постоянное собраніе лучшихъ людей того времени. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Плиній былъ проникнутъ горячею любовью къ благороднымъ поступкамъ, къ поэзіи, словесности и ораторскому искусству. Первые успѣхи его на жизненномъ поприщѣ были поистинѣ изумительны. На четырнадцатомъ году отъ рожденія онъ написалъ свою первую весьма изящную греческую трагедію, девятнадцати лѣтъ сдѣлался адвокатомъ, а черезъ десять лѣтъ имя его гремѣло уже по

всей Римской имперіи, какъ выдающагося оратора и писателя. Лучшіе наиболѣе образованные люди той эпохи считали Плинія въ числѣ своихъ друзей. Первые годы юности Плинія были годами безконечныхъ государственныхъ бѣдствій и ужасовъ, когда неистовства Нерона достигали самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ.

Но необходимо отмѣтить странное явленіе, обратное тому, что происходитъ въ современной намъ Европѣ.

Чѣмъ больше неистовствовали и развратничали стоявшіе во главѣ управленія, тѣмъ сильнѣе и чище звучалъ голосъ ораторовъ въ судахъ, на форумѣ и въ сенатѣ, а люди, причастные къ литературѣ, стремились во всѣхъ своихъ произведеніяхъ бичевать порокъ и облагораживать нравы. Поклоненіе всему изящному и прекрасному было доведено въ римской литературѣ до такого совершенства, что и нынѣ, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, нельзя безъ восхищенія читать сочиненія Плинія, Квинтиліана, Петронія и Тацита. *Мудрые государственники римляне понимали, что ничто такъ не губитъ государственность, какъ публичное восхваленіе преступленій и разврата.* Поэтому, давая полную свободу гражданамъ жить, какъ имъ хочется, римскіе законодатели строго преслѣдовали не только публичное восхваленіе разврата, но даже сатиры, могущія начкать воображеніе. Лабіанусъ, вызвавшій своими ѣдкими сатирами законъ, въ силу котораго вредныя книги сжигались, лишилъ себя жизни, огорченный тѣмъ, что его сочиненія подверглись сожженію.

Любовь къ словесности, къ изящной литературѣ и къ ораторскому искусству пересиливала въ образованномъ классѣ римскихъ гражданъ всѣ другія увлеченія.

На ряду съ жестокими нравами, допускавшими избіеніе христіанъ въ Колизеѣ, на ряду съ вѣтренностью и непостоянствомъ римскихъ императрицъ, на ряду съ жестокостью Нерона, Калигулы, Каракалы, Домиціана и Геліогобала, исторія сохранила намъ трогательныя проявленія дружбы, благородства и безграничнаго самоотверженія, до котораго едва ли въ состояніи подняться современные европейцы. Эти прекрасныя душевныя качества великихъ римлянъ изобразилъ Байронъ въ своемъ «Неронѣ»:

«Когда въ силу самаго справедливаго приговора судьбы, какой когда-либо поражалъ злодѣя, палъ великій Неронъ, говорятъ, чья-то неизвѣстная рука осыпала его могилу цвѣтами: слабость благодарнаго сердца, успѣвшаго замѣтить минуты человѣчности, промелькнувшія среди упоенія власти даже въ такомъ извергѣ, какимъ былъ Неронъ».

Описывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Липпиду личность своего врага, адвоката Регула, Плиній вспоминаетъ ѣдкое изреченіе Катона, ненавидѣвшаго пустыхъ болтуновъ: «ораторъ—это дурной человѣкъ, не имѣющій дара слова».

Посѣщая нашу вторую и третью Государственную Думу, я часто съ горечью вспоминалъ это изреченіе Катона и съ тоскою вопрошалъ судьбу, что станетъ съ русскимъ языкомъ Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева и Гончарова, если отъ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта не будетъ требоваться основательное знакомство съ государственнымъ языкомъ,—прежде, чѣмъ допускать ихъ къ разыгрыванію роли русскихъ законодателей.

Вѣдь это вопросъ огромной государственной важности. Народъ, который не сумѣетъ сохранить чистоты своего языка въ

судѣ, въ школѣ и даже въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, такой народъ обреченъ на скорбную участь пережить славу своихъ предковъ.

Нельзя отрицать, что многіе инородцы, въ особенности поляки, іудеи и грузины, говорятъ съ большимъ воодушевленіемъ, многіе изъ нихъ одарены природнымъ ораторскимъ талантомъ, какъ, напримѣръ, Грузенбергъ, Волькенштейнъ, Гольдштейнъ и Гегечкори; но отвратительный выговоръ, злоупотребленіе иностранными словами, а главное ненависть ихъ ко всему русскому—не позволяютъ имъ сдѣлаться русскими Демосѳенами. Въ маленькихъ душныхъ залахъ, въ польскихъ столовыхъ или кавказскихъ погребкахъ эти инородческіе ораторы задыхаются, ихъ краснорѣчіе въ тѣсномъ замкнутомъ пространствѣ смолкаетъ; а когда они выступаютъ въ Государственной Думѣ или въ русскихъ судахъ, гдѣ открывается широкое поле для примѣненія ихъ ораторскаго таланта, они становятся на узко-партійную почву и губятъ свой природный даръ въ чаду безумной ненависти къ Русскому государству, которое изъ маленькихъ полудикихъ племенъ создало величайшую въ мірѣ Имперію.

Талантливость человѣка исчерпывается не столько количествомъ и качествомъ дарованій, сколько способами и умѣньемъ ими пользоваться. Оттого высокодаровитый человѣкъ можетъ потерять свой талантъ, не сумѣвъ съ нимъ справиться. *Наши инородцы, избалованные нашею русскою снисходительностью, не стараются совсѣмъ изучать въ совершенствѣ русскую словесность и литературу.*

Въ балтійскихъ окружныхъ судахъ мнѣ приходилось слышать такое отчаянное коверканье русскаго языка, съ которымъ можетъ примириться только русская незлобивость и безграничное добродушіе. Но съ увѣренностью можно утверждать, что не только англичане и нѣмцы, но даже французы и итальянцы никогда не допустили бы инородцевъ въ сословіе адвокатовъ до тѣхъ поръ, пока эти инородцы не изучили бы въ совершенствѣ государственный языкъ. Между тѣмъ у насъ въ Россіи изо дня въ день въ залахъ судебныхъ установленій, въ земскихъ собраніяхъ, въ городскихъ думахъ и, наконецъ, въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ—въ Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ раздаются чудовищныя рѣчи, извращающія русскую словесность, низводящія чудный языкъ Пушкина и Гончарова на степень какого-то «воляпюка»... А про газеты и говорить нечего. Пушкинъ въ 1821 году говорилъ, что «свѣтъ не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ»... Теперешніе писатели наоборотъ стремятся восхвалять безъ всякой тайны все, что достойно осужденія.

Чувство омерзенія и досады при чтеніи современныхъ газетъ неизбѣжно охватываетъ тѣхъ русскихъ людей, которые дорожатъ чистотою русской рѣчи и нравовъ. Какая смѣсь нарѣчій, какой ужасный слогъ, какая пошлая подражательность такъ называемому научному языку... Съ развитіемъ знаній искусство ясно и точно выражать свои мысли должно было бы сдѣлать также успѣхи; а между тѣмъ въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что самыя свѣтлыя, самыя славныя страницы въ исторіи краснорѣчія принадлежатъ не настоящему, а давно прошедшему времени. Такихъ рѣчей, какія произносилъ Демосѳенъ за триста пятьдесятъ лѣтъ до Рождества Христова, не произносили ни графъ Мирабо, ни Гладстонъ, ни Питъ, ни Бисмаркъ, ни Жересъ, ни нашъ выдающійся конституціонно-самодержавный ораторъ покойный П. А. Столыпинъ. До насъ не дошла цѣликомъ

подлинная рѣчь Демосѳена о золотомъ вѣнкѣ, но и по отрывкамъ ея можно судить о ея великолѣпіи. Въ этой рѣчи Демосѳенъ побѣдилъ своего соперника Эсхина, который съ горя и досады послѣ этого покинулъ Аѳины и удалился въ Родосъ, гдѣ основалъ школу ораторскаго искусства. Однажды Эсхинъ наизусть воспроизводилъ предъ своими учениками рѣчь Демосѳена о золотомъ вѣнкѣ. Ученики пришли въ неописанный восторгъ. Со слезами на глазахъ они бросились къ учителю и начали его обнимать и цѣловать его руки, но Эсхинъ съ горечью воскликнулъ: «что бы съ вами произошло, если бы вы слышали, какъ само животное произносило эту рѣчь!» Такая искренняя похвала изъ устъ смертельнаго врага—есть неотразимое доказательство таланта Демосѳена.

Въ настоящее время выдающіеся историческіе ораторы появляются очень рѣдко. За всѣ средніе вѣка исторія сохранила намъ имя лишь одного народнаго трибуна Коло-де-Ріенци, а въ древней Греціи и Римѣ каждый средній ораторъ обладалъ такой силой слова, какой едва ли обладаютъ самые извѣстные современные адвокаты... А между тѣмъ повседневная жизнь требуетъ на каждомъ шагу умѣнія говорить публично. Но хотя многіе по самому своему общественному положенію должны были бы обладать даромъ слова, однако на одного сколько-нибудь сноснаго оратора приходятся сотни такихъ, которые положительно не умѣютъ связно сказать даже нѣсколько словъ.

Стыдно и досадно становится за нашихъ судебныхъ и административныхъ чиновниковъ и даже адвокатовъ, изъ которыхъ одни не обладаютъ плавностью рѣчи, запкаются, ищутъ словъ, не находя ихъ для выраженія своихъ мыслей; другіе страдаютъ многословіемъ и бормочутъ свои рѣчи невнятно, однообразно, наводя тоску и сонливость на слушателей. Такое жалкое состояніе современнаго краснорѣчія зависитъ отъ того, что на искусство хорошо говорить смотрятъ, какъ на исключительно природный даръ, и ничего рѣшительно не предпринимаютъ для усвоенія краснорѣчія учащеюся молодежью. Между тѣмъ искусство начинается именно тамъ, гдѣ слабые теряютъ увѣренность въ своихъ силахъ и охоту работать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Инородцы и газеты. Главные виновники порчи русскаго языка.

Но еще болѣе виноваты въ упадкѣ нашей русской рѣчи инородцы, наводнившіе Россію своими представителями. Всюду въ судахъ и въ общественныхъ собраніяхъ разглагольствуютъ господа съ польскимъ, еврейскимъ и чухонскимъ произношеніемъ. Они не только коверкаютъ окончанія словъ и ударенія, но и придумываютъ совершенно несуществующія въ русскомъ словарѣ слова. Такъ, напримѣръ, они изобрѣли слово «бламировать» вмѣсто словъ «хулить» и «стыдить», слово «биссировать»—вмѣсто «повторить», «кюпировать» — вмѣсто «урѣзать». «Радикальные» адвокаты придумали новое слово «подзащитный» вмѣсто «подсудимый»... Не знающіе русской словесности «радикальные» обновители судебнаго краснорѣчія не подозрѣваютъ даже, сколь безсмысленно и безграмотно придуманное ими новое словечко «подзащитный»... *Защитный* означаетъ *защищающій*,—напри-

мѣръ, защитный портъ или защитный рейдъ. Между тѣмъ подсудимые никого не защищаютъ въ судѣ, а наоборотъ сами нуждаются въ защитѣ, поэтому переименованіе «подсудимыхъ» въ «подзащитныхъ» могло имѣть мѣсто только вслѣдствіе поразительнаго невѣжества и полной безграмотности нашихъ радикальныхъ юристовъ... Но чему же удивляться, когда нашу адвокатуру и профессуру наводнили всякіе Гримы, Петражицкіе, Гольдштейны, Гессены, Трахтеревы, Грузенберги, Винаверы и прочіе представители іудейскаго племени? Нѣкоторые изъ этихъ ораторовъ обладаютъ несомнѣннымъ даромъ краснорѣчія, но чудовищное самомнѣніе заставляетъ ихъ зарываться, и въ погонѣ за краснобайствомъ они совершаютъ непростительныя преступленія противъ законовъ русской словесности. Когда же іуден начинаютъ подлаживаться подъ простонародный русскій языкъ, тогда ихъ рѣчи и писанія становятся прямо отвратительны. Вотъ образецъ русскаго слога сотрудника «Биржевыхъ Вѣдомостей», подписывающагося фамиліею «Смоленскій»: «Быть, бытовое, всѣ эти маленькія *подмѣчанія*, дѣйствительно дающія живую жизнь,—и есть лучшее въ пьесѣ Плещеева»... (см. «Бирж. Вѣд.» 17 янв. 1911 г.). Читая эти строки, не знаешь, жалѣть ли русскаго писателя Плещеева, на долю котораго выпало счастье быть разбираемымъ «Смоленскимъ», или жалѣть самого «Смоленскаго», который, стараясь щегольнуть русскими словечками, нашелъ у Плещеева какія-то «*подмѣчанія*» и увѣряетъ, что лучшее въ пьесѣ Плещеева и «есть эти подмѣчанія, дающія живую «жизнь»... Часто въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и «Петербургской Газетѣ» встрѣчаются такіе перлы краснорѣчія, что прямо хоть святыхъ вонъ выноси. Газета г. Худекова дошла до того, что однажды сообщила, что у графини Х. «*дансантный* вечеръ очень удался». Даже талантливые писатели «Новаго Времени» и тѣ не чужды этого страннаго порока замѣнять безъ всякой нужды русскія слова иностранными,—напримѣръ, воздухоплаваніе называютъ «авіаціоннымъ искусствомъ»; слово «подводная лодка» замѣняютъ непонятнымъ русскому народу словомъ «субмаринка». Не проще ли было бы ввести въ обращеніе слово «подводка»? Ясно, точно и вполнѣ современно. Лодки эти ходятъ подъ водою и къ тому же «подвели» русскія морскія силы въ послѣднюю японскую войну.

До какой степени современные писатели коверкаютъ русскій языкъ, наводняютъ русскую рѣчь иностранными словами и договариваются до полной безсмыслицы, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: въ газетѣ «Современное Слово» 20 августа 1908 года по дѣлу генерала Толмачева и одесскихъ профессоровъ читаемъ:

«Не имѣется ли въ виду на постановленіяхъ миссіонерскаго съѣзда урегулировать конституціонную бухгалтерію, сбалансировавъ либеральный активъ пассивомъ въ области свободы совѣсти?» Написавъ такую чепуху, аптекарскій ученикъ «Современнаго Слова» мнитъ себя великимъ писателемъ, равнымъ чуть ли не Гоголю.

Въ № 7602 газеты «Одесскія Новости» въ пятидесяти пяти коротенькихъ строчкахъ встрѣчаются слѣдующія иностранныя слова:

«реально-маніакальный утопизмъ»,
«эволюція гипотетической позиціи»,
«этапы прогресса»,
«энциклопедизмъ»,
«инициатива» и, конечно, неизбѣжное въ каждой іудейской семьѣ излюбленное слово «интеллигентный».

Большая газета «Кіевская Мысль», редакція которой кишитъ всевозможными адвокатами и аптекарскими помощниками изъ «гонимаго» племени, изобрѣтаетъ совершенно новыя безобразныя слова, которыхъ не существуетъ вовсе ни въ одномъ нарѣчіи. Такъ, напримѣръ, въ № 108 отъ 19-го апрѣля 1908 года въ «Кіевской Мысли» можно найти удивительные перлы аптекарскаго краснорѣчія. Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Къ дѣламъ господина Харитоненки» встрѣчается такая фраза:

«Векселя учтены въ банкахъ, *пролонжировавшихъ* ихъ сроки».

И этотъ безобразный галлицизмъ придуманъ, вѣроятно, еврейчикомъ, хотѣвшимъ щегольнуть своимъ знаніемъ французскаго языка, а между тѣмъ вмѣсто длинной и непонятной фразы: «банки пролонжировали сроки векселей», гораздо проще было написать по-русски: «банки отсрочили векселя». Но современные полуписатели и полуученые не любятъ простыхъ русскихъ словъ. Членъ Госуд. Думы Родичевъ въ своей рѣчи 29 ноября 1910 г. въ Госуд. Думѣ сказалъ: «если правительство будетъ «солидаризироваться» съ рѣчью предыдущаго оратора»... Для русскихъ людей съ развитымъ слухомъ выраженія «оратора» Родичева въ родѣ «солидаризироваться» столь же противны, какъ *визгъ розги*, о которой въ этой своей рѣчи 29 ноября 1910 года говорилъ Родичевъ... Но свѣтила кадэкскаго прогресса любятъ барахтаться и нѣжиться въ окрошкѣ изъ иностранныхъ словъ, и всѣ ихъ ораторы и писатели тонутъ въ самыхъ высокопарныхъ выраженіяхъ.

У кадэкскихъ языковѣдовъ глаза «замстило», выражаясь толстовскимъ языкомъ, а потому языкъ фабрично-прогрессивнаго производства вытѣснилъ всякое представленіе о красивой народной рѣчи, которую, какъ рѣдкое лакомство, развѣ услышишь въ разговорѣ съ простымъ крестьяниномъ Тульской, Тверской и Московской губерній. Но въ городахъ русскаго языка уже почти не существуетъ, онъ вытѣсненъ газетнымъ жаргономъ. Вотъ образчикъ передовой статьи изъ кадэкской стряпни:

«Мы - объекты манипуляцій отечественныхъ магнетизеровъ. Патетическій возгласъ самоаттестаціи и критическій разумъ засыпаетъ. Мы слѣпо идемъ за тѣмъ, кто окруженъ ореоломъ офиціозной авторитетности. *Гаснутъ свѣты новаторства;* притупляется одаренность, и безсильно складываются крылья и угасаетъ *изъ нутра рожденный порывъ*»...

Да поскорѣе бы ужъ погасли такіе «свѣты новаторства». Поневолѣ «притупится всякая одаренность», когда въ печати, въ литературѣ, въ театрѣ, въ судахъ и въ Государственной Думѣ раздаются рѣчи «о *рожденномъ изъ нутра порывѣ*, о манипуляціи отечественныхъ магнетизеровъ и о солидаризированіи правительства». Хуже «манипуляцій» нельзя придумать, какъ тѣ, которыя продѣлываются надъ русскими читателями іудейскими писателями. Къ сожалѣнію, даже въ народныя русскія газеты проникаетъ бердичевскій жаргонъ, и меня не разъ приводилъ въ отчаяніе слогъ Николая Ивановича Еремченка, ведущаго въ «Русскомъ Знаменіи» обзоръ печати.

Въ «Русскомъ Знаменіи» г. Еремченко тоже слишкомъ злоупотребляетъ иностранными словами. Въ своей статьѣ «Бита» 3 апрѣля 1911 года г. Полтавецъ, онъ же Еремченко, нанизываетъ одно за другимъ столько иностранныхъ словъ, что получается какая-то окрошка изъ непонятныхъ для простого народа и совсѣмъ лишнихъ для образованнаго читателя ложно-научныхъ выраженій.

Вотъ выписка изъ писаній Полтавца:

«Предотвратить «крушеніе цѣлаго міра»... конституціонныхъ, новорежимныхъ, прогрессивныхъ, *прецедентныхъ* понятій; санкціонировать прогрессивное, новорежимное, конституціонное «пониманіе государства и государственности»; направить, продвинуть *всѣмъ напряженіемъ наличныхъ силъ* Россію отъ «поворотнаго пункта» по новорежимному пути къ конституціоннымъ«благамъ»,—вотъ онѣ, тѣ директивы, которыя воспріялъ авторитетный государственный мужъ отъ вдохновителей псевдо-русскаго оппозиціонно настроеннаго общества».

Не правда ли, какъ это ясно и понятно?!

Языкъ Пушкина и Тургенева обновляется нынѣ кіевскими, бердичевскими и другими «европейскими» новаторами, при помощи «рожденнаго ими изъ нутра порыва» подобно тому, какъ городскія и земскія самоуправленія, созданныя Милютинымъ, Ростовцевымъ, Замятинымъ, Семеновымъ, Ланскимъ, обновляются при помощи обрѣтенныхъ въ Ковенской и Саратовской губерніяхъ польскихъ іудеевъ Кноля, Немировскаго, Пшерадскаго, Кальмановича и К°.

Намъ обѣщали три года тому назадъ, что мы скоро увидимъ чудное, свѣтлое, обновленное зданіе русской государственности, котораго еще не видно изъ-за лѣсовъ: но увы, теперь это обновленное зданіе уже вырисовалось вполнѣ опредѣленно, и только глупцы могутъ еще не понять, что надъ зданіемъ Русскаго государства хотятъ продѣлать ту же «манипуляцію», которую «Кіевскія Мысли», «Одесскія Новости» и «Рѣчь» продѣлываютъ надъ русскимъ языкомъ...

Извѣстный литературный критикъ Буренинъ отъ времени до времени ядовито высмѣиваетъ въ «Новомъ Времени» современныхъ писателей, коверкающихъ русскій языкъ; но какая отъ этой критики польза, когда теперь, по словамъ Буренина, «изо всѣхъ норъ литературы лѣзутъ «одессизмы», когда на всѣхъ ея граняхъ стерта «черта осѣдлости», когда писатель не отличаетъ родительнаго падежа отъ винительнаго, когда *жидъ* превратилъ русскую книжную рѣчь въ международный воровской жаргонъ»...

Разсматривая произведенія Куприна, Буренинъ съ горечью утверждаетъ, что Купринъ совершенно ожидовѣлъ и что, читая Куприна, мы должны стыдиться за соотечественника, стыдиться за родное слово: нечистоплотность Куприна, его *нерадѣніе* къ языку не поддаются описанію,—это нужно сказать громко и прямо. Купринъ пишетъ: «вернулся почти оглохшій, *благодаря осколку бомбы*» (не стоитъ благодарности!); «свѣчи, *несмотря* на открытыя окна, горѣли»; «*напавъ на нить* брачныхъ исторій; прелесть *заключалась* въ улыбкѣ»; «*что касается* Вѣры»; «гроздья, *издававшія запахъ*» (совсѣмъ по-жидовски!); «клумбы *имѣли безпорядочный видъ*» (тоже); «*гораздо больше предпочелъ*» (тоже); «Анна *вся состояла* (!) изъ безалаберности и противорѣчій»; «черты (въ характерѣ), *состоявшія* изъ...»; «*вдругъ* рѣзко и совсѣмъ *неожиданно*» (тавтологія). Кто чувствуетъ духъ языка, кому претятъ трюизмы, тотъ безъ особенныхъ разъясненій разберется въ ошибкахъ и неосмотрительности Куприна.

Затемняющая смыслъ архитектура словъ, шероховатости, повторенія, обиліе пустыхъ, незначительныхъ словъ — все это обычно для современнаго литературнаго языка: но Купринъ «идетъ дальше» и низводитъ этотъ обычный языкъ на степень сквернѣйшаго воляпюка и безцвѣтной «письменной» рѣчи.

Порча русскаго языка современными газетными писаками особенно сильно проявляется въ лѣвыхъ газетахъ; но, къ сожалѣнію, и правыя газеты уже поддались вліянію жидовскаго жаргона, и присяжные писатели «Русскаго Знамени» Богдановъ и Н. П. Еремченко, онъ же Полтавецъ, не уступаютъ масонамъ и кадэкамъ по части искаженія русскаго языка. Въ номерѣ 170 «Русскаго Знамени» въ статьѣ «Вниманію Кривошеина» про главноуправляющаго земледѣліемъ между прочимъ говорится, что поведеніе его *«эквивалентно* сидѣнію между двухъ стульевъ».

Не проще ли было бы написать: *равносильно* сидѣнію между двухъ стульевъ?

Но писатели «Русскаго Знамени» любятъ щегольнуть предъ своими читателями мудреными иностранными словечками, смыслъ которыхъ большинству подписчиковъ вовсе не понятенъ.

Такая погоня за «ученоглупыми» словами приводитъ къ очень смѣшнымъ приключеніямъ. Вскорѣ послѣ того, какъ въ номерѣ 170 была помѣщена вышеупомянутая статья о г. Кривошеинѣ, мнѣ пришлось разговаривать на югѣ Россіи съ однимъ изъ предсѣдателей сельскаго подотдѣла союза русскаго народа. Собесѣдникъ мой очень негодовалъ на то, что отставной «вождь» Дубровинъ ссорится и *ругается* со всѣми другими «вождями» союза русскаго народа.

Помилуйте, одинъ срамъ, вѣдь Дубровинъ и графъ Коновницынъ стали просто *эквалетами!*». «Что это значитъ «эквалеты»?—спросилъ я. А то, отвѣчалъ мнѣ мужичекъ, что «если одинъ въ одну сторону, такъ другой сейчасъ въ другую сторону, аки валеты». Вотъ къ чему приводятъ дежурящіе при Дубровинѣ исказители русскаго языка. Поочередно при немъ состояли то Прусаковъ, то Катанскій, то Краспльниковъ, то Васпльевъ, то Еремченко, которые усердно ссорили его со всѣми выдающимися правыми дѣятелями, со всѣми порядочными самостоятельными людьми—и въ концѣ концовъ изъ вождя союза превратили его въ *«эквалета»!* Въ номерѣ 180 «Русскаго Знамени» 13 августа 1911 г. Н. П. Еремченко, онъ же Полтавецъ, увѣряетъ, что «Русское Знамя»—единственная народная *мужицкая* газета, *считающаяся* единственно съ тѣмъ, что думаетъ сѣрый православный народъ, а до остального Дубровинской газетѣ нѣтъ дѣла. «Русское Знамя» работаетъ только для сѣрыхъ некультурныхъ, необразованныхъ людей».

Прочитавъ это заявленіе Н. П. Еремченка, расписывающагося всюду, даже въ Русскомъ Собраніи прозвищемъ «Полтавецъ», и сопоставивъ это увѣреніе г. «Полтавца» съ вычурнымъ слогомъ, которымъ пишетъ самъ Еремченко-Полтавецъ, нанизывающій по двадцати пяти иностранныхъ словъ въ каждомъ предложеніи, невольно задаешься вопросомъ: съ какою цѣлью онъ пишетъ такую галиматью? Неужели онъ не понимаетъ, что такими похвалами онъ роняетъ и высмѣиваетъ газету, которая до него дѣйствительно была русскою народною газетою, избѣгавшею «декадентства»? Неужели же Н. П. Еремченко въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что сѣрый русскій народъ можетъ понять, напримѣръ, слѣдующіе перлы писательскихъ упражненій «Полтавца»: «мы терпѣливо выслушиваемъ *ламентаціи*, и *зеленая тоска* начинаетъ душить насъ, *меланхолическі* взирающихъ на *корректную физіономію* совѣтчика, брезгливо *окидывающаго* нашу блузу и наше скромное редакціонное помѣщеніе, откуда летятъ каленыя стрѣлы, дерзновенно тревожащія своимъ свистомъ *корректную атмосферу кабинетовъ питерскихъ олимпійцевъ*».

Написавъ такую безграмотную чепуху, г. Полтавецъ имѣетъ наивность утверждать, что «это народъ говоритъ» и что все это пишется *исключительно* для сѣраго русскаго мужика! Грустно, тяжело становится на душѣ при мысли, во что превратится русскій языкъ Тургенева и Гончарова черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Полтавцы, Дымовы, Прусаковы, Оэльдоры, В. Азофы, Борухи, Моняки-Алмазовы, окончательно просвѣтятъ русскую деревню своею «зеленою тоскою», «литературною меланхоліею» и «каленными стрѣлами», дерзновенно тревожащими своимъ свистомъ «корректную атмосферу олимпійцевъ». Ну какъ не признать за Полтавцемъ *исключительнаго таланта*, если онъ самъ признается, что его писанія, которыхъ никто изъ образованныхъ людей не читаетъ, тѣмъ не менѣе *тревожатъ* своимъ *свистомъ* даже олимпійцевъ! Очевидно Полтавецъ придаетъ самое большое значеніе *свисту*. Страшныя декадентскія заклятія и трехъ-этажныя *народныя* ругательства Полтавца, перемѣшанныя безъ смысла, безъ счета, безъ цѣли со свистомъ мало понятныхъ иностранныхъ словъ и угрозъ по адресу евреевъ,—напоминаютъ отчасти по своей безграмотности писанія Прусакова, который одно время тоже въ «Русскомъ Знаменіи» писалъ якобы для народа свои трехсаженныя ругательства до тѣхъ поръ, пока не перешелъ на службу къ Гессену и Жаркевичу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Профессора и Академія.

Что будетъ дальше съ русскою словесностью? Отчаяніе, досада берутъ при мысли, что полякамъ Бодуэнъ-де-Куртенэ и Петражицкому дали воспитывать русское юношество и исправлять русскій словарь. Что сдѣлалъ Бодуэнъ изъ словаря Даля—всѣмъ извѣстно; но многіе еще не знаютъ, *на какомъ языкѣ* и какими словами профессоръ Петражицкій читаетъ свои ученыя лекціи. Только въ желтомъ домѣ на одиннадцатой верстѣ можно преподавать такую науку, какую преподаетъ несчастнымъ своимъ слушателямъ польско-выборгскій профессоръ Петербургскаго университета г. Петражицкій. Не касаясь совершенно политическихъ воззрѣній этого печальнаго героя выборгскаго воззванія, нельзя безъ искренняго презрѣнія читать его курсъ, представляющій жалкій безсмысленный наборъ словъ.

«Эмоція представляетъ по своей двойственной раздражительно-моторной природѣ корелятъ двойственной, центростремительной анатомической структуры нервной системы и двойственной раздражительно-моторной физіологической функціи этой системы и прототипъ психической жизни съ двойственнымъ пассивно-активнымъ характеромъ». — «Мотивацію, въ которой дѣйствуютъ акціонныя представленія, возбуждающія апульсивныя и репульсивныя эмоціи, — *мы назовемъ акціонною самодовлѣющею мотивацією*. Эмоціональный же элементъ нормативныхъ переживаній въ специфическихъ притягательныхъ или отталкивающихъ импульсіяхъ—мы назовемъ *эстетическими импульсіями и репульсіями*»...

Не правда ли, какъ гордо звучитъ это—«мы назовемъ»... Но если теперь я спрошу кого-нибудь изъ читателей, что называетъ профессоръ Петражицкій «акціонною мотивацією» и «эстетическими репульсіями», то навѣрное никто не въ состояніи будетъ повторить этотъ ученый бредъ; но

вѣдь русскимъ студентамъ приходится заучивать наизусть эту галиматью, и если они не сумѣютъ повторить на экзаменѣ, что разумѣетъ подъ правомъ профессоръ Петражицкій, то они получатъ неудовлетворительную отмѣтку. А выборгскій профессоръ, одержимый бредомъ безсмысленнаго словоизверженія, разумѣетъ подъ правомъ не болѣе и не менѣе, какъ «этическія переживанія эмоцій, которыя имѣютъ атрибутивный характеръ». Въ довершеніе всей этой чепухи профессоръ заявляетъ, что «правовыя моторныя возбужденія и императивно-атрибутивныя эмоціи обладаютъ высшимъ ореоломъ и священнымъ авторитетомъ».

Какъ дико слушать *подобную обновленную науку* тѣмъ ученикамъ знаменитаго профессора Пахмана, которые еще помнятъ, какъ коротко и ясно опредѣлялъ профессоръ Пахманъ науку права: «*право — это мѣра общежительной свободы*».

Конечно, отдѣльные даровитые люди еще долго будутъ въ состояніи сохранить чистоту русской рѣчи, но народныя массы постепенно будутъ утрачивать всякое представленіе о томъ, какъ не надо говорить. *Уже теперь языкъ петербургскихъ аристократовъ столь же похожъ на языкъ графа Алексѣя Толстого и И. С. Тургенева, какъ прогнившій огурецъ похожъ на свѣжій персикъ*...О купеческомъ сословіи, среднемъ классѣ чиновничества и о приказчикахъ нечего даже и упоминать: все это въ большинствѣ случаевъ люди, питающіе свои мозги только газетною дребеденью. Не лучше впрочемъ положеніе русской учащейся молодежи.

Наука краснорѣчиво говорить вовсе не преподается въ нашихъ университетахъ. А чтеніе по запискамъ не способствуетъ развитію среди студентовъ краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что многіе профессора даже въ своихъ обработанныхъ для печати трудахъ выражаются такимъ ужаснымъ языкомъ, отъ котораго нельзя не притти въ отчаяніе. Вмѣсто простыхъ общепонятныхъ русскихъ словъ и выраженій, лекціи ихъ пестрѣютъ отъ набора иностранныхъ словъ, повторяемыхъ иногда безъ всякой нужды по нѣсколько разъ, и мысль, которую хорошій ораторъ сумѣлъ бы ясно выразить въ немногихъ словахъ, у нихъ растягивается на цѣлыя страницы.

Какое, напримѣръ, смущеніе могутъ вызвать въ слушателяхъ нижеслѣдующіе перлы краснорѣчія г. Карѣева: «что существуетъ и чего не существуетъ, что въ существовавшемъ, существующемъ и имѣющемъ существовать возможно или невозможно, должно быть или быть не должно, что можетъ стать предметомъ точнаго знанія и чему приходится оставаться предметами предположеній, гаданій, чаяній и вѣрованій, что подлежитъ доказыванію и опроверженію и что, наоборотъ, не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто».

Даже туманный слогъ Гегеля, надъ которымъ такъ ѣдко издѣвался Шопенгауеръ, проще и яснѣе этого слога, которымъ профессоръ Карѣевъ написалъ свои «Письма къ учащейся молодежи». И, не взирая на этотъ недостатокъ, письма его разошлись въ количествѣ семи изданій. Бѣдная учащаяся молодежь! Какъ сильна въ ней потребность къ живому слову, если даже отчаянный слогъ не отвращаетъ ея отъ сочиненій иныхъ профессоровъ, не понимающихъ, что пора, наконецъ, начать писать научныя сочиненія на такомъ же чистомъ русскомъ языкѣ, какимъ пользовались для своихъ безсмертныхъ твореній Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ и другіе выдающіеся русскіе писатели! Искусство владѣть роднымъ языкомъ

не только въ письмѣ, но и въ рѣчахъ должно непремѣнно войти въ программу преподаванія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя забывать, что самые выдающіеся ораторы не родились краснорѣчивыми, а сдѣлались таковыми только послѣ упорнаго труда надъ выработкою своей рѣчи и пріемовъ говорить публично.

Посмотрите, кто состоитъ въ спискахъ союза драматическихъ и музыкальныхъ писателей, находящагося подъ покровительствомъ «Императорскаго русскаго театральнаго общества»?! Прочтите изъ офиціальнаго отчета списокъ членовъ этого «почтеннаго» союза только на буквы А, Б, В, Г, Д, чтобы не слишкомъ ужъ разстраиваться. Вотъ фамиліи членовъ союза русскихъ драматическихъ писателей:

Абегаузъ, Лейба.
Абельсонъ, Илья.
Ашкинази—онъ же Владиміръ Азефъ.
Айзманъ, Давидъ.
Ашъ, Шлема.
Блаховская Нэти, подписывается русскимъ мужскимъ именемъ «Сергѣй Дальній».
Бенарне, Давидъ.
Борнштейнъ, Софія Абрамовна.
Бродскій, называющій себя «Вознесенскимъ».
Вейнштейнъ.
Витъ-Шмулевичъ.
Готесманъ, Веньяминъ.
Гельманъ, Лёва—подписываетъ фамилію «Ждановъ».
Гельмерсонъ.
Гиршбейнъ.
Гиршманъ.
Головчинеръ, Іона Натановичъ.
Гольштейнъ, Леонъ, подписывается «Л. Каменевъ».
Гринеръ.
Дымовъ, онъ же Перельманъ.
Дымовъ, онъ же Дохманъ.

Дальше я уже не читаю, цѣлыя страницы на другія буквы пестрятъ такими же звучными именами «россійскихъ литераторовъ». Вотъ въ чьихъ рукахъ теперь русская литература! Большинство инородцевъ, наводнившихъ русскую литературу и газеты, стремятся только къ проведенію своихъ *политическихъ вожделѣній*, а вовсе не чувствуютъ любви и уваженія къ прекрасному русскому языку. Эти инородцы пищутъ протекціи на самыхъ верхахъ русской лѣстницы, а потомъ, укрѣпившись, начинаютъ вытѣснять русскихъ людей и надсмѣхаться надъ ихъ вѣрованіями. Вотъ почему меня совсѣмъ не порадовало даже извѣстіе Освѣдомительнаго Бюро о томъ, что «въ союзъ драматическихъ и музыкальныхъ писателей *изволилъ* вступить великій князь Константинъ Константиновичъ»... Мнѣ больно видѣть имя великаго князя рядомъ съ Ашкинази, Азефами и Вейнштейнами. Я не вѣрю въ свѣтлое будущее русской словесности, если даже великіе князья будутъ служить пьедесталомъ для всякихъ инородческихъ вожделѣній.

Недавно вышло новое изданіе сочиненій поэта Никитина. Трудъ просмотрѣть и *исправить* всѣ прежнія изданія этого народнаго поэта при-

нялъ на себя «г. Гершензонъ». Меня очень радуетъ, что г. Гершензонъ настолько обрусѣлъ, что съ любовью изучаетъ русскихъ поэтовъ. Но зачѣмъ же онъ ихъ *исправляетъ?* Это стремленіе инородцевъ насъ обучать и наставлять прямо возмутительно! Вѣроятно скоро мы прочтемъ, что Пушкина исправляетъ какой-нибудь Мойшельманъ...

Если бы мы не были такъ снисходительны къ инородцамъ, коверкающимъ нашъ языкъ, и не заимствовали бы выраженія у нихъ, а сами насмѣшками и увѣщаніями заставили бы ихъ постараться правильнѣе говорить по-русски—то вѣроятно намъ не пришлось бы такъ часто присутствовать при томъ, какъ позорно и гадко коверкается русскій языкъ въ печати, въ судахъ и другихъ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ вплоть до Комиссіи прошеній и Государственнаго Совѣта.

Королева румынская Карменъ Сильва въ своемъ сочиненіи «Мысли царицы» говоритъ: «Le pardon est presque l'indifference: on ne pardonne pas, quand on aime»... .

Да, если мы любимъ русскій языкъ, то не будемъ прощать профессору Петражицкому и академику Бодуэну ихъ безцеремонное искаженіе русскаго языка. Равнодушіе здѣсь неумѣстно. Необходимо заклеймить печатью позора всѣхъ, кто портитъ русскій языкъ, русскіе нравы и русское искусство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Драматическіе писатели и театръ.

Широкою волною въ среду русскихъ драматическихъ писателей влился посторонній духъ. Гдѣ Островскій, Шпажинскій, Кукольникъ, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, на пьесахъ которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія юношества? Почему другія народности ревностно оберегаютъ свою національную сцену отъ вторженія въ нее посторонникъ чужаковъ? Почему за границею на сцену смотрятъ, какъ на народную школу, а у насъ въ православной Россіи приспособили даже Императорскіе театры и Императорское русское театральное общество къ проповѣди соціализма, разврата и хулиганства?

Весь ужасъ переживаемаго теперь Русскимъ государствомъ развала заключается въ томъ, что на верхахъ больше заботятся объ угожденіи инородцамъ, чѣмъ объ интересахъ русскаго народа. Много ли найдется среди аристократовъ лицъ, имѣющихъ мужество признать, что почетнѣе быть членомъ союза русскаго народа, чѣмъ какого-нибудь союза еврейскихъ прогрессистовъ?

Но погоня за похвалою и одобреніемъ прогрессивныхъ газетъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Даже въ придворныхъ кругахъ замѣчается стремленіе порисоваться либерализмомъ и заигрываніемъ передъ іудеями. Великіе князья выдаютъ довѣренности на веденіе своихъ имущественныхъ дѣлъ такимъ лицамъ, которыя не имѣютъ даже права проживать въ Ялтѣ...

Конечно, нельзя запретить талантливымъ полякамъ и евреямъ пріобщаться къ русской литературѣ и поэзіи. Но если Академія Наукъ и Академія Художествъ уступаютъ руководящую роль инородцамъ, искажающимъ русскій языкъ и русское художество, то всѣ честные граждане, любящіе Россію, не могутъ этимъ не возмущаться.

Посмотрите, что дѣлаютъ Визель, Паоло Трубецкой и Бенуа съ русскимъ искусствомъ! Что сдѣлалъ съ знаменитымъ словаремъ Даля полякъ Бодуэнъ-де-Куртенэ?

Само собой разумѣется, если правительство убѣдилось (а *не* убѣдиться оно не могло), что свобода слова, предоставленная *всѣмъ* іудеямъ, обращена на пагубу Россіи,—оно обязано принять мѣры къ обузданію печати и лишить инородческихъ писателей привсвоеннаго ими себѣ права лгать и клеветать на Россію и на русскихъ людей... Законы о печати должны быть выработаны въ томъ смыслѣ, чтобы, развивая *свободу русскимъ*, *ограничить тѣхъ іудеевъ*, которые не умѣютъ пользоваться никакими свободами иначе, какъ во зло государству, которое ихъ пріютило. Необходимо воспретить въ газетахъ пользованіе вымышленными и подложными именами, за которыми скрываются враги родины, враги порядка, враги всего человѣческаго рода. Если какой-нибудь писатель считаетъ нужнымъ выступать съ разоблаченіями противъ злоупотребленій и недостатковъ современнаго управленія, то пусть онъ не прячется за вымышленное имя, пусть подписываетъ свои статьи и сообщенія полнымъ своимъ именемъ и фамиліею, а не «псевдонимомъ»...

Ничто такъ не оздоровитъ русскую печать, какъ воспрещеніе «псевдонимовъ». Каждый іудейчикъ, каждый редакторъ самой даже лѣвой газеты трижды призадумается надъ вопросомъ, помѣщать или не помѣщать въ газетѣ свою статью, если будетъ обязанъ непремѣнно подписать подъ нею свою настоящую фамилію.

Прикрывшись «псевдонимами», гг. Азры, Алмазовы, Баяны, Полтавцы, Рославлевы, Каменевы и имъ подобные современные «свободолюбивые» писатели безъ удержу жарятъ зажигательныя статьи, въ которыхъ безстрашно громятъ сильныхъ міра сего; но если будетъ закономъ установлено общее правило, что всѣ статьи должны быть подписаны дѣйствительными ихъ авторами—вы тотчасъ же увидите, какъ это охладитъ пылъ газетныхъ баяновъ. Нужно имѣть много мужества, чтобы при острой взаимной враждѣ, охватившей всѣ классы населенія современной Россіи, подписывать политическія статьи своимъ полнымъ именемъ.

Это мужество проявляютъ лишь немногіе писатели: М. О. Меньшиковъ, С. К. Глинка, кн. В. Мещерскій, В. В. Ярмонкинъ, Михаилъ Суворинъ, В. Пуришкевичъ, Г. Г. Замысловскій, Савенко, Н. Тихановичъ-Савицкій, А. Майковъ, Г. В. Бутми, кн. Трубецкой, М. П. Батьяновъ, Дорошевичъ, иногда Павелъ Милюковъ и Родичевъ;—но большинство писателей какъ праваго, такъ и въ особенности лѣваго лагеря не только трусливо скрываются за вымышленными прозвищами, но даже увѣряютъ, что разоблачать эти прозвища «запрещаетъ *литературная этика*»...

Конечно, такое ученіе *о тайнѣ* литературныхъ псевдонимовъ очень выгодно для разныхъ темныхъ дѣльцовъ и клеветниковъ, но всѣ честные люди, къ какимъ бы партіямъ они ни принадлежали, вынуждены по совѣсти признать, что никакой «тайны» въ литературѣ быть не должно. Тотъ, кто прячется, тотъ, кто обманываетъ своихъ читателей, придумывая себѣ вымышленную фамилію или прозвище, не имѣетъ никакого права рядиться въ тогу общественнаго борца за идею и за правду.

Въ ноябрьскомъ номерѣ «Прямого Пути» помѣщенъ краткій обзоръ разрѣшенныхъ къ постановкѣ на сценѣ пошлыхъ произведеній: Софіи Бѣлой, Ярона, Рышкова, Якова Гордина, Максима Горькаго, Протопопова, Леонида Андреева, Шау, Бегстрема, Чирикова и переводы Шницлера, Стриндберга, Макса Дрейера и т. д. Всѣ эти пьесы или восхваляютъ развратъ, или осмѣиваютъ добродѣтель, или проповѣдываютъ соціализмъ, или

рисуютъ въ отвратительномъ видѣ военное сословіе, или, наконецъ, содержатъ прямое кощунство. Чтобы не быть голословнымъ, припомнимъ содержаніе хотя бы слѣдующихъ пьесъ: «Семнадцатилѣтніе», «Бѣлая Ворона», «Сатана», «Иванъ Мироновичъ», «Анфиса», «Мятежникъ», «Крикъ жизни», «Графиня Юлія», «Распутица», «Сестра Беатриса»...

Союзъ русскаго народа, Русское собраніе, Союзъ Архангела Михаила и Національный Союзъ должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы и въ будущемъ про русскій языкъ каждый гражданинъ Россіи могъ бы сказать словами И. С. Тургенева:

«Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—ты мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что свершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы *такой языкъ* не былъ данъ *великому* народу!»

Конечно, правъ былъ извѣстный англійскій историкъ и выдающійся ораторъ Маколей, когда онъ говорилъ, что «люди XIX вѣка не обращаются на путь истины и не совращаются съ пути прочтеніемъ одной книжечки»; но если бы Маколей видѣлъ современный нашъ книжный рынокъ, переполненный восхваленіемъ разврата и безсердечныхъ преступниковъ, онъ навѣрное призналъ бы, что такая духовная пища можетъ въ корнѣ развратить даже самый цѣломудренный и религіозный народъ. «Поймите, – говоритъ Лассаль,—если тысячи газетныхъ писакъ, этихъ современныхъ учителей народа, свыше чѣмъ сто тысячами голосовъ ежедневно систематически вдыхаютъ въ народъ свое тупое невѣжество, свою безсовѣстность, свою ненависть евнуховъ ко всему истинному и великому въ политикѣ, искусствѣ и наукѣ, въ народъ, который съ вѣрой и довѣріемъ протягиваетъ руку къ этому яду, надѣясь почерпнуть изъ него духовную силу,— то не миновать гибели этому народному духу, будь онъ хоть трижды такъ прекрасенъ. Поймите это!»

Писатель-художникъ не долженъ быть проповѣдникомъ пошлости и лжи. Онъ долженъ проникнуться искреннимъ уваженіемъ къ той красотѣ и правдѣ, которыми проникнуты всѣ выдающіеся классическіе писатели. Художникъ-писатель, равно какъ и художникъ—судебный ораторъ, долженъ стремиться къ облагораживанію общества, долженъ скорбѣть при видѣ совершающихся пороковъ и указывать на цѣлительныя лѣкарства... Глумиться надъ правдою, надъ добродѣтелью и красотой истинный художникъ никогда не будетъ. А всѣ эти Куприны, Бальмонты, Лохвицкія, Андреевы, Горькіе упиваются грязной наготой, лишь слегка прикрытою пестрыми лохмотьями; они талантливой, но не чистою рукой намъ рисуютъ торжество озвѣрѣлыхъ чувствъ надъ истиной христіанской. Яркость красокъ, легкость слога, мастерское описаніе порока создали имъ въ современномъ обществѣ туманный успѣхъ; но успѣхъ этотъ не можетъ быть проченъ, и слава не можетъ удовлетворить такихъ писателей, которые ее украли при помощи еврейской рекламы, а *не* заслужили ее своимъ служеніемъ истинѣ...

Есть два пути, чтобы достигнуть извѣстности и успѣха въ современномъ обществѣ: одинъ путь—это говорить правду и бичевать порокъ, другой путь—это льстить низменнымъ страстямъ публики, приниженаться до безграничной угодливости ей. Первый путь очень труденъ и опасенъ. Второй путь, наоборотъ, легокъ. Этотъ путь избираютъ большинство писа-

телей и ораторовъ такъ называемаго «освободительнаго лагеря». Этотъ путь шуменъ и выгоденъ, потому что большая публика, пустая, легкомысленная и развращенная, ищетъ въ чтеніи и въ театрахъ только развлеченія, забавы и щекотанія притупленнаго чувства.

Но есть другая публика: ея сперва какъ будто бы не видно, она не шумитъ, она не раздаетъ щедрою рукою лавровыхъ и золотыхъ вѣнковъ своимъ избранникамъ,—но, разъ замѣтивъ ихъ, она остается имъ вѣрна даже тогда, когда противъ нихъ ополчаются всѣ злыя силы міра. Заслужить популярность у этой публики великая заслуга, ибо она любитъ лишь тѣхъ, которые служатъ добру; она поощряетъ тѣхъ писателей и ораторовъ, которые стремятся въ душу и сердце юнаго поколѣнія внѣдрять идеи справедливости, истиннаго знанія и самоотверженнаго служенія родинѣ.

Неподкупныхъ, честныхъ судей на свѣтѣ гораздо больше, чѣмъ это предполагаютъ. Для нихъ стоитъ трудиться, для нихъ стоитъ переносить даже травлю своихъ враговъ! Условность, продажность и пустота мнимой критики, возвеличившей Андреева, Горькаго, Куприна и Чирикова на степень «выдающихся писателей», въ концѣ концовъ непремѣнно выяснится, и большая публика начнетъ отворачиваться отъ своихъ недавнихъ кумировъ. Зато любящіе родину и русскій языкъ работники на литературной нивѣ съ величайшею отрадою чувствуютъ вблизи себя, за собою, повсюду кругомъ себя эту невидимую толпу неизвѣстныхъ друзей, вѣрныхъ завѣтамъ родины, вѣрныхъ завѣтамъ великихъ русскихъ писателей. Да, симпатіи этихъ людей трудно заслужить, но разъ заслуживъ необходимо ихъ беречь, какъ зѣницу ока, какъ животворящій лучъ любви и свѣта, какъ дивные звуки безконечно прекраснаго, непобѣдимаго, великаго русскаго языка.

Узникъ, покидая темницу, не можетъ на первыхъ порахъ выносить дневного свѣта, этотъ свѣтъ его ослѣпляетъ и раздражаетъ; но лѣкарство состоитъ не въ томъ, чтобы отослать его снова въ темницу, а въ томъ, чтобы пріучить къ солнечнымъ лучамъ. Такъ точно блескъ истины національныхъ русскихъ умовъ сначала поражаетъ ослѣпленныхъ инородцевъ. Они не хотятъ вводить русскаго языка въ своихъ школахъ, они не хотятъ учить русской исторіи и словесности, они съ ненавистью отзываются о русскихъ патріотахъ; *но дайте срокъ и всѣ инородческіе ручьи полюбовно сольются въ русскомъ морѣ, а дѣти ненавидящихъ насъ теперь отцовъ будутъ не только въ состояніи выносить блескъ русскаго языка, но будутъ наслаждаться и нѣжиться въ лучахъ русскаго солнца.* И не далекъ, быть можетъ, тотъ мигъ, когда даже инородцы поймутъ, какая честь, какое счастіе быть русскимъ гражданиномъ, и, читая съ восторгомъ Пушкина, Лермонтова, Жуковскаго, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Печерскаго, Лѣскова, Аксакова, Майкова, Анухтина, графа Алексѣя Толстого, графа Голенищева-Кутузова и Плещеева,—захотятъ вступить въ двери русскаго храма, захотятъ отряхнуть прахъ кадэскихъ предразсудковъ, чтобы покаянными слезами всѣ раны совѣсти омыть и свой преступный злобный міръ, съ его страстями, съ его безумьемъ позабыть.

Дѣло о мнимомъ похищеніи дѣтей послѣдователями о. Іоанна Кронштадтскаго.

Дѣло о похищеніи іоаннитами дѣвочекъ Почталицъ разсматривалось 28 октября 1909 года въ Петербургскомъ окружномъ судѣ.

Надежды большинства публики попасть на дѣло оказались тщетными.

Входъ въ залъ—по биллетамъ.

На скамьѣ защиты прис. пов. П. Ѳ. Булацель.

Интересы потерпѣвшей поддерживаетъ прис. пов. В. Н. Новиковъ.

Предсѣдательствуетъ г. Касаткинъ.

Сущность обвиненія.

Обстоятельства этого дѣла, поскольку они включены въ обвин. актъ, заключаются въ слѣдующемъ. 19 сентября 1907 г. у жены купца С. Почталицъ исчезли обѣ ея дочери—Бэла, 12 лѣтъ, и Дора—9 л. Подозрѣніе въ похищеніи дѣтей заявлено было Почталицъ на бывшую служанку ея Дарью Шикурину, которая увлекалась ученіемъ іоаннитовъ, находилась подъ ихъ сильнымъ вліяніемъ и въ этомъ же смыслѣ вліяла на дѣтей, заставляя ихъ читать религіозныя книги и молиться Богу...

25 сентября Почталицъ получила по почтѣ изъ Москвы письмо за подписью «Дора и Бэла», написанное рукою Бэлы, въ которомъ дѣти извѣщали мать, что онѣ, бывшія когда-то еврейками, нынѣ вѣруютъ въ Единаго Господа Іисуса Христа, того же желаютъ своей матери и увѣдомляютъ ее, что, если ихъ и найдутъ, то все равно онѣ домой не возвратятся.

13 октября 1907 г. случайно на пароходѣ изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ пот. поч. гр. Чистяковымъ и мѣщ. Буринтейномъ обнаружены были двѣ дѣвочки, лица которыхъ сопровождающая ихъ женщина тщательно скрывала. Заподозрѣвъ въ нихъ дѣвочекъ Почталицъ, Чистяковъ и Буринтейнъ, когда пароходъ прибылъ въ Ораніенбаумъ, при помощи полиціи задержали дѣвочекъ и лицъ, ихъ сопровождавшихъ. Дѣвочки, дѣйствительно, оказались Бэлой и Дорой Почталицъ и ѣхали въ сопровожденіи Дарьи Шикуриной, кр. Елисѣева и Корніенка, при чемъ послѣдніе объяснили, что о похищеніи дѣтей они ничего не знали и считали дѣвочекъ дочерьми Шикуриной.

Дѣвочки долго отрицали, что онѣ Почталицъ, и утверждали, что онѣ христіанки отъ рожденія. Когда же личность ихъ установили, то дѣти заявили, *что убѣжали они изъ дому одни*, желая поѣхать въ Кронштадтъ и принять православіе, а Шикурину нашли уже потомъ въ Кронштадтѣ. Дѣти утверждали также, что они были въ Москвѣ, гдѣ и приняли св. крещеніе.

Въ результатѣ всего этого къ Шикуриной предъявлено было обвиненіе въ похищеніи дѣтей, а къ Елисѣеву и Корніенку — въ сокрытіи этого преступленія.

Отводъ противъ гражд. иска.

Въ началѣ засѣданія П. Ѳ. Булацель предъявилъ отводъ противъ гражд. иска, заявивъ, что похищеніе дѣтей не причинило г-жѣ Почталицъ никакихъ матеріальныхъ денежныхъ убытковъ; но если Почталицъ ищетъ тѣ расходы, которые она понесла при розыскѣ своихъ дочерей, то онъ, Булацель, готовъ внести эти деньги изъ собственнаго своего кармана, чтобы только не затягивать дѣла.

Заявленіе П. Ѳ. Булацеля заносится въ протоколъ, и судъ устраняетъ гражданскій искъ [1]).

Въ суд. засѣданіи подсудимые виновными себя не признали. Корніенко вообще производитъ странное впечатлѣніе—неестественно малъ для своихъ лѣтъ.

По дѣлу явились всѣ вызванные 18 свидѣтелей. При опросѣ предсѣдателемъ дѣтей о вѣроисповѣданіи дѣвочки тихо отвѣчаютъ: «іудейскаго».

Показаніе С. Почталицъ.

Первой допрашивается С. Почталицъ. Свидѣтельница показываетъ, что Шикурина, служа у нея, часто ѣздила въ Кронштадтъ къ о. Іоанну Кронштадтскому. Послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ она взяла разсчетъ и куда-то уѣхала, но вскорѣ вернулась и вновь поступила къ Почталицъ. Непосредственно послѣ этого г-жа Почталицъ стала замѣчать, что Шикурина ведетъ съ дѣтьми религіозныя бесѣды и даетъ имъ духовныя книги. Началось отчужденіе дѣтей отъ матери, и послѣ нѣсколькихъ увѣщаній г-жа Почталицъ вынуждена была отказать Шикуриной. Но это не прекратило свиданій Шикуриной съ дѣтьми, такъ какъ она перехватывала дѣтей по дорогѣ въ школу. А вскорѣ послѣ этого дѣти скрылись совсѣмъ.

Дѣти, послѣ ихъ обнаруженія, молчали, ни на что не желали отвѣчать, и старшая дочь, напр., соглашалась только въ томъ случаѣ возвратиться къ матери, если та крестится.

Потомъ дѣти говорили, что въ Москвѣ они не были. Шикурина возила ихъ лишь въ Новгородъ. Дѣти говорили ей, что Шикурина утверждала, что «онѣ пойдутъ въ рай, а ихъ мать въ адъ».

[1]) Деньги 200 руб. П. Ѳ. Булацель внесъ 5 января 1910 года въ депозитъ Петербургскаго окружнаго суда, и эти 200 руб. были выданы присяжному повѣренному Цитрону, повѣренному г-жи Почталицъ.

Подробно г-жа Почталицъ дѣтей о похищеніи не разспрашивала. Во всякомъ случаѣ, въ день исчезновенія дѣтей у нихъ денегъ не было ни копѣйки. Г-жа Почталицъ отмѣчаетъ, что когда дѣвочки скрылись, въ тотъ же день изъ альбомовъ исчезли и ихъ карточки.

Дѣти при задержаніи оказались въ іоаннитскихъ одѣяніяхъ.

Показаніе дѣвочекъ Почталицъ.

Бэла Почталицъ сильно волнуется. Дѣвочка показываетъ, что изъ дому она ушла по совѣту Шикуриной, которая уговорила ее креститься. То, что говорила Шикурина, ей нравилось, и она согласилась. Шикурина ждала Бэлу и Дору въ Апраксиномъ пер., гдѣ съ нею былъ еще мужчина, котораго въ числѣ подсудимыхъ дѣвочка не опознаетъ. Впрочемъ, она указываетъ, что она съ Шикуриной жила въ Кронштадтѣ у подсудимаго Елисѣева.

Фактъ крещенія дѣвочка отрицаетъ: письмо же къ матери было написано ею по уговору Шикуриной.

Изъ Петербурга Шикурина увезла дѣтей въ какую-то деревню подъ Новгородомъ, гдѣ онѣ жили въ избѣ. Затѣмъ ихъ перевезли въ Кронштадтъ, а оттуда вновь рѣшили перевезти въ Новгородъ, но по дорогѣ въ Оранienбаумъ ихъ задержали.

Бэла Почталицъ указываетъ, что Шикурина ихъ не обижала и насилій никакихъ надъ ними не чинила.

Десятилѣтняя Дора — совсѣмъ ребенокъ, она почти ничего не помнитъ и говоритъ одно: Шикурина ихъ уговаривала уйти изъ дому, говоря, что имъ будетъ лучше; тогда она «разлюбила маму, а теперь не любитъ Дашу...»

Показанія остальныхъ свидѣтелей.

Свид. Чистяковъ, задержавшій дѣтей на пароходѣ, показываетъ, что Шикурина и Елисѣевъ выдавали ихъ за своихъ дѣтей, а Корніенко подтверждалъ это и везъ съ собою узелокъ съ дѣтскими вещами и іоаннитскими книжками.

Дѣти одѣты были по-деревенски; вліяніе на нихъ Шикуриной было таково, что они при задержаніи просили не дѣлать Шикуриной худа.

Тѣ же обстоятельства подтверждаютъ Буршгейнъ и приставъ Павленко.

Содержательница квартиръ для богомольцевъ Тауде показываетъ, что какой-то мужчина еще въ маѣ привозилъ дѣвочекъ Почталицъ на поклоненіе къ о. Іоанну.

Бэла Почталицъ подтверждаетъ это, и товарищу прокурора Благовѣщенскому удается отъ нея добиться признанія, что ѣздили онѣ съ другими іоаннитами, съ которыми ихъ познакомила Шикурина, водившая ихъ неоднократно на собранія іоаннитовъ въ Апраксиномъ пер.

Затѣмъ допрошенъ былъ цѣлый рядъ свидѣтелей — жителей Кронштадта, удостовѣрившихъ, что въ сентябрѣ дѣти привезены были въ Кронштадтъ Шикуриной. Говорили, что дѣвочки «привезены изъ Москвы», при чемъ вмѣстѣ съ Шикуриной былъ нѣкій Черновъ.

Этимъ было исчерпано все судебное слѣдствіе, дополненное лишь оглашеніемъ анонимнаго письма съ ссылкой на митрополита Антонія, который якобы можетъ удостовѣрить, что дѣти были крещены добровольно. Письмо это было получено Почталицъ послѣ задержанія дѣтей.

Пренія сторонъ.

Тов. прокурора Благовѣщенскій первую часть своей рѣчи посвятилъ *объясненію «незыблемаго» въ нашемъ правѣ тезиса: «никто не въ правѣ, какими бы онъ мотивами ни руководствовался, нарушать священныя права родителей»*. Похищеніе же дѣтей является крупнѣйшимъ нарушеніемъ этого священнаго права.

Тов. прокурора указываетъ, что въ данномъ дѣлѣ похищеніе совершено доказано, ибо дѣтей заманили обѣщаніемъ такихъ благъ, о которыхъ въ дѣтскомъ мозгу не могло быть ясныхъ представленій. *Физическаго похищенія въ данномъ случаѣ для состава преступленія не нужно*, ибо дѣти—не вещи.

Отмѣтивъ далѣе, что Шикурина подготовляла, какъ это установлено слѣдствіемъ, похищеніе дѣтей исподволь, и считая вполнѣ доказаннымъ сокрытіе дѣтей Елисѣевымъ и Корпенкомъ, тов. прокурора указываетъ, что никакая, даже самая высокая цѣль не можетъ покрывать преступленія, но «фанатизмъ», которымъ несомнѣнно страдали подсудимые, можетъ играть роль въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли имъ вмѣнить это преступленіе въ вину.

Рѣчь прис. пов. П. Ѳ. Булацеля.

Господа присяжные засѣдатели!

Вамъ приходится разсматривать безпримѣрное въ лѣтописяхъ не только русской исторіи, но и въ исторіи христіанства уголовное дѣло.

Вашему суду предана за якобы похищеніе младенцевъ, а на самомъ дѣлѣ за обращеніе въ христіанскую вѣру двухъ молоденькихъ еврейскихъ дѣвочекъ православная русская крестьянская дѣвушка Дарья Шикурина, находившаяся въ услуженіи у богатой еврейской семьи Почталицъ.

Дарья Шикурина, вмѣсто того, чтобы поддаться вліянію этой еврейской семьи, наоборотъ стала внушать дочерямъ госпожи Почталицъ Дорѣ и Бэлѣ любовь и уваженіе къ православной вѣрѣ и такъ заинтересовала дѣтей Почталицъ, что онѣ однажды вмѣстѣ съ нею поѣхали въ Кронштадтъ и, простоявъ въ соборѣ всю обѣдню, приняли благословеніе отъ отца Іоанна Кронштадтскаго. Послѣ этого Дарья Шикурина стала усердно учить Дору и Болу христіанскимъ истинамъ, она читала имъ Новый Завѣтъ, Житія святыхъ, водила ихъ въ церковь, научила ихъ многимъ молитвамъ и псалмамъ...

Съ чуткостью, свойственной всѣмъ вѣрующимъ женщинамъ, она поняла, какую благопріятную почву для проповѣди любви и мира въ духѣ христіанской вѣры представляютъ эти двѣ еврейскія дѣвочки, родившіяся въ семьѣ, гдѣ талмудъ и предубѣжденіе къ христіанской религіи имѣли огромное значеніе....

Молоденькія смуглыя головки Бэлы и Доры съ жадностью склонялись надъ листами духовныхъ книгъ, которыя имъ читала добрая, тихая, ласковая Дарья Шикурина. Сама еще несовершеннолѣтняя, сама еще въ то время почти дитя, 17-лѣтняя Дарья Шикурина сумѣла внушить къ себѣ искреннюю привязанность въ молодыхъ своихъ хозяйкахъ. Объ дѣвочки полюбили ея тихія рѣчи, ея чудные разсказы о страданіи Христа за грѣшное человѣ-

чество; ея восторженныя повѣсти о подвигахъ первыхъ христіанскихъ мученицъ; ея увѣренія, что и нынѣ, въ вѣкъ общаго кажущагося равнодушія къ Богу и Его заповѣдямъ, есть праведники, который всѣ свои силы и помыслы направляетъ на то, чтобы творить добро людямъ. Жадно слушали дѣти разсказы Даши о праведной жизни отца Іоанна Кронштадтскаго; а когда Даша въ маѣ 1907 года свозила дѣтей потихоньку въ Кронштадтъ и они побывали въ соборѣ и видѣли отца Іоанна, въ дѣтскую душу ихъ проникло страстное желаніе еще разъ побывать въ этой церкви, обстановка которой произвела на нихъ незгладимое впечатлѣніе...

Стремленіе къ Богу, къ высшей, едва доступной ихъ дѣтскому пониманію религіи сдѣлалось ихъ завѣтною мечтой. Молиться Богу, пѣть псалмы, которымъ ихъ научила Даша, читать божественныя книжки, которыя покупала Даша Шикурина—сдѣлалось ихъ любимымъ занятіемъ...

Но странная судьба этой дѣвушки. Если бы она, подобно многимъ другимъ современнымъ молодымъ дѣвушкамъ, разсказывала бы дѣтямъ своей хозяйки скверные анекдоты, развращала бы ихъ душу и сердце, -о, тогда бы ее за это не судили... Но она научила 12-лѣтнюю Валю и 10-лѣтнюю Дору вѣрить въ Господа Іисуса Христа, она уговорила ихъ сдѣлаться христіанками не смотря на то, что ихъ родители іудеи: за это ее судятъ, за это къ ней предъявлено страшное обвиненіе по 1408 ст. улож. О, этотъ вѣкъ условности, вѣкъ жестокихъ противорѣчій! Сколько страданій причиняетъ онъ людямъ, ищущимъ правды! *Чуткость женской души простой крестьянки оказывается выше разсудительности мужчинъ, мнящихъ себя знатоками того, что преступно и что дозволено.* Область высшей нравственности не всегда тождественна съ областью земного правосудія. Предъ вашими глазами раскрылась трогательная трагедія дѣтской души. Эта дѣвочка своимъ примѣромъ дѣйствовала неотразимо и на меньшую сестру Дору, и послѣдняя не столько подъ вліяніемъ Даши, сколько подъ вліяніемъ сестры тоже прониклась желаніемъ стать христіанкой. Запрещаетъ ли Священное Писаніе проповѣдывать Христову вѣру дѣтямъ? Развѣ въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта не содержатся указанія на то, что настанетъ время, когда Евангеліе будетъ проповѣдуемо всѣмъ народамъ и даже дѣти будутъ славословить истиннаго Бога? Развѣ Іисусъ Христосъ не любилъ себя окружать дѣтьми, и развѣ не сказалъ Онъ, что для того, чтобы войти въ царствіе Божіе, надо сдѣлаться чистыми сердцемъ, какъ единый отъ малыхъ дѣтей?

Въ самую мрачную эпоху, когда въ государствѣ Русскомъ распространяется ужасающій развратъ; когда лесть и пустозвонная болтовня занимаютъ государственныхъ людей больше, чѣмъ благо и жизнь мирныхъ гражданъ; когда революціонные тираны, экспропріаторы, освободители и просто разные убійцы травятъ и душатъ людей, какъ насѣкомыхъ, и рѣжутъ, какъ курицъ: когда самоубійства, вызванныя презрѣніемъ къ вождямъ общественныхъ движеній и разочарованіемъ въ жизни, приняли характеръ повальныхъ болѣзней: въ это время не отрадно ли видѣть, что есть люди, сердца которыхъ не зачерствѣли для лучшихъ, отвлеченныхъ, возвышенныхъ мечтаній о Богѣ? Легко становится на душѣ отъ сознанія, что даже въ нашъ вѣкъ политическихъ интригъ и холоднаго безвѣрія есть молодыя женщины, которыя не ищутъ ни похвалъ, ни денегъ, ни земныхъ наслажденій, ни личнаго благополучія, а весь смыслъ жизни видятъ въ томъ, чтобы подражать во всемъ первымъ послѣдователямъ Христа...

Но, съ другой стороны, какое жгучее чувство негодованія поднимается изъ глубины оскорбленной русской души и при видѣ того, что сдѣлала столичная петербургская прокуратура съ Дарьею Шикуриною. Обвинять ее прямо, открыто въ томъ, что она научила еврейскихъ дѣтей вѣрить въ Іисуса Христа, конечно, не могла прокуратура, и вотъ придумано обвиненіе въ похищеніи дѣтей! Но какое же это похищеніе, когда дѣти сами одни уѣхали изъ дому въ Кронштадтъ, тамъ разыскали Дарью Шикурину по адресу, данному имъ ею еще раньше, и затѣмъ уже вмѣстѣ съ нею поѣхали въ деревню, гдѣ жили родители Дарьи Шикуриной? О насиліи физическомъ, объ обманѣ, о соблазнѣ здѣсь не было и рѣчи, ибо всѣ свидѣтели, выставленные самою прокуратурою, удостовѣрили, что дѣвочки Дора и Бэла часто и раньше уходили одни изъ дому, и въ этотъ разъ тоже уѣхали одни въ Кронштадтъ. Это были разумныя развитыя дѣвочки, которыя отлично понимали, что въ бѣдной избѣ, гдѣ жила Дарья Шикурина, ихъ ждутъ лишенія. Онѣ не ожидали ни вкусныхъ сладкихъ кушаній, ни дѣтскихъ игрушекъ. Даша увѣряла ихъ, что Богу пріятно, когда онѣ подолгу стоятъ на колѣняхъ и молятся, повторяя слова молитвъ, которымъ ихъ научила Дарья Шикурина.

Какія трогательныя отношенія существовали между этими дѣтьми богатой еврейки и бѣдною русскою горничной, видно изъ показанія самой матери Сары Почталицъ: «Когда я впервые послѣ разлуки увидѣлась съ моими дочерьми, то старшая дочь, прежде чѣмъ поцѣловать меня, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «мамочка, ты тоже простишься?» И я, чтобы ее успокоить, сказала: хорошо, дѣтка»... Вотъ что сказала на судѣ сама Сара Почталицъ. Свидѣтель же Павленковъ показалъ, что когда Дору и Бэлу задержали вмѣстѣ съ Дарьею Шикуриной, то дѣвочки не хотѣли ни за что возвращаться къ родителямъ, а къ Дарьѣ Шикуриной относились съ дѣтскою любовью. Свидѣтель Чистяковъ удостовѣрилъ подъ присягою, что когда Дарью Шикурину приставъ взялъ за руку, чтобы увести въ помѣщеніе для арестуемыхъ, дѣвочки горько заплакали и стали просить, чтобы Дашу отъ нихъ не уводили. То же подтвердилъ и свидѣтель Бурштейнъ, который былъ повидимому очень заинтересованъ въ розыскѣ дѣтей Почталицъ, такъ какъ мать исчезнувшихъ Доры и Бэлы обѣщала уплатить пятьсотъ рублей тому, кто разыщетъ ея дочерей.

Основываясь на томъ, что мать не знала, куда уѣхали ея дочери, товарищъ прокурора Благовѣщенскій настаивалъ на томъ, что въ дѣлѣ имѣются всѣ признаки преступнаго похищенія дѣтей. Но вѣдь дѣти знали, гдѣ они, и при этомъ не только не стремились домой, но наоборотъ, пользуясь полною свободою, имѣя возможность во всякое время вернуться домой, они избѣгали сами встрѣчи съ матерью до тѣхъ поръ, пока она не приметъ православіе. Итакъ, Дора и Бэла имѣли твердое представленіе о своемъ происхожденіи, о своемъ мѣстожительствѣ и о своихъ родителяхъ. Похищеніе такихъ дѣтей возможно было только въ формѣ насильственнаго задержанія или удержанія ихъ, что составляетъ самостоятельное преступленіе, предусмотрѣнное въ 1540 ст. уложенія; но такого чудовищнаго обвиненія даже петербургская прокуратура не рѣшилась предъявить къ бѣдной деньгами, но богатой душою и чистыми побужденіями Дарьѣ Шикуриной... О насиліи никто не посмѣлъ даже заикнуться—до такой степени *насиліе* не совмѣстимо съ образомъ кроткой 17-ти лѣтней Дарьи Шикуриной, и вотъ

къ ней предъявили обвиненіе по 1408 ст. улож., карающей за похищеніе младенцевъ, т. е. дѣтей, не имѣющихъ ни собственной воли, ни сознанія того, что вокругъ нихъ и съ ними происходитъ. Преступленія, предусмотрѣнныя 1407 и 1408 статьями, могутъ имѣть мѣсто только по отношенію младенца, какъ это и видно изъ самаго текста статей 1407—1408, говорящихъ о похищеніи «младенца». До какого возраста уложеніе считаетъ несовершеннолѣтнихъ младенцами? Нигдѣ въ уложеніи мы не находимъ основанія для опредѣленія возраста дѣтей, упоминаемыхъ въ 1408 ст. ул. Но на церковномъ языкѣ дѣти до семилѣтняго возраста называются «младенцами»... Извѣстные ученые наши юристы Кистяковскій и Лохвицкій въ своихъ учебникахъ называютъ младенцами дѣтей до семилѣтняго возраста. При этомъ Лохвицкій на стр. 515 своего курса уголовнаго права объясняетъ, что по аналогіи изъ ст. 1513 и 1514 улож. необходимо вывести, что подъ младенцами надо подразумѣвать дѣтей никакъ не старше семилѣтняго возраста. Дарья Шикурина, конечно, нарушила родительскія права Сары Почталицъ, обучая ея дѣтей православной вѣрѣ безъ согласія на то матери, но развѣ за это нарушеніе ее можно считать уголовною преступницею? Товарищъ прокурора увѣрялъ въ своей рѣчи, будто въ законѣ нашемъ есть незыблемый тезисъ: «никто не въ правѣ, какими бы онъ мотивами ни руководствовался, нарушать священныя права родителей». Дарья Шикурина руководствовалась «можетъ быть и не преступными побужденіями. Спасибо товарищу прокурора за эту маленькую уступку: онъ допускаетъ мысль, что Дарья Шикурина по природѣ своей не злодѣйка, но все же она, по мнѣнію товарища прокурора, совершила злое дѣло: она обратила въ христіанство двухъ еврейскихъ дѣвочекъ противъ воли ихъ родителей. Этимъ поступкомъ Дарья Шикурина нарушила священныя родительскія права Сары Почталицъ. Говоря о незыблемости родительскихъ правъ, тов. прокурора совсѣмъ забылъ ст. 115 тома XIV св. закон. уст. предуп. и пресѣч. преступл. Религія признается наслѣдственной. Дѣти воспитываются въ религіи своихъ родителей. Но считается ли преступленіемъ призывъ увѣровать въ Господа Іисуса Христа, если этотъ призывъ обращенъ къ малолѣтнимъ нехристіанамъ противъ воли ихъ родителей? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ дѣйствующихъ законахъ, а именно въ примѣчаніи къ статьѣ 115 устава предуп. преступл. (св. зак. т. XIV) говорится: «Министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшается дозволять малолѣтнимъ евреямъ присоединеніе къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ безъ согласія ихъ родителей».

Дарья Шикурина не похищала младенцевъ, но похитила душу и сердце Доры и Бэлы; обѣ дѣвочки ее полюбили пуще родной, во всемъ старались ей подражать, и лучшею для нихъ наградою было, когда Дарья Шикурина была довольна ихъ поведеніемъ. Но физическаго похищенія Дарья Шикурина не совершала, и поэтому напрасно товарищъ прокурора умолялъ присяжныхъ засѣдателей запомнить, что «дальше похищенія дѣтей въ нарушеніи родительскихъ правъ пути уже некуда». Любить другихъ, дѣлать только одно добро, прислуживать страждущему человѣчеству—великая заслуга, на которую способны не всѣ люди. Но заставить маленькихъ еврейскихъ дѣвочекъ беззавѣтно полюбить ту православную русскую крестьянку, которая имъ не льститъ, которая ничѣмъ ихъ не соблазняетъ, могла только выдающаяся по своимъ душевнымъ качествамъ самоотверженная безкорыстная дѣвушка, какъ Дарья Шикурина,—и эту удивительную дѣвушку въ

вѣкъ «прогрессивныхъ свободъ» судятъ уголовнымъ судомъ въ столицѣ Россіи только за то, что она обратила въ христіанство двухъ молоденькихъ еврекъ *безъ согласія* на это ихъ родителей.

Вотъ тяжкое преступленіе, котораго іуден и полухристіане не могли простить семнадцатилѣтней православной дѣвушкѣ! Не спросивъ разрѣшенія у кагала, не посовѣтовавшись съ членами англо-масонской ложи, она по влеченію собственнаго сердца стала поучать дочерей своей хозяйки Почталицъ, какъ надо вѣрить въ Бога и какъ надо любить людей. О, за это тягчайшее преступленіе ее арестовали, ее посадили на скамью подсудимыхъ; противъ нея выступила не только прокуратура, но и русскій присяжный повѣренный «радикаль» Новиковъ въ качествѣ обвинителя въ роли гражданскаго истца. Къ счастью, обязавшись удовлетворить гражданскій искъ въ 200 руб., я избавился отъ одного лишняго противника г. Новикова. Теперь мнѣ приходится спорить только съ прокуратурою. А между тѣмъ въ примѣчаніи къ ст. 115 уст. о предупрежденіи преступленій (св. зак. т. XIV) говорится, что министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшается дозволять малолѣтнимъ евреямъ присоединеніе къ христіанскимъ исповѣданіямъ *безъ согласія ихъ родителей*. Такимъ образомъ, если малолѣтній еврей изъ личныхъ выгодъ захочетъ принять православіе противъ воли своихъ родителей, онъ можетъ по закону получить на это благословеніе отъ самого предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина. Но если малолѣтнія еврейки по убѣжденію, безъ всякой корыстной цѣли, захотѣли сдѣлаться христіанками подъ вліяніемъ бесѣдъ и поученій Дарьи Шикуриной, то юную проповѣдницу христіанства преслѣдуютъ и судятъ, какъ уголовную преступницу, предъявивъ къ ней вымышленное обвиненіе *въ похищеніи младенцевъ*. И ничто не останавливаетъ современныхъ либераловъ отъ самыхъ рискованныхъ измышленій въ тѣхъ случаяхъ, когда непреодолимая сила побуждаетъ ихъ угождать масонскому кагалу. Тутъ ужъ ни совѣсть, ни здравый смыслъ, ни кассаціонныя рѣшенія, ни авторитеты знаменитыхъ профессоровъ не принимаются во вниманіе. Вызываются сыщики, кѣмъ-то подбираются и подгасовываются факты, никакого отношенія къ дѣлу не имѣющіе! Какъ общее правило, можно признать, что въ большинствѣ случаевъ потерпѣвшіе отъ преступленія не должны разсчитывать лишь на законность своихъ требованій. Когда потерпѣвшій или невинно оклеветанный ссылается на свои права и подаетъ жалобы по начальству, то онъ лишь наживаетъ себѣ враговъ и цѣли не достигаетъ. Но если потерпѣвшаго беретъ подъ свое покровительство *жидовская* печать — картина немедленно мѣняется. *Къ голосу этой печати большинство чутко прислушивается современные русскіе вершители*. А между тѣмъ всѣ евреи на всемъ земномъ шарѣ за все время существованія человѣчества не причинили и не могли причинить столько зла, сколько въ одинъ годъ въ Россіи приносятъ зла сто пятьдесятъ еврейскихъ газетъ.

О, сколько разъ хотѣлось бы на всю Россію громко повторить слова знаменитаго Лассаля: «Поймите же, если тысячи газетныхъ писакъ, этихъ бездарныхъ, но упрямыхъ настойчивыхъ клеветниковъ, свыше чѣмъ ста тысячами голосовъ ежедневно систематически вдыхаютъ въ народъ свое тупое невѣжество, свою ненависть ко всему истинному и великому въ политикѣ, въ искусствѣ и наукѣ, то не миновать гибели народному духу, будь онъ хоть трижды такъ прекрасенъ. Поймите же это!».

Русская молодежь увлекается Марксомъ и Лассалемъ, но этихъ словъ

Лассаля ей не повторятъ ни либеральные профессора, ни прогрессивныя газеты: а русскіе правительственные верхи только тогда поймутъ весь ужасъ газетнаго разврата, когда онъ окончательно погубитъ Россію.

Дѣло Шикуриной кажется вполнѣ яснымъ—въ этомъ дѣяніи юной проповѣдницы нѣтъ состава преступленія: но потерявшіе стыдъ либеральные журналисты не постѣснились помѣстить цѣлый рядъ статей, гдѣ Талмудъ и Евангеліе разсматриваются *въ качествѣ совершенно равныхъ началъ*, между которыми и происходитъ соревнованіе безотносительно окружающихъ условій—времени, мѣста, законовъ: но для судей не можетъ быть сомнѣнія, что совращеніе въ христіанство должно имѣть иныя послѣдствія, чѣмъ совращеніе въ іудейство. О господствѣ въ Русскомъ государствѣ православной церкви не стоитъ упоминать. По возрѣніямъ еврейскихъ газетъ никакой церкви не существуетъ, господство православія они отожествляютъ съ кострами Симеона Полоцкаго.

При такихъ условіяхъ доказывать что-либо гонителямъ православія весьма трудно. Но въ данномъ случаѣ они зашли черезчуръ далеко. Они вышли изъ предѣловъ разсужденій о господствѣ православной церкви, о правахъ государственной народности, о сложившихся вѣками историческихъ устояхъ. Съ настоящаго момента они перестали признавать уже исторію міровую—ту исторію, которая видѣла повсемѣстное распространеніе христіанства, видѣла всюду христіанскихъ миссіонеровъ, женщинъ и дѣтей, сѣявшихъ въ человѣческихъ душахъ сѣмя высшаго ученія, которое когда-либо было даваемо людямъ.

Отдѣльные люди могутъ разсуждать объ отвлеченныхъ предметахъ, но народныя массы нуждаются въ наглядныхъ примѣрахъ. Неужели же наша прокуратура и высшіе чиновничьи круги, управляющіе теперь Россіею, не поймутъ, что передѣлывать всемірную исторію въ угоду іудейскому кагалу и сотнѣ жадныхъ банкировъ—задача слишкомъ рискованная? Вѣдь особенность христіанства, его божественное происхожденіе всего яснѣе можно видѣть изъ того, что религія Христа и самыя глубокія истины Христова ученія одинаково доступны и понятны какъ мудрецамъ, такъ и простымъ неграмотнымъ людямъ. Всѣ другія религіи хранятъ втайнѣ свои основныя вѣроученія. Только жрецы и первосвященники посвящены во всѣ тайны «Талмуда», «Кабалы», «Ведъ» и другихъ священныхъ книгъ. Народъ же у язычниковъ слѣпо повинуется своимъ жрецамъ, но самъ не посвященъ въ основы своей религіи. Только христіанская религія одинаково доступна и бѣднымъ и богатымъ, и ученымъ старцамъ и юнымъ отроковицамъ. Христосъ въ терновымъ вѣнкѣ, Христосъ въ бѣломъ одѣяніи съ благимъ печальнымъ взоромъ на чудно-благостномъ лицѣ волнуетъ воображеніе даже дѣтей, и, складывая ручки на молитву, католическія дѣтки съ благоговѣніемъ восклицаютъ: «O, Iesus!» лютеранскія малютки шепчутъ «O, unser Heiland», а православныя дѣти утромъ и вечеромъ становясь на колѣни горячо молятъ: «Іисусе Христе, Сыне Божій, спаси, помилуй и сохрани здоровье нашѣ, мамѣ и мнѣ, младенцу твоему».

Сравнять съ безсердечнымъ Талмудомъ, учащимъ «око за око», кроткую религію Христа, учившаго, что царствіе Божіе не отъ міра сего и что люди должны любить другъ друга, какъ самихъ себя, могутъ только люди или потерявшіе разумъ, или подкупленные еврейскимъ золотомъ. Обвинять Дарью Шикурину въ томъ, что она «совратила» еврейскихъ дѣвочекъ въ христіанство, могли только люди, забывшіе, что передъ Сыномъ Божіимъ, во-

площенным въ человѣческій образъ, передъ Богомъ, дѣлившимъ людскія горести и печали, передъ Богомъ, жившимъ среди людей, возлежавшимъ съ ними за столомъ, радовавшимся ихъ чистымъ радостямъ, плакавшимъ надъ человѣческими могилами и истекшимъ кровью на крестѣ за грѣхи всего земного міра,—предъ этимъ Богомъ пали во прахъ и юныя чистыя дѣвы и старыя грѣшницы, и мытари и рыбаки, и предубѣжденія іерусалимской синагоги и сомнѣнія греческихъ академій, и гордость портика, и сѣкиры ликторовъ, и мечи тридцати легіоновъ, и безумное самомнѣніе повелителей вселенной, земныхъ полубоговъ римскихъ императоровъ. Все преклонилось предъ Христомъ -только петербургская прокуратура, подъ видомъ защиты родительскихъ правъ, пыталась отвергнуть право каждаго православнаго христіанина проповѣдывать религію Христову маленькимъ дѣтямъ, которыми такъ любилъ окружать себя Іисусъ Христосъ. Но обвиненіе противъ Дарьи Шикуриной разбилось о тѣ факты, которые установлены на судѣ, и о тѣ доводы, которые я привелъ, вамъ, господа присяжные засѣдатели, и вы всѣ, не взирая на различіе вашихъ политическихъ убѣжденій, не колеблясь должны вынести, и конечно, вынесете оправдательный приговоръ Дарьѣ Шикуриной, осудивъ тѣхъ, которые придумали этотъ вопіющій процессъ.

* * *

Черезъ минуту присяжные засѣдатели, удалившіеся для совѣщанія, вернулись въ залъ, и старшина огласилъ вердиктъ: «всѣ подсудимые оправданы».

Старшина присяжныхъ и большинство присяжныхъ засѣдателей подошли къ присяжному повѣренному П. Ѳ. Булацелю и выразили ему признательность за его «горячую убѣжденную рѣчь».

Иностранное министерство.

Громять въ настоящее время нашу безыменную бюрократію совсѣмъ не опасно. Каждый сановникъ-бюрократъ охотно браниТъ Россію за ея бюрократизмъ и на свой счетъ не приметъ того, что говорится въ порицаніе современнаго россійскаго государственнаго строя. Для того, чтобы восхвалять англійскую конституцію и изрекать хулу на русскій народъ и на все русское, для этого большого мужества у насъ въ Россіи не требуется, это дѣло вполнѣ безопасное; а вотъ написать хотя бы открытое письмо министру иностранныхъ дѣлъ съ упрекомъ за то, что изъ-за «не русской» дипломатіи пришлось русскимъ морякамъ взрывать русскіе крейсера и миноносцы — вотъ для этого надо такое мужество, котораго не найдется у самыхъ восторженныхъ поклонниковъ представительнаго правленія». Корень нашихъ русскихъ пестрощей никакъ не въ системѣ единодержавія, — ибо *самодержавіе* всегда спасало и, дастъ Богъ, и въ будущемъ спасетъ Россію отъ распаденія, — а въ людяхъ...Если чиновники берутъ взятки при монархическомъ строѣ государства, то при парламентаризмѣ они берутъ взятки въ двойномъ размѣрѣ, потому что ихъ вкусы, потребности и расходы не только тогда не уменьшаются, но напротивъ того у нихъ прибавляется еще новый расходъ: теперь они «только берутъ» — а тогда имъ придется самимъ тоже давать взятки депутатамъ и выборщикамъ. Депутаты и чиновники сыты и довольны, но милліоны простого народа останутся въ накладѣ, и русскому мужичку будетъ несравненно тяжелѣе, чѣмъ при самодержавіи. Провести какой-нибудь благодѣтельный для крестьянъ и для рабочаго люда законъ гораздо труднѣе въ государствахъ съ парламентскимъ устройствомъ, чѣмъ въ государствѣ, гдѣ царитъ просвѣщенный абсолютизмъ. У насъ въ Россіи самые важные и сложные земскіе, земельные, экономическіе вопросы разрѣшались безъ напрасной траты времени, безъ шума, безъ дракъ, безъ кровопролитія. Освобожденіе сорока милліоновъ рабовъ отъ крѣпостной зависимости, надѣленіе этихъ рабовъ землею, взятою у помѣщиковъ, привыкшихъ жить на счетъ чужого дароваго труда, развѣ это не величайшая реформа, какую знаетъ исторія? И эта реформа совершилась у насъ въ Россіи, словно по мановенію волшебства, по волѣ Самодержавца. Знаменитый англійскій писатель Оливеръ Гольдсмитъ въ поэмѣ своей «Травлеръ» цѣлымъ рядомъ разительныхъ примѣровъ доказалъ, что счастіе страны зависитъ не отъ политическаго устройства страны, а отъ причинъ, таящихся въ собственной душѣ и *въ воспитаніи чело-*

опыта. Гольдсмитъ рисуетъ жизнь въ Англіи и въ другихъ странахъ и всюду находитъ одинаковое количество счастливыхъ и несчастливыхъ людей. Ту же истину доказывали величайшіе мыслители, начиная отъ Платона и кончая графомъ Л. Толстымъ. Но что значатъ сокровищницы человѣческой мысли и человѣческаго опыта для современныхъ безыменныхъ писакъ, нахлынувшихъ на столбцы повседневной газеты подобно стаѣ жадныхъ коршуновъ, готовыхъ заклевать все святое и великое, лишь-бы только побольше получить пятачковъ за строку?! Откройте любую газету—и вы увидите, что на одного писателя, имѣвшаго мужество подписать свою статью своимъ именемъ, приходится сотни разныхъ анонимныхъ подписей. Въ «Словѣ» пестрѣли подписи Рцы, Бобыли и т. п.; въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Редь, Скорпіонъ, Икъ, Аязиміровъ, Зедъ Эсперовъ, «Алмазовъ» и т. д. Въ «Новомъ Времени» виляющій во всѣ стороны Ст...нъ, затѣмъ Аргусъ, Рогдай и т. п. русскія имена, за которыми «быть можетъ скрылся полякъ или еврей... То же печальное явленіе замѣчается въ самомъ важномъ изъ всѣхъ министерствъ, отъ котораго зависитъ слава Россіи, благосостояніе русскаго народа, миръ и война для отечества. Отъ имени Россіи говорятъ люди, не умѣющіе не только говорить по-русски, но даже думать по-русски,—это ли не корень всѣхъ русскихъ бѣдъ!

Въ учебникѣ законовѣдѣнія, составленномъ въ 1903 году Васьковскимъ и Пергаментомъ для воспитанниковъ училищъ малаго и дальняго плаванія, который былъ посланъ главнымъ управленіемъ торговаго мореплаванія мнѣ для дачи моего заключенія о желательныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, *во главѣ всѣхъ министерствъ поставлено министерство иностранныхъ дѣлъ*, и область его дѣятельности опредѣлена вкратцѣ въ трехъ видахъ:

1. Веденіе переговоровъ съ иностранными правительствами.
2. *Покровительство русскихъ подданныхъ въ чужихъ краяхъ.*
3. Содѣйствіе удовлетворенію законныхъ требованій иностранцевъ въ Россіи.

Какъ это ни грустно, но должно признать, что изъ всѣхъ трехъ перечисленныхъ родовъ дѣятельности нашего министерства иностранныхъ дѣлъ за послѣдніе сто лѣтъ особенною ревностью отличалось выполненіе тѣхъ задачъ, которыя перечислены въ третьемъ столбцѣ, т. е. *удовлетвореніе далеко не всегда даже законныхъ требованій иностранцевъ въ Россіи*; а менѣе всего министерство это заботилось о русскихъ интересахъ: такъ напримѣръ, Россійскій посолъ въ Лондонѣ баронъ Браунъ, пробывшій чуть ли не 25 лѣтъ представителемъ Россіи въ Англіи, болѣе всего на свѣтѣ *избѣгалъ встрѣчаться съ русскими людьми* и не разъ высказывался, что «русскіе ему ужасно надоѣли»... Чѣмъ объяснить такое отвратительное явленіе, не возможное ни въ какомъ другомъ государствѣ, кромѣ Россіи? Многіе мнѣ скажутъ: вотъ они, ваши самодержавные порядки, которые вы защищаете, а сами же называете ихъ отвратительными явленіями. Да, я называю вещи и людей ихъ собственными именами, *но я вижу въ безобразіяхъ, которыя творятся въ Россіи, людей, а не самодержавный строй и связанныя съ нимъ учрежденія;* тѣ же законы, тѣ же учрежденія, тѣ же комнаты, обои, тѣ же стулья въ министерствахъ, дворцахъ и канцеляріяхъ пусть все это остается *по-старому*, но если на этихъ стульяхъ будутъ сидѣть русскіе люди, для которыхъ долгъ и обязан-

ности къ родинѣ будутъ стоять на первомъ мѣстѣ, то участь Россіи будетъ совсѣмъ иная, и многострадальный русскій народъ вздохнетъ съ облегченіемъ. Корень зла вовсе не въ самодержавіи, а въ томъ, что льстецы не рѣшаются говорить правду въ глаза Монарху, стараясь подлаживаться подъ его личные вкусы и забывая интересы родины. Несчастіе теперешней Россіи въ томъ, что при Дворѣ не видно сильныхъ людей съ твердою волею и съ желѣзнымъ характеромъ. Теперь въ почетѣ кислосладкіе Молчалины. Отчего пренебрегаютъ русскими людьми? Неужели только потому, что русскіе монархи по закону обязаны жениться на иностранкахъ? Развѣ русскіе люди не способны къ общественной и политической дѣятельности? Исторія Московскаго государства доказываетъ, что русскіе были очень искусными дипломатами. Московскіе самородки безъ европейскаго образованія, безъ знанія даже иностранныхъ языковъ, умѣли все-таки лучше оградить интересы Русскаго государства и достоинство русскаго правительства, чѣмъ новая школа балтійскихъ дипломатовъ, несмотря на то, что послѣдніе знали въ совершенствѣ нѣмецкій, англійскій и французскій языки. Неудачи и промахи русской дипломатіи въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ происходятъ отъ того, что наша *новая* дипломатія, народившаяся послѣ Екатерины Великой, ничего общаго не имѣетъ съ русскимъ народомъ и русскимъ духомъ. Все это чужеродцы, зачастую неспособные усвоить русскій языкъ и русскія потребности. Входя, напримѣръ, въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ при князѣ Горчаковѣ, надо было прежде всего забыть, что на свѣтѣ существуетъ русскій языкъ; директора департаментовъ и канцеляріи баронъ Жомини, Хельскій и Гамбургеръ совсѣмъ не говорили по-русски. Такіе дипломаты всегда конечно подпадали вліянію иностранныхъ политиковъ. Метерних, Бисмаркъ и даже Бэконсфильдъ были для нихъ кумирами. И, благодаря такому преклоненію, наша дипломатія дѣлала одинъ промахъ за другимъ, неизмѣнно на разныхъ конгрессахъ портя всѣ успѣхи, достигнутые русскими войсками въ открытомъ бою... Когда же на обязанности русской миролюбивой и уступчивой дипломатіи лежало предотвратить надвигающуюся войну, то и съ этою задачею никогда не умѣли справиться. *Слишкомъ явно показывая, что русское правительство не готовится къ войнѣ, боится войны и согласится итти на великія уступки ради избѣжанія войны, наши безоружные дипломаты* приводили *каждый разъ Россію къ необходимости воевать въ такое время, когда въ Россіи менѣе всего ожидали войны.* Отъ этихъ горькихъ, но вполнѣ заслуженныхъ упрековъ нельзя не перейти къ разрѣшенію вопроса: зачѣмъ у насъ въ дипломатіи почти исключительно пользуются услугами балтійцевъ, а въ послѣднее время поляковъ? Развѣ природные русскіе доказали такъ-же, какъ инородцы, свою неспособность въ этой важной отрасли государственной службы? Безпристрастное изученіе исторіи доказываетъ какъ разъ обратное. Въ XIX вѣкѣ было только два выгодныхъ для Россіи договора, и оба они были заключены русскимъ человѣкомъ: графомъ Н. П. Игнатьевымъ. А Московское царство выдвинуло рядъ блестящихъ пословъ: Шевригина, Матвѣева, Ордынъ-Нащокина, Голицына, Бутурлина, Алферова и т. п. Такой искусный, испытанный дипломатъ, какъ іезуитъ Антоній Посевинъ, не могъ, напримѣръ, окрутить и обойти русскаго посланца царя Іоана Грознаго, Истому Шевригина. Этотъ Шевригинъ не зналъ ни одного языка, кромѣ русскаго, не могъ даже вполнѣ довѣрять своимъ переводчикамъ, и тѣмъ не менѣе онъ не потерялся среди сказочной ро-

скопи и великолѣпія тогдашней Италіи. Природный умъ и привязанность къ родинѣ помогли ему ловко избѣгнуть всѣхъ ловушекъ и капкановъ, которые разставлялъ Антоній Поссевинъ. Посланецъ русскаго царя съ честью выполнилъ возложенное на него порученіе: всюду все видѣлъ, высмотрѣлъ, далъ точные и ясные отвѣты на всѣ запросы наказа. Нигдѣ онъ не проявлялъ нетерпимости: ни одного рѣзкаго осужденія заморскихъ обычаевъ не встрѣчается въ его письмахъ и отчетахъ. *Но любовь къ Россіи не покидаетъ его ни на минуту.*

Въ интересной брошюрѣ о Шевригинѣ, вышедшей въ 1900 году, русскій историкъ Николай Лихачевъ, подвергшійся въ 1907 году травлѣ со стороны прогрессивно-жидовствующаго академика Маркова, говоритъ, что «Шевригинъ никогда не терялся и во время второй аудіенціи у венеціанскаго дожа онъ безъ всякой подготовки очень здраво разсуждалъ о торговыхъ путяхъ въ Персію». Поѣздка Шевригина въ Италію послужила предметомъ для многихъ сочиненій и историческихъ изслѣдованій. Иные писатели обвиняютъ Шевригина въ томъ, что онъ поддѣлалъ грамоту къ венеціанскому дожу. Но если это даже правда, то нельзя умолчать о томъ, что даже на подлогъ онъ рѣшился не изъ корыстныхъ личныхъ побужденій, а исключительно изъ желанія принести пользу Московскому государству.

Можно ли сравнивать языкъ нашихъ современныхъ дипломатовъ съ тѣмъ языкомъ, какимъ говорили съ иностранными дипломатами послы московскихъ царей? Трогательная любовь къ родинѣ, убѣжденіе въ силѣ Русскаго царства чувствуется въ каждомъ словѣ московскихъ дипломатовъ. Какъ они находчивы, какъ стойки въ отстаиваніи выгодъ и славы Русскаго государства! Для нихъ благо Россіи выше всего на свѣтѣ. А менѣе всего ихъ прельщала мысль, чтобы ихъ похвалили въ «нѣмецкихъ странахъ» за ихъ уступчивость. Посольскій приказъ Московскаго государства отличался отъ современной нашей дипломатіи тѣмъ, что во-первыхъ не поддавался иностранному вліянію, во-вторыхъ тѣмъ, что всѣ должности въ посольствахъ замѣщались исключительно русскими людьми, и въ-третьихъ тѣмъ, что московскіе дипломаты никогда никому не дѣлали никакихъ уступокъ.

Обыкновенно принято считать, что объединеніемъ и мощью своею Московское государство исключительно обязано мужеству русскаго воинства и московскихъ царей, про дѣятельность московской дипломатіи почти совсѣмъ забываютъ; а между тѣмъ къ чему бы послужили всѣ блестящія русскія побѣды надъ татарами, надъ Польшею и Литвою, если бы московскихъ пословъ можно было бы такъ же легко запугать или задобрить, какъ тѣхъ чужеродныхъ дипломатовъ, которые наводнили наше министерство иностранныхъ дѣлъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ? Московскіе послы никогда не витали въ заоблачныхъ мечтаніяхъ, а всюду дома и на чужбинѣ старались служить на пользу родины. Они не были такъ наивны, какъ тѣ господа, которые воображаютъ, будто, добровольно уступая другимъ государствамъ и во всемъ довольствуясь наименьшимъ,—можно обезпечить миръ и спокойствіе своей родинѣ. *Они твердо помнили, что тотъ, кто добровольно уступаетъ другимъ свое мѣсто, не въ правѣ надѣяться, что эти другіе оставятъ ему хоть какое-нибудь мѣсто...* И поэтому московскіе послы никогда не портили успѣха, достигнутаго русскими войсками. Московскіе послы считали бы величайшимъ

несчастіемъ и позоромъ для себя и для Московскаго государства подписать такой договоръ, какъ Берлинскій трактатъ или Портсмутскій договоръ, даже въ томъ случаѣ, если бы русскія войска были разбиты. А вѣдь Берлинскій трактатъ появился на свѣтъ Божій послѣ блестящихъ побѣдъ русскихъ войскъ!

Теперь часто удивляются стойкости англійской дипломатіи, но московскіе послы въ семнадцатомъ вѣкѣ ни въ чемъ не уступали современнымъ англійскимъ дипломатамъ. Вспомнимъ присоединеніе Малороссіи. Какъ блестяще выполнилъ посолъ московскаго царя, боярина Бутурлина, возложенное на него порученіе. На радѣ въ Переяславѣ въ 1654 году боярина Бутурлинъ выяснилъ всѣ выгоды для Украйны стать подданными московскаго царя. При этомъ Бутурлинъ не поскупился въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ описать мощь и славу Московской державы. Вѣрными сотрудниками и помощниками боярина Бутурлина были думный дьякъ Лопухинъ и окольничій боярина Алферовъ.

Когда по прибытіи въ соборъ казацкій архимандритъ взялъ присяжный листъ и хотѣлъ приводить къ присягѣ, Хмѣльницкій предложилъ сперва присягнуть посламъ отъ имени царя, что государь не нарушитъ правъ украинцевъ.

Бутурлинъ отвѣчалъ: «У насъ нѣтъ обычая. Подданные присягаютъ своему государю, и вы должны давать вѣру тому, подъ чью высокую руку поступаете».

Гетманъ приказалъ подождать, а самъ пошелъ посовѣтоваться съ полковниками и войсковымъ старшиной. Цѣлый часъ боярина ждалъ гетмана, наконецъ, по его порученію явился хозяинъ города, полковникъ Тетеря, съ другимъ полковникомъ и убѣждалъ пословъ присягнуть, говоря, что польскіе короли присягали. Послы отвѣчали, что короли присягали, да присяги не держали, а царское слово безъ всякой присяги крѣпко. Тетеря возразилъ, что гетманъ и они, полковники, и всѣ старшины вѣрятъ посламъ и такъ, но надо присягнуть для народа, иначе будутъ волненія.

«Это уже ваше дѣло справляться съ народомъ и учить ихъ и наставлять», отвѣчалъ Бутурлинъ...

Полковники вернулись къ гетману и послѣ долгихъ споровъ рѣшили принести присягу.

Такимъ образомъ, только благодаря стойкости русскаго посольства, Украйна присоединилась къ Московскому царству безъ всякихъ оговорокъ, мирно и тихо слившись въ одно великое Русское государство... Слава и вѣчная память русскимъ дипломатамъ! Какая неизмѣримая разница между самоотверженной, безкорыстной любовью къ Россіи этихъ русскихъ бояръ и тѣхъ бездарныхъ поляковъ, шведовъ, голландцевъ и чухонцевъ изъ балтійскихъ губерній, которые съ начала девятнадцатаго вѣка засѣли въ канцеляріяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ...

Странная судьба у этого министерства. Въ то время, какъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія или преобразованія и нововведенія, министерство это какъ бы застыло и черезъ сто лѣтъ, въ началѣ двадцатаго столѣтія сохранило тѣ же отличительныя свойства и тотъ же духъ, который въ началѣ девятнадцатаго столѣтія приводилъ въ отчаяніе князя Вяземскаго..

Многіе думаютъ, что русская политика отдана была въ руки нѣмцевъ великимъ основателемъ Петербурга. Но это непростительное заблужденіе, ибо въ дѣйствительности Петръ Великій былъ истинно русскій человѣкъ и никогда не ввѣрялъ судьбы Россіи иностранцамъ; онъ лишь привлекалъ иностранцевъ на русскую службу, стараясь использовать ихъ техническія и научныя познанія, *но никогда не терпѣлъ, чтобы иностранцы распоряжались на Руси и заправляли русской политикой...*

Дипломатами Петровскаго времени были все тѣ же искусные, стойкіе и убѣжденные въ могуществѣ Россіи русскіе бояре, какими были и послы московскихъ царей. «Птенцы гнѣзда Петрова, въ премѣнахъ жребія земного, въ трудахъ державства и войны его товарищи, сыны» были, за самыми немногими исключеніями, все русскіе люди; только Брюсъ, Бауеръ, Остерманъ и Шафировъ были чужеродны, но зато имъ Петръ и не давалъ никогда той власти и тѣхъ полномочій, какими онъ облекалъ Головина, Головкина, Толстого, Долгорукаго, Рѣпнина, Меньшикова, Апраксина, князя Ромодановскаго, Шереметева, Бестужева-Рюмина и др.

Петръ Великій охотно принималъ на русскую службу иностранцевъ и щедро награждалъ ихъ за услуги, оказанныя Русскому государству; но въ то же время онъ всегда ревниво оберегалъ Россію отъ всякихъ попытокъ иностранцевъ задирать голову предъ русскими. Онъ никогда не позволялъ иностранцамъ господствовать въ Россіи и при столкновеніи ихъ съ русскими всегда заступался за русскихъ. Директоръ Морской академіи Сентъ-Илеръ вздумалъ враждовать съ Матвѣевскимъ, а фельдмаршалъ Огильви хотѣлъ взять верхъ надъ Шереметевымъ, *но Петръ въ обоихъ случаяхъ осадилъ зазнавшихся иностранцевъ, и Сентъ-Илеръ и Огильви были оба удалены со службы.* Минихъ и Остерманъ, выдвинувшіеся при Петрѣ, не смѣли однако при немъ высказывать своей нелюбви къ русскимъ и притворялись, будто горячо полюбили свою новую родину. Только уже при преемникахъ Петра Великаго Минихъ и Остерманъ сбросили свои маски и выказали во всей красѣ свое двоедушіе и корыстолюбіе.

До императора Александра I русская дипломатія состояла по преимуществу изъ русскихъ людей. Правда, блестящій Ништадтскій миръ былъ заключенъ Брюсомъ и Остерманомъ, уполномоченными со стороны Россіи; но нельзя забывать, что, хотя веденіе мирныхъ переговоровъ съ Швеціею Петръ Великій поручилъ Брюсу и Остерману, однако самъ неуклонно удерживалъ за собою руководительство ими. Выгодному для Россіи исходу мирныхъ переговоровъ очень много содѣйствовалъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, который, исполняя приказаніе Петра, *отказался принять мирное посредничество англійскаго адмирала Норриса, явившагося въ Балтійское море во главѣ сильнаго морского флота.* Попытка англичанъ навязать Россіи посредничество въ угрожающей формѣ не удалась. *Дипломаты Петра Великаго не испугались и не поддались на ту удочку, на которую попалось въ 1878 году русское правительство императора Александра II-го.* Настойчивость и увертливость Брюса могутъ служить хорошимъ примѣромъ для современныхъ, не въ мѣру уступчивыхъ нашихъ дипломатовъ. Приступая къ переговорамъ, шведскіе уполномоченные заявили, что «они скорѣе всѣ согласятся дать обрубить себѣ руки, чѣмъ подписать такой миръ, по которому Лифляндія и Выборгъ останутся за Россіею». Но такое предисловіе не смутило Брюса, и онъ спокойно отвѣчалъ, что «безъ Лифляндіи и Вы-

борга царское величество мира не заключитъ, а для Швеціи и то довольно будетъ, если Финляндію обратно получитъ». — «Но вѣдь на Аландскомъ конгрессѣ было предположено оставить Лифляндію за Россіею только на время», замѣтили шведскіе уполномоченные. «Это предложеніе было сдѣлано тогда только для того, чтобы помѣшать заключенію мира Швеціи съ Англіею», отвѣчалъ Брюсъ. Видя упорство Брюса, шведы пошли на уступки, но настаивали на томъ, чтобы Россія вернула Швеціи хотя бы городъ Выборгъ и городъ Перновъ. «Выкиньте это изъ головы.—отвѣтилъ Брюсъ,— Перновъ принадлежитъ къ Лифляндіи, гдѣ намъ имѣть сосѣда вовсе не нужно, а Выборга вамъ отдать никакъ нельзя». — «Мы уступимъ всю Лифляндію» говорили шведы, но съ условіемъ, чтобы царь уплатилъ намъ какое-нибудь вознагражденіе и не посылалъ бы своихъ войскъ въ Швецію, пока идутъ мирные переговоры, такъ какъ отъ этого могутъ разстроиться переговоры. Брюсъ однако и на эту уловку не попался, а отвѣчалъ: «Если царское величество пошлетъ свое войско въ Швецію, то отъ этого никакого препятствія переговорамъ не учинится, а еще скорѣе миръ будетъ заключенъ». За Ништадтскій мирный договоръ Петръ Великій возвелъ Брюса въ графское достоинство. Люди, утверждающіе, будто Петровскую Россію создали нѣмцы, причисляютъ графа Якова Вильямовича Брюса къ иностранцамъ, которыми окружилъ себя Петръ I. Но въ дѣйствительности Яковъ Брюсъ былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ. Отецъ его Вильямъ Брюсъ былъ шотландецъ, но въ ранней юности переселился въ Россію, поступивъ на службу къ царю Алексѣю Михайловичу, который назначилъ его полковникомъ въ Псковъ. Сыновья его Яковъ и Романъ родились уже въ Россіи, великолѣпно владѣли русскимъ языкомъ и по тогдашнимъ временамъ принадлежали къ весьма образованнымъ людямъ. Кромѣ Остермана и Шафирова почти всѣ дипломаты Петра Великаго были русскіе. Въ Лондонѣ представителемъ Петра былъ Веселовскій; въ Польшу и Саксонію Петръ посылалъ для переговоровъ князя Григорія Ѳедоровича Долгорукова; въ Пруссію Петръ посылалъ для переговоровъ Александра Головкина и Петра Андреевича Толстого, а въ Данію графа Платона Мусина-Пушкина и Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, въ Турцію Алексѣя Дашкова. Посланниками Петра въ Парижѣ были князь Куракинъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ и баронъ Шлейницъ.

Какъ мало Петръ Великій довѣрялъ нѣмцамъ, видно изъ инструкціи его поручику гвардіи графу Платону Мусину-Пушкину, въ которой предписывается Мусину-Пушкину по пріѣздѣ въ Парижъ добиться «тайно отъ барона Шлейница аудіенціи у французскаго регента и «объявить регенту, что если ему персона барона Шлейница, какъ человѣка нѣмецкой націи, не противна, то переговоры будутъ все-же вестись не однимъ Шлейницемъ, а вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ». На вопросъ Мусинъ-Пушкина, вѣритъ ли онъ барону Шлейницу, регентъ отвѣчалъ: «Шлейницъ — нѣмецъ, оттого я ему мало вѣрю, и, безъ сомнѣнія, лучше вѣрится природному, чѣмъ чужестранному». Эти слова французскаго регента слѣдовало бы золотыми буквами начертать на дверяхъ современнаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Но, увы, теперь повидимому совсѣмъ забыли истину, что чужестранцамъ не слѣдуетъ отдавать предпочтенія предъ природными гражданами. Теперь всѣ должности, самыя почетныя и отвѣтственныя, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ заняты шведами, поляками и чухонцами. Слава и спокойствіе Россіи, судьба русскаго войска и рус-

ского флота, вся будущность Россіи находятся въ рукахъ не русскихъ! Печальные результаты этого явленія сказались во время проклятой японской войны. Старшіе флагманы Тихоокеанской эскадры вице-адмиралъ Старкъ и контръ-адмиралъ Штакельбергъ, вслѣдствіе близорукости балтійскихъ дипломатовъ графа Ламсдорфа и Сиверса, ничего не прибавили къ тѣмъ лаврамъ, которые стяжали русскіе моряки Корниловъ, Лазаревъ, Нахимовъ. Назимовъ, Дубасовъ, Тыртовъ, Шестаковъ, Барановъ, Макаровъ... Все дорогія русскія имена! *Русскіе богатыри*, какъ видно изъ примѣровъ Кондратенка, Міщенка, Спиридонова, Смирнова, графа Келлера, Гаврилова и др., *еще, слава Богу, не перевелись на Святой Руси, а поэтому оттѣснять русскихъ и выдвигать на начальническія должности всюду инородцевъ—великое преступленіе!* Дѣло конечно не въ фамиліи: среди русскихъ патріотовъ могутъ попадаться и нерусскія фамиліи людей, безгранично любящихъ Россію,—вѣдь Ренненкампфъ, графъ Келлеръ, графъ Н. Ѳ. Гейденъ, графъ О. Л. Медемъ, Владиміръ Ѳедоровичъ Лауницъ и др. по происхожденію не русскіе, но они обрусѣли, они слились душою и сердцемъ съ русскимъ народомъ, они были до мозга костей русскіе люди... А много ли въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ найдется такихъ обрусѣвшихъ иностранцевъ? Увы, наша современная дипломатія кишитъ не русскими людьми. Даже во времена Бироновщины русская дипломатія не была еще наводнена такъ инородцами, какъ теперь, когда полякъ Козеллъ-Поклевскій состоитъ посланникомъ въ Тегеранѣ. Въ Вѣну и въ Берлинъ Петръ Великій посылалъ къ 1705 году Петра Михайловича Бестужева-Рюмина, а въ 1713 году тому же Бестужеву было велѣно отправиться въ Гаагу «для присматриванія политическихъ дѣлъ». Сынъ его графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ былъ резидентомъ въ 1720 году въ Лондонѣ, а затѣмъ министромъ-резидентомъ въ Стокгольмѣ.

Братъ его Алексѣй Петровичъ Бестужевъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ неоднократно различныя дипломатическія порученія въ царствованіе Анны Іоанновны, а въ 1744 году возведенъ императрицею Елизаветою Петровной въ великіе канцлеры. Онъ почти шестнадцать лѣтъ управлялъ иностранною политикою Россіи, участвуя во всѣхъ дипломатическихъ дѣлахъ и переговорахъ, какіе Россія вела съ другими державами. *При немъ Россія говорила властно и твердо, и къ голосу русскаго канцлера прислушивалась вся Европа.* Отличительною чертою политики Бестужева была его ненависть къ Пруссіи и его увѣренность, что усиленіе Пруссіи чрезвычайно вредно отзовется на благополучіи и могуществѣ Россіи. Конечно, такіе взгляды не могли нравиться нѣмцамъ, начинавшимъ уже тогда пролѣзать на придворныя должности вслѣдствіе пристрастія къ нѣмцамъ наслѣдника русскаго престола Петра Ѳеодоровича. Одинъ изъ любимцевъ будущаго императора, нѣкій нѣмецъ Брекдорфъ подстроилъ ловкую ловушку невоздержанному на языкъ Бестужеву, и 27 февраля 1758 года императрица Елизавета Петровна отдала Бестужева подъ судъ. Его приговорили къ смерти, но Елизавета I-ая замѣнила смертную казнь ссылкою въ деревню. Гибельное вліяніе нѣмцевъ на русскую иностранную политику сказалось во всей своей безобразной силѣ въ кратковременное царствованіе Петра III. При немъ прусскій посланникъ Гольцъ не только заправлялъ русскою политикою, но и даже самымъ настойчивымъ образомъ вмѣшивался во внутреннія дѣла Русскаго государства, по-

добно тому, какъ теперь англичане вмѣшиваются въ русско-финляндскія отношенія. Русскіе люди негодовали, но должны были глотать обиды и молча сносить позорное нѣмецкое хозяйничанье, до тѣхъ поръ пока Екатерина II, вступивъ на престолъ, не возвратила русской народности первенствующее значеніе въ Русскомъ государствѣ.

При ней внѣшняя политика Россіи опять была вкѣрена русскимъ дипломатамъ. Раскаиваться въ своемъ пристрастіи къ русскимъ императрицѣ не пришлось. Первые двадцать лѣтъ царствованія ея были временемъ всеобщаго преклоненія предъ могуществомъ Россіи, ознаменовавшагося блестящими побѣдами русской дипломатіи. Оружіе русское покрылось немеркнущею славой, а русскіе послы и дипломаты сумѣли изъ этихъ побѣдъ извлечь пользу для Русскаго государства, и исторія признала за Екатериною право на именованіе Великой. *Сотрудниками ея въ управленіи внѣшними дѣлами Русскаго государства были исключительно русскіе люди, и никогда успѣхи русской дипломатіи не были такъ блестящи, какъ при Екатеринѣ Великой.*

Но увы, вскорѣ послѣ смерти Екатерины II начался длинный періодъ нѣмецкаго господства. Русскихъ людей стали всюду оттирать. Справедливость требуетъ признать, что это печальное явленіе началось въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, когда великая императрица стала сильно старѣться.

Значеніе Екатерины очень мѣтко опредѣлилъ поэтъ Анухтинъ въ слѣдующихъ строкахъ:

«Да, управлять подчасъ бывало не легко,
Но всюду—дома ли, въ Варшавѣ, въ Византіи—
Я помнила лишь выгоды Россіи,
И знамя то держала высоко.
Хоть не у васъ я свѣтъ увидѣла впервые,
Вамъ громко за меня твердятъ мои дѣла:
Я больше русская была,
Чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные!»

Екатерина Великая, убѣдившись въ томъ, что нѣмецкая партія занимается интригами въ Россіи, не постѣснялась выслать въ 1790 году изъ Петербурга, такъ сказать «административнымъ порядкомъ», своего родственника принца Фридриха Вюртембергскаго. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины въ русскую дипломатію однако стали проникать балтійцы, и это явленіе отразилось понижеміемъ качествъ русской дипломатіи —напр. послѣ блестящихъ побѣдъ Суворова и Румянцева надъ Турціею Россія по Ясскому миру въ 1791 году получила лишь Очаковъ и степь между Бугомъ и Днѣпромъ.

Въ самомъ концѣ царствованія Екатерины Великой началось заполненіе нашей дипломатіи балтійцами. Произошло это отчасти вслѣдствіе того, что завѣдывавшій иностранными сношеніями графъ Панинъ своимъ *правителемъ канцеляріи* назначилъ нѣмца, подобно П. А. Столыпину, избравшему своимъ правителемъ канцеляріи польскаго еврея Кноля. А гдѣ пуститъ корни одинъ инородецъ, тамъ непремѣнно онъ начинаетъ водворять другихъ инородцевъ. Послѣдній годъ царствованія Екатерины II-ой ознаменовался внезапнымъ возвышеніемъ никому до того времени невѣдомаго бѣднаго остзейскаго дворянина Андрея-Эбергарда Будберга. Будбергъ родился въ 1750 году и, будучи молодымъ офицеромъ, пользовался покрови-

тельствомъ генерала-фельдмаршала Брауна, который представилъ его императрицѣ въ 1783 году, однако до 1796 года Будбергъ никакой роли не игралъ. Въ маѣ же 1796 года графъ Ростопчинъ писалъ графу Воронцову о томъ непріятномъ впечатлѣніи, которое на всѣхъ русскихъ произвело внезапное возвышеніе Будберга: «Были крайне удивлены, когда сюда (т. е. въ Петербургъ) прибылъ, точно съ неба свалился генералъ Будбергъ, которому дано порученіе вести переговоры о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ королемъ шведскимъ. Не можете себѣ представить, до какой степени этотъ новый чухонскій дипломатъ напыщенъ, и какъ мало нужно, чтобы возбудить гордость этихъ нѣмцевъ: они не разлучны съ мыслью быть школьными учителями насъ русскихъ». (Русская Старина» 1876 года, томъ XVII, стр. 694).

Черезъ осемь лѣтъ послѣ того, какъ Ростопчинъ писалъ это письмо, Будбергъ уже былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. И вѣроятно по поводу этого назначенія Наполеонъ сказалъ свою знаменитую фразу: развѣ у русскаго императора нѣтъ русскихъ дворянъ, что онъ окружаетъ себя нѣмцами?» Будбергъ управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ только два года, а умеръ въ самый разгаръ Отечественной войны, которая разразилась въ то время, когда онъ былъ уже въ отставкѣ. Кратковременное пребываніе Будберга у власти ознаменовалось наплывомъ «остзейцевъ» въ нашу дипломатію, и если въ 1812 году знаменитый русскій полководецъ Ермоловъ искалъ съ фонаремъ двемъ въ штабѣ Барклая-де-Толли русскихъ офицеровъ, то не менѣе трудно было найти русскихъ людей среди чиновниковъ Будберговской канцеляріи... Одновременно съ Будбергомъ возвысился другой, тоже далеко не богатый балтійскій дворянинъ баронъ «Peter-Ludwig von-der-Pahlen», или, какъ его впослѣдствіи называли, «Петръ Алексѣевичъ», возведенный въ 1799 году въ графское достоинство.

Императоръ Александръ I до такой степени любилъ окружать себя льстивыми, но ненадежными иностранными проходимцами, что великій французскій императоръ Наполеонъ I не могъ удержаться отъ выраженія изумленія: развѣ нѣтъ у русскаго императора русскихъ дворянъ, которые были бы ему болѣе преданы, чѣмъ эти корыстолюбцы?» Такъ отзывался Наполеонъ о Штейнѣ и другихъ шведскихъ и нѣмецкихъ приспѣшникахъ русскаго государя. *Императоръ Наполеонъ до глубины души возмущался слѣпотою Александра I, воображавшаго, что всѣ иностранцы, которыхъ онъ къ себѣ приближалъ, искренно предъ нимъ преклоняются.* Карлъ Васильевичъ Нессельроде, возвеличенный Александромъ I-мъ и управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ 1822 года до 1856 года, т. е. не только въ концѣ царствованія Александра I, но и въ теченіе всего царствованія Николая Павловича, былъ *«злымъ геніемъ Россіи»*, не обладая впрочемъ никакими талантами и качествами, присущими геніальнымъ людямъ... *До конца своей жизни онъ не сумѣлъ даже научиться правильно говорить по-русски.* По свидѣтельству не только русскихъ историковъ (какъ-то Соловьева, Татищева, Водовозова), но и по отзывамъ всѣхъ своихъ знаменитыхъ современниковъ (Наполеона, графа Каннингстріи, Таллейрана, Меттерниха, Милютина и другихъ), онъ былъ полною бездарностью. И этотъ юркій еврейчикъ безъ рода, безъ племени, только, благодаря женитьбѣ на дочери министра финансовъ Гурьева, сдѣлавшійся вліятельнымъ лицомъ, приблизился къ

русскому императору и въ теченіе свыше четверти вѣка направлялъ русскую политику ко вреду Россіи! Онъ благоговѣлъ предъ Меттернихомъ, ненавидѣлъ Наполеона и всѣхъ французовъ.

Только князь Владиміръ Петровичъ Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ въ 1897 году, называетъ графа Нессельроде недюжиннымъ, ловкимъ и умнымъ человѣкомъ, хотя признаетъ, что онъ былъ феноменальнымъ эгоистомъ и былъ чуждъ всему русскому. По настоянію главнымъ образомъ Нессельроде, вопреки просьбамъ и совѣтамъ графа Кутузова, Александръ I послѣ изгнанія арміи Наполеона изъ Россіи перенесъ войну за предѣлы Россіи, и такимъ образомъ начался тотъ постыдный рядъ войнъ, которыя велись не на благо русскаго народа, а ради возстановленія свергенныхъ Наполеономъ германскихъ князьковъ. Сколько русской крови, сколько русскихъ силъ и состояній было потрачено на эти побѣдоносныя войны, разорившія Россію и подготовившія возможность германцамъ объединиться въ могущественнѣйшее государство, угрожающее нынѣ всему славянскому міру! Нессельроде ненавидѣлъ поляковъ и едва ли любилъ русскихъ; всѣ его стремленія были направлены къ поддержанію Австрійской монархіи, и всѣ его симпатіи принадлежали іудеямъ и нѣмецкому протестантизму. Въ 1849 году онъ очень много способствовалъ вмѣшательству Россіи въ австро-венгерское столкновеніе и убѣдилъ императора Николая I-аго начать Венгерскую кампанію. Многіе писатели даже самую неудачную изъ всѣхъ войнъ Россіи въ XIX столѣтіи—Крымскую кампанію вмѣняютъ въ вину графу Нессельроде, ибо онъ изъ ненависти къ Франціи не захотѣлъ предотвратить войну Россіи съ Франціею, а по своей недальновидности не сумѣлъ предусмотрѣть, что разрывъ съ Францією послужитъ всѣмъ завистникамъ удобнымъ мгновеніемъ къ нападенію на Россію... *И этотъ иностранецъ стоялъ во главѣ русской дипломатіи безсмѣнно почти сорокъ лѣтъ, какъ будто среди русскихъ людей не нашлось бы за все это время никого, кто сумѣлъ бы съ большимъ достоинствомъ и съ большею пользою для Русскаго государства управлять нашими внѣшними дѣлами, чѣмъ этотъ тупой, недальновидный и бездарный политикъ*... Но, видно, такова ужъ судьба Россіи, что вслѣдъ за непродолжительнымъ подъемомъ національнаго русскаго чувства всегда наступаетъ длинный періодъ нѣмецкаго или еще худшаго англійскаго зловреднаго вліянія. Только при Елизаветѣ Петровнѣ да въ первую половину царствованія Екатерины Великой нѣмецкое и англійское вліяніе было сведено совершенно къ нулю. Но девятнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ почти сплошного преобладанія въ Россіи всякихъ иноземцевъ и въ особенности нѣмцевъ...

Даже царствованіе Николая Павловича, несмотря на то, что самъ Николай Павловичъ безгранично любилъ Россію, ознаменовалось преобладаніемъ нѣмцевъ при его дворѣ. Много разъ Императоръ Николай Павловичъ облагодѣтельствовалъ Пруссію, но берлинскій дворъ заплатилъ ему черною неблагодарностью. Когда въ 1854 году Императоръ Николай потребовалъ, чтобы Пруссія и Австрія подписали договоръ о нейтралитетѣ, берлинскій и вѣнскій дворы отказали въ этомъ. Мало того, Пруссія начала вооружаться и вступила въ переговоры съ Англіею и Францію о заключеніи союза противъ Россіи. *Прусскій посланникъ въ Лондонѣ Бунзенъ подъ вліяніемъ англійскихъ масоновъ представилъ королю записку, въ которой доказывалъ, что наступилъ удобный моментъ отторгнуть*

отъ Россіи Финляндію и Прибалтійскій край. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Николай пришелъ въ негодованіе. Теперь только убѣдился онъ въ томъ, какую роковую ошибку совершила русская дипломатія, слѣпо довѣряя Пруссіи. Всегда правдивый и рѣшительный, Императоръ Николай Павловичъ тотчасъ же прямо объявилъ прусскому посланнику въ Петербургѣ, что если Бунзенъ не будетъ отозванъ изъ Лондона, *то Императоръ запретитъ русскимъ генераламъ и офицерамъ носить нѣмецкіе ордена и исключитъ изъ состава русской арміи всѣхъ членовъ прусскаго королевскаго дома.*

Императоръ Николай I всегда держалъ свое слово, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что угроза его произвела сильное впечатлѣніе не только на короля Фридриха-Вильгельма IV, но и на многочисленныхъ генераловъ, окружавшихъ Императора Николая Павловича: привыкшихъ украшать свою грудь прусскими орденами и свою фамилію нѣмецкимъ титуломъ фонъ. Желаніе русскаго государя было удовлетворено: Бунзенъ отозванъ изъ Лондона, а прусскій военный министръ Бонинъ уволенъ отъ должности. Императоръ Николай I понялъ, что для Россіи лицемѣрные англійскіе и нѣмецкіе друзья гораздо опаснѣе, чѣмъ открытые враги—турки. Но было уже поздно. Севастопольскій погромъ явился прямымъ послѣдствіемъ излишняго довѣрія, которое великодушный монархъ Россіи оказывалъ англичанамъ и нѣмцамъ. Неужели же исторической ошибкѣ, такъ дорого обошедшейся Россіи, суждено теперь повториться снова?

Свѣтлымъ явленіемъ въ исторіи русскаго самодержавія и временемъ сильнаго подъема русскаго національнаго чувства было кратковременное царствованіе Императора Александра III. Могучій русскій обликъ его сказался уже въ ранней его юности. Нѣмцы уже во времена Франко-Прусской войны знали, что имъ ожидать отъ будущаго русскаго Императора. Вѣдь при дворѣ Александра II было такъ много нѣмцевъ-балтійцевъ, что національные русскіе взгляды и убѣжденія наслѣдника престола не могли ихъ не тревожить. Александръ III не былъ слишкомъ словоохотливъ, но каждая высказанная имъ мысль была сама по себѣ уже цѣльною опредѣленною программою. Однажды за столомъ у Цесаревича зашла рѣчь о неудовольствіи офицеровъ одного изъ гвардейскихъ полковъ на командира полка. Каждый высказывалъ по этому поводу свои мнѣнія и предлагалъ рядъ мѣръ для поддержанія дисциплины. Наслѣдникъ молчалъ, но когда всѣ мнѣнія уже были высказаны, онъ сказалъ и свое слово, а именно, что самою простою мѣрою было бы «не назначать нѣмцевъ командирами русскихъ полковъ». Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе эти слова произвели на всѣхъ тѣхъ генераловъ, которые лучше говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-русски, и дорожили своими балтійскими корпораціями болѣе, чѣмъ единствомъ и славою Россіи! Слова эти теперь забыты, потому что они нигдѣ не появлялись въ печати; но я ихъ слышалъ въ моемъ дѣтствѣ отъ очевидца всего этого происшествія Ѳедора Адольфовича Ома, состоявшаго сперва при наслѣдникѣ цесаревичѣ Николаѣ, а впослѣдствіи долгое время исполнявшаго обязанности секретаря при ея императорскомъ величествѣ государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ... Ѳедоръ Адольфовичъ далеко не былъ поклонникомъ всего нѣмецкаго, хотя отецъ его былъ уроженцемъ Балтійскаго края и родъ Омовъ записанъ даже въ ревельской городской ратушѣ въ числѣ ратсгеровъ. Переписка, которую всю жизнь велъ Ѳ. А. Омъ съ братомъ моей матери А. П. Фромандіеромъ, бережно

сохраняется мною, какъ весьма цѣнный историческій матеріалъ, ибо въ письмахъ своихъ Ѳ. А. Оомъ сообщаетъ своему другу, жившему въ глухой деревнѣ, не только о различныхъ событіяхъ столичной жизни, но и о многихъ происшествіяхъ и подробностяхъ придворной и государственной жизни въ періодъ времени съ 1865 года по 1875 годъ. Между прочимъ въ письмахъ этихъ затрагиваются и вопросы внѣшней политики. Друзья нѣсколько расходятся впрочемъ во взглядахъ на задачи нашей дипломатіи. Въ особенности различно смотрятъ они на отношенія Россіи къ Франціи. Ѳ. А. Оомъ думалъ, что Россія не должна мѣшать Пруссіи разгромить имперію Наполеона III. А. П. Фромандіеръ въ письмѣ отъ 26 ноября 1870 года высказываетъ совсѣмъ иныя мысли. Письмо это, какъ отраженіе настроенія, господствовавшаго тогда среди большинства лучшихъ и честнѣйшихъ земскихъ дѣятелей въ провинціи, представляетъ большой интересъ.

Въ нашихъ деревняхъ значительно ослабѣлъ интересъ къ извѣстіямъ о событіяхъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. *Прежнее обаяніе исчезло, и провинція сознаетъ, что Петербургъ не можетъ считаться истиннымъ представителемъ земли русской.* Изъ сообщаемыхъ тобою подробностей о придворныхъ теченіяхъ меня наиболѣе занимаютъ тѣ, которыя даютъ представленіе объ образѣ дѣйствій тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ теперь разрѣшеніе вопросовъ внѣшней политики нашего отечества. Разсказъ твой о встрѣчѣ съ г. Тьеромъ очень меня заинтересовалъ, во-первыхъ потому, что ты въ немъ дѣйствующее лицо, а во-вторыхъ оттого, что онъ подтверждаетъ то, что я сказалъ объ отношеніи Петербурга къ провинціи. Ты приводишь слова Тьера, на основаніи которыхъ должны пасть всѣ обвиненія противъ Бисмарка; но если ты самъ нашелъ другое, имъ же сказанное о французахъ, неудовлетворительнымъ, то не сочтешь, конечно, и съ моей стороны посягательствомъ на этотъ знаменитый авторитетъ, если я признаюсь, что меня эти слова не убѣждаютъ, и напротивъ мнѣ сдается, что они были сказаны не искренно и что Тьеръ лишь считался съ необходимостью высказываться именно въ этомъ, а не въ иномъ смыслѣ въ сферахъ того двора, при коемъ онъ явился въ качествѣ «просителя». Я убѣжденъ въ томъ, что ни Франція, ни Пруссія, т. е. народы ихъ, войны не желали, потому что люди, ведущіе благоустроенную жизнь, не могутъ въ совокупности желать никакого безобразія; *массы могутъ подниматься охотно только на защиту отъ нашествія.* Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеону хотѣлось занять французовъ опять войною, и назначеніе Грамона указывало на явно враждебное къ Пруссіи настроеніе; но могло ли бы это обстоятельство повести къ войнѣ съ великою державою, которая не хотѣла бы войны? И думаю, что Пруссія, т. е. правительство, хотѣло войны, такъ какъ нисколько не постаралось устранить эту войну. Захватъ по праву сильнаго половины Даніи и нѣсколькихъ мелкихъ германскихъ государствъ, лишеніе другихъ самостоятельности въ пользу прусской династіи, разгромъ Австріи и изгнаніе ея изъ Германіи, насильственные договоры съ южно-германскими государствами — все это нельзя, кажется, назвать иначе, какъ политикой завоевательной и честолюбивой, а слѣдовательно для общаго спокойствія опасной. Франція всегда была войнолюбивая держава, но она давно, послѣ временъ Наполеона I-го перестала дѣлать въ Европѣ завоеванія, а Пруссія въ послѣдніе годы только и дѣлаетъ, что расширяется посредствомъ войнъ. Поэтому я не вижу, какимъ образомъ можно

оградить Бисмарка отъ обвиненій самыхъ тяжелыхъ по поводу этой войны, особенно когда продолженіе ея Германіею послѣ паденія признанныхъ ея виновниковъ, послѣ достаточнаго удовлетворенія ея чести, когда у непріятеля нѣтъ уже войска и приходится французскому народу погибать, защищая отечество,—доказываетъ уже прямо жажду завоеваній. Обвиненія противъ Пруссіи могутъ развѣ быть облегчены тѣмъ, что они должны раздѣляться и другими державами, допустившими войну? Эта война и политика Пруссіи представляютъ особенно печальныя для нынѣшняго вѣка стороны: война отличается давно не бывалой жестокостью: нѣмецкая настойчивость ничего не щадитъ; о старинномъ рыцарскомъ духѣ, о великодушіи нѣтъ и помину. Шпіонство, возбужденіе смутъ и измѣны — вотъ средства, которыми пользуются потомки тевтонскихъ рыцарей... Нѣмцы не признаютъ за французскимъ народомъ, на землю котораго они напали, право даже защищаться. Они офиціально называютъ это измѣной, какъ будто есть какой-либо смыслъ въ такомъ названіи. За то, что французы не хотятъ измѣнять своему долгу предъ отечествомъ и семьею, ихъ судятъ, разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, жгутъ ихъ имущество и дома... Такое возмутительное насиліе никогда еще, кажется, не примѣнялось съ такимъ цинизмомъ, — но это допускается тѣми, *кому* было бы достаточно сказать свое вѣское слово, чтобы прекратить эту безобразную войну. Что, какъ прусакъ, Бисмаркъ прежде всего заботится объ усиленіи Пруссіи — это понятно, и что прусаки его превозносятъ — это тоже понятно: но русскимъ людямъ и балтійцамъ, служащимъ въ высшихъ русскихъ учрежденіяхъ, благоговѣть предъ Бисмаркомъ совсѣмъ не прилично. Бисмарковская политика съ самаго начала возбуждала недовѣріе чуткихъ русскихъ людей, но опѣмечившееся петербургское правительство подпало всецѣло его вліянію. Горькіе плоды принесло и еще принесетъ для Россіи нѣмецкое вліяніе. Я согласенъ съ тобою, что у насъ не мало пустого шума вмѣсто дѣла, но я никакъ не согласенъ съ тобою, что Россію губитъ излишняя боязнь Пруссіи. Ты говоришь, что русскій народъ не послѣдователенъ, самонадѣянъ и что русское общество не привыкло дѣлать дѣло. Но развѣ реформы судебная, земская и крестьянская — это не дѣло? И развѣ можно требовать послѣдовательности отъ народа, если само правительство дѣйствуетъ не послѣдовательно? Спокойное совершеніе у насъ такихъ преобразованій, которыя въ другихъ странахъ сопровождались насиліемъ и кровопролитіемъ,—развѣ это не блистательно опровергаетъ твое мнѣніе о русской надменности? Если у насъ утверждается, что Пруссіи всегда удавалось добиться отъ Россіи всего, что выгодно для Пруссіи, часто съ явнымъ ущербомъ для Россіи, и *что государство не частная семья*, а поэтому нельзя слишкомъ полагаться на обѣщанія и личныя симпатіи вождей германскаго народа и что оставлять русскую западную границу безъ должной защиты — преступленіе, то все это никакъ нельзя называть бранью по адресу Германіи, *ибо все это не брань, а справедливый укоръ излишней довѣрчивости и уступчивости русской политики*. Ты правъ, что намъ нужно еще многому учиться, но только учиться по-русски и чтобы учителя у насъ были русскіе въ душѣ, а то слишкомъ долго насъ учили иностранцы. Нѣмецкая партія, порицающая русское отечественное направленіе, дѣйствуетъ не только на окраинахъ, гдѣ по оплошности не уничтоженъ инозе́мный характеръ, но и въ самой столицѣ, которая такимъ образомъ думаетъ иначе, чѣмъ остальная Россія. Огромное большинство русскаго народа и все рус-

ское дворянство болѣе симпатизируютъ французамъ, чѣмъ нѣмцамъ, и недовольно успѣхами германцевъ; только балтійскіе уроженцы восторгаются подвигами германскаго оружія, украшаютъ свои письменные столы портретами Бисмарка, Мольтке и Вильгельма, но даже въ гвардіи, гдѣ такъ много балтійскихъ нѣмцевъ, они все-таки не смѣютъ открыто выражать свое удовольствіе по случаю разгрома французской арміи, потому что общее настроеніе русской арміи и всѣхъ русскихъ офицеровъ прямо враждебно нѣмцамъ. Между тѣмъ мы видимъ, что, несмотря на объявленный русскимъ правительствомъ строгій нейтралитетъ, онъ оказывается благосклоннымъ одной сторонѣ и именно той, которой внутри Россіи вовсе не симпатизируютъ. Можетъ ли быть пріятно русскимъ людямъ, что правительство стремится заслужить одобреніе только горсти прибалтійскаго дворянства, пренебрегая мнѣніемъ и желаніями всей остальной Россіи? Да, дорогой другъ, я не могу не возмущаться, что важнѣйшій орденъ русскій, который по статуту назначенъ въ награду за военные подвиги въ пользу отечества, раздается тѣмъ, которые совершаютъ подвиги, вовсе для нашего отечества не полезные! Если быть нейтрально справедливымъ, то слѣдовало бы дать ордена и французскимъ генераламъ, такъ какъ хотя французская армія разбита, но и среди французовъ есть много героевъ, совершившихъ подвиги мужества. Почему же наше правительство награждаетъ нѣмцевъ, ненавистныхъ большинству русскихъ сердецъ, а французовъ не награждаетъ, когда они защищаютъ свою родину? *Невниманіе къ чувствамъ и взглядамъ большинства русскаго народа и всей русской аристократіи производитъ тяжелое впечатлѣніе;* общество не можетъ не видѣть, что кучка инородцевъ, окружающихъ Государя, направляетъ фортуну во вредъ достоинству, чести и благосостоянію всей Россіи! *Правительство такой великой державы, какъ Россія, должно одинаково чувствовать и мыслить съ русскимъ народомъ, иначе не будетъ великой державы, а будетъ ни къ чему не способный уродъ.* Убѣжденія эти нельзя назвать крайними, ибо они вытекаютъ изъ основательнаго знакомства съ Россіею. Наше петербургское воспитаніе нисколько не знакомило насъ съ отечествомъ, но потомъ, столкнувшись съ жизнью, я познакомился съ Россіею въ ея центрѣ и думаю, что въ глуши, вдали отъ Петербурга, часто болѣе здраво судятъ о задачахъ и интересахъ родины, чѣмъ въ столицѣ».

Увы, какъ многое изъ того, что высказано сорокъ лѣтъ тому назадъ въ этомъ письмѣ, примѣнимо опять къ современнымъ событіямъ... *Прошло кратковременное царствованіе Императора Александра III-го, когда весь міръ почувялъ, что Самодержецъ Россійскій вѣритъ въ мощь Россіи и сумѣетъ заставить и другихъ вѣрить въ эту мощь.* При немъ не только Японія, но и Англія и Германія не посмѣли бы напасть на Россію... *Полный самоотверженія, Александръ III всецѣло отдался служенію своему народу. Для него русскій народъ и русская земля были всего дороже. Никакіе банкиры, никакія международныя знаменитости, никакіе англійскіе писатели, никакіе датскіе, шведскіе и нѣмецкіе принцы не могли при Александрѣ III вліять на ходъ внутренней и внѣшней политики Россіи...* Правда, министромъ иностранныхъ дѣлъ при немъ оставался Гирсъ, человѣкъ нерусскаго происхожденія, но этотъ человѣкъ не дерзалъ по своему произволу направлять русскую дипломатію, а являлся точнымъ и

умѣлымъ исполнителемъ указаній Государя, который велъ непосредственно самъ всю иностранную политику. Результаты ея сказались въ томъ благоговѣніи, съ какимъ относились къ Россіи всѣ государства земного шара въ годъ смерти императора Александра III. И что всего замѣчательнѣе — это что Александръ III никогда не добивался того, къ чему стремятся многіе теперешніе общественные дѣятели, задабривающіе всякихъ иностранцевъ и газетныхъ писателей. Государь Александръ III не прислушивался къ крикливымъ мнѣніямъ людей, мечтающихъ о популярности и личной славѣ; нѣтъ, для него благо русскаго крестьянина и честь Россіи были дороже и выше всякихъ личныхъ похвалъ, расточаемыхъ въ заграничныхъ газетахъ и журналахъ... *Хвалили ли или порицали его — ему это было безразлично: онъ дѣлалъ то, что велѣла ему его совѣсть и любовь къ родинѣ.* Но если бы при немъ кто-нибудь изъ русскихъ людей выразилъ свое согласіе на расчлененіе на части Русскаго государства, — о, тогда негодованію царя не было бы границъ! Онъ прогналъ бы прочь съ своихъ глазъ негодныхъ сановниковъ, которые стали бы играть въ руку врагамъ Россіи; онъ призвалъ бы русскихъ людей къ единенію, и никогда при немъ въ стѣнахъ Кремля полякъ Врублевскій въ льстивыхъ выраженіяхъ не могъ бы благодарить русскихъ людей за предательство относительно родины и за измѣну бѣдному русскому народу... «Помогите намъ скинуть съ себя русское правительственное иго, помогите намъ добиться автономіи, т. е. обособленія отъ Россіи, а мы за то поможемъ вамъ свергнуть самодержавіе». И на этотъ постыдный торгъ пошли русскіе люди, самозванно именующіе себя «лучшими людьми Русской земли»! И никто кромѣ Н. И. Гучкова не бросилъ негодующимъ комомъ грязи въ этихъ торгашей, продающихъ родину за лесть и сомнительныя услуги близкихъ намъ по крови, но чуждыхъ по духу братьевъ-поляковъ... До чего мы дожили! Въ центрѣ Россіи на засѣданіе собрались сто двадцать четыре грамотныхъ человѣка и порѣшили покончить съ Старой Россіею и давай дѣлить ризы Русскаго государства! Поляки, финляндцы и армяне обѣщаютъ имъ раскрыть свои сердца и свои общественные кошельки, но съ условіемъ, чтобы русскіе общественные дѣятели ничего не имѣли противъ отдѣленія Польши, Великой Арменіи и Финляндіи: а одинъ изъ депутатовъ изъ Петербурга заявилъ, что хотя онъ ничего въ принципѣ не имѣетъ противъ этой программы, но полагаетъ, что детали можно разработать въ будущемъ, иначе перспектива расчлененія государства на части можетъ устрашить избирателей и, пожалуй, вся программа провалится... О, дай Богъ, чтобы глаза у русскихъ людей раскрылись! Великую услугу сослужили Россіи телеграммы, оповѣстившія весь міръ о томъ, что говорили и порѣшили земскіе и городскіе дѣятели на собраніи въ сентябрѣ въ Москвѣ. Пелена спала съ глазъ. Маска сорвана, и всѣмъ и каждому отнынѣ видно, что съѣздъ этотъ лишь русскій по имени, но что въ дѣйствительности онъ работалъ въ руку заклятымъ врагамъ славянства, англичанамъ и германцамъ. Раздробить Россію на автономныя части—да вѣдь это то, что во снѣ и на яву грезится и грезилось всѣмъ великимъ германскимъ политикамъ... Неужели же русскіе люди для того родились на свѣтъ, чтобы своими руками вырыть братскую могилу Русскому государству, русскому народу и всему славянству? Вѣдь автономная Польша безъ Россіи не устоитъ предъ германскимъ натискомъ, и польскій языкъ, о которомъ такъ ратовалъ панъ Врублевскій, отойдетъ въ область преданій, сдѣлавшись

лишь достояніемъ архивовъ въ германскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Нѣмцы умѣютъ все подчинять своему желѣзному характеру. Да, нѣмцы не станутъ кланяться полякамъ, а задушатъ въ Варшавѣ польскій духъ такъ, какъ они сумѣли его задушить въ предѣлахъ Германской имперіи. Неужели къ этому могутъ стремиться искренно друзья польскаго народа?

На внутреннюю политику существуютъ весьма различные взгляды, но насчетъ прозорливости нашихъ дипломатовъ нѣтъ двухъ мнѣній: всѣ русскіе люди, безъ различія направленія, и либералы, и консерваторы, считаютъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствительно заслуживаетъ названіе «иностраннаго». Былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старикъ князь Лобановъ-Ростовскій, который собирался обрусить это иностранное вѣдомство, но—увы!—онъ умеръ внезапно загадочною смертью въ такое время, когда его жизнь была особенно нужна для Россіи. Послѣ его смерти при графѣ Муравьевѣ и графѣ Ламсдорфѣ министерство иностранныхъ дѣлъ покрыло себя такою немеркнущею позорною «славою», которая привела Россію къ мукденскому и цусимскому пораженіямъ и къ Портсмутскому договору. Исторія оцѣнитъ дѣятельность графа Ламсдорфа и его сподвижниковъ. Весь позоръ, весь ужасъ пережитыхъ Россіею за послѣдніе года испытаній долженъ быть отнесенъ не столько за счетъ грѣховъ внутренняго управленія, сколько за счетъ нашей внѣшней политики. Вѣдь Японія прежде, чѣмъ вступить въ союзъ съ Англіей, искала союза съ Россіею: но наши дипломаты съ высокомѣріемъ отнеслись къ японскимъ домогательствамъ и проглядѣли печальныя послѣдствія, какія неминуемо должны были наступить для Россіи вслѣдствіе дружбы, установившейся между Англіею и Японіею. Рабочество передъ Германіею и Англіею сдѣлалось завѣтнымъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ наши международники строятъ всѣ переговоры и всѣ дипломатическія сношенія.

Когда въ мартѣ 1902 года Европа узнала о заключеніи англо-японскаго союза, наша дипломатія привѣтствовала это событіе, какъ нѣчто отрадное, отвѣчающее видамъ русской политики въ Восточной Азіи, тогда какъ фактически оно обозначало только то, что Россіи необходимо готовиться къ войнѣ, не теряя ни одного дня, ни одного часа, если только она желала тогда отстоять все достигнутое на дальнихъ окраинахъ.

Когда въ Лондонѣ и Парижѣ праздновали англо-французское соглашеніе, наша дипломатія отнеслась къ нему съ большимъ сочувствіемъ, видя въ немъ новую гарантію мира, тогда какъ въ дѣйствительности оно предвѣщало острую, отлично маскированную борьбу противъ франко-русскаго союза.

Жалкіе «русскіе» дипломаты совершенно забываютъ, что благо Россіи для нихъ должно было бы быть дороже, чѣмъ спокойствіе Европы и похвалы американцевъ.

Исторія Россіи за послѣдніе сто лѣтъ доказываетъ, что если за границею кому-нибудь изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей оказываютъ чрезвычайныя почести и расточаютъ неимовѣрныя похвалы, то это не предвѣщаетъ чего-либо хорошаго для Россіи. Вѣдь тѣхъ русскихъ людей, которые благо Россіи ставятъ выше благъ остальнаго цивилизованнаго міра, заграничные наши друзья не очень-то жалуютъ. Вотъ почему русскій народъ не могъ безъ тревоги читать о томъ, что германскій императоръ оказалъ г. Витте почести, подобающія коронованнымъ особамъ... Князя

Лобанова-Ростовскаго англичане и нѣмцы не хвалили! Скобелева и Гурко иностранные репортеры не превозносили до небесъ. Рѣчами Ник. Вал. Муравьева японцы никогда не восторгались: но посланника нашего барона Розена японцы очень жаловали и очень обрадовались, что вести мирные переговоры въ Портсмутѣ выпало на долю Сергѣя Юльевича Витте, барона Розена и Ѳедора Ѳедоровича Мартенса, а не на долю Николая Валерьяновича Муравьева... А въ Россіи радикальныя газеты не преминули пустить въ ходъ гнусную клевету противъ Николая Валерьяновича Муравьева подъ видомъ невиннаго намека, что Муравьевъ отказался отъ поѣздки въ Америку потому, что ему слишкомъ мало назначили прогонныхъ денегъ на эту поѣздку. Однако люди, близко знающіе Муравьева, могутъ удостовѣрить, что единственная причина его отказа—это нежеланіе играть унизительную роль: Муравьевъ изъявилъ согласіе вести переговоры о мирѣ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы миръ не унизилъ достоинства Россіи, а играть въ Америкѣ роль телефона нашего иностраннаго министерства—на это Муравьевъ, конечно, согласиться не могъ...

Назначеніе Муравьева было встрѣчено съ нескрываемою радостью во всѣхъ русскихъ семействахъ и съ затаенною досадою среди всѣхъ инородцевъ. Оно и понятно: Н. В. Муравьевъ, конечно, позорнаго мира не заключилъ бы! А миръ былъ такъ нуженъ японцамъ и англичанамъ въ то время, когда съ каждымъ днемъ становилась возможнѣе побѣда Линевича надъ Оямой. О другихъ русскихъ дѣятеляхъ, принимавшихъ вмѣстѣ съ Витте участіе въ мирныхъ переговорахъ, газета «Свѣтъ» въ нумерѣ 175 отъ 9 іюня 1905 года привела нижеслѣдующія свѣдѣнія:

«Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, тайный совѣтникъ. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: къ голосу его всѣ прислушиваются. Онъ старшій совѣтникъ при министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ—профессоръ въ университетѣ и училищѣ правовѣдѣнія. Уже много лѣтъ подъ рядъ онъ говоритъ на своихъ лекціяхъ, что національизмъ есть понятіе отсталое, устарѣлое и что каждый образованный человѣкъ долженъ быть выше своей національности. Образованный человѣкъ не можетъ быть русскимъ или французомъ, онъ долженъ быть—европейцемъ.

«Ѳ. Ѳ. Мартенсъ очень послѣдователенъ: онъ эстонецъ и зовется Фердинандомъ Фердинандовичемъ, но ему кажется, что нѣмцы культурнѣе эстовъ, поэтому онъ говоритъ, что онъ нѣмецъ и что его зовутъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ».

Къ этой характеристикѣ Мартенса, сдѣланной въ «Свѣтѣ», можно еще добавить, что всѣмъ бывшимъ правовѣдамъ, вѣроятно, памятно, какъ профессоръ Мартенсъ въ перечисленіи государствъ, принимавшихъ участіе въ той или въ другой конференціи, непремѣнно удѣлялъ Россіи предпослѣднее мѣсто. Иные пытались объяснить это расположеніемъ по порядку алфавита, но такое предположеніе не выдерживаетъ критики, такъ какъ буква «Г» всегда во всѣхъ алфавитахъ слѣдуетъ за буквою «А», но у Мартенса на его лекціяхъ европейскія государства слѣдуютъ въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ порядкѣ, а именно: сперва Германія, затѣмъ Англія, затѣмъ Австро-Венгрія, затѣмъ Франція, Россія, Турція, Италія и т. д. Наблюдательные правовѣдики подмѣтили эту слабость извѣстнаго международнаго профессора ставить Россію въ самомъ концѣ передъ Италіею и прозвали его за это не безъ ехидства «международною Италіею», за «которой слѣдуетъ только и такъ далѣе»...

Характеристика Ф. Ф. Мартенса была бы, однако, не полная, если бы не отмѣтить, что его статьи и заграничная агитація, предпринятая вмѣстѣ съ членомъ Государственнаго Совѣта П. Х. Шванебахомъ противъ «разбойничьей» второй Думы, способствовали разгону этой Думы и помогли изданію новаго выборнаго закона 2 іюня 1907 года. Чѣмъ руководствовались Мартенсъ и Шванебахъ въ этой кампаніи — неизвѣстно. *Но оба они заплатили своею жизнью за то, что на склонѣ своей служебной карьеры рѣшились на свой личный рискъ защищать бытіе Русскаго государства и царскаго престола, осаждаемыхъ масонами. Оба умерли внезапно отъ паралича сердца, одинъ въ вагонѣ, другой въ гостинницѣ.* Масонскія ложи не разрѣшаютъ русскимъ дипломатамъ имѣть самостоятельныя убѣжденія... Вѣроятно, по этой же причинѣ умеръ отъ паралича сердца и Н. В. Муравьевъ въ магазинѣ еврейки Стернъ въ Римѣ.

Нашъ четвертый русскій уполномоченный, баронъ Розенъ, былъ посланникомъ въ Японіи четыре года. Получалъ 45 тысячъ въ годъ жалованья и дѣлалъ очень хорошіе пріемы — на нихъ собиралось лучшее общество Токіо.

Доносилъ, что японцы народъ неважный, но къ войнѣ готовятся и что не все обстоитъ благополучно. Но въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ въ войну не вѣрили, говорили, что войны не будетъ, и къ ней не готовились. За три недѣли до нападенія японцевъ, намѣстникъ 6 января на крещенскомъ парадѣ въ Портъ-Артурѣ объявилъ войскамъ по приказанію изъ Петербурга, что войны не будетъ, такъ какъ всѣ недоразумѣнія уже улажены.

Баронъ Розенъ уѣхалъ изъ Токіо послѣ того, какъ японцы напали на Портъ-Артуръ. Къ его отъѣзду изъ Японіи у насъ были уже потоплены: лучшій крейсеръ «Варягъ», канонерская лодка «Кореецъ», а на самомъ портъ-артурскомъ рейдѣ японскими минами были совершенно испорчены три самыхъ большихъ броненосца. Все море было уже во власти японцевъ.

Зато въ Японіи баронъ Розенъ оставилъ по себѣ очень хорошее воспоминаніе: японцы противъ него рѣшительно ничего не имѣютъ. А бывшій *японскій посланникъ въ Петербургѣ Курино*, бесѣдуя съ корреспондентомъ парижской газеты «Temps», прямо заявилъ, что «*ему пріятнѣе всего было имѣть дѣло съ гр. Ламсдорфомъ и барономъ Розеномъ*». Англійскія газеты находятъ тоже, что для Россіи большое счастіе имѣть такихъ дипломатовъ, какъ графъ Ламсдорфъ, Козель-Тегеранскій и господинъ Извольскій. Это мнѣніе, конечно, раздѣляютъ и всѣ наши нѣмецкія газеты, издающіяся въ Балтійскомъ краѣ. Рижская «Рундшау» и «Ревельская Газета», въ длинной статьѣ 10 августа 1905 года перечисляютъ всѣ *достоинства* барона Розена и между прочимъ упоминаютъ, что если въ дѣтствѣ у него и были нѣкоторые недостатки, то только вслѣдствіе того, что «мать и тетя въ дѣтствѣ его баловали». Отецъ его былъ эстляндскимъ губернаторомъ въ 1847 году, а мать была русская, рожденная Суханова. Балтійское хвастовство и чванство сказались даже въ этихъ хвалебныхъ статьяхъ, посвященныхъ барону Розену. Чтобы придать болѣе блеску его происхожденію, балтійскія газеты прибавляютъ, что родъ Сухановыхъ долженъ происходить отъ старинной княжеской кавказской фамиліи.. Эти восторженные отзывы нашихъ балтійцевъ совсѣмъ не раздѣляютъ русскіе писатели: такъ, напримѣръ, С. Н. Сыромятниковъ въ «Словѣ» даетъ

выдержки изъ японской Бѣлой книги, посвященной дипломатическимъ сношеніямъ, предшествовавшимъ русско-японской войнѣ, и изъ этихъ выдержекъ приходитъ къ выводу, что петербургскіе дипломаты во время русско-японскихъ переговоровъ только сваливали свое бездѣйствіе на Государя; всякому русскому извѣстно, что *«до сихъ поръ русскіе Государи не отказывали своимъ министрамъ въ аудіенціяхъ, когда обстоятельства были серіозны»*. Сваливаніе своей неосвѣдомленности и неспособности на Государя есть дѣйствительно новый вкладъ въ русское дипломатическое искусство. Вѣдь и судья судитъ по указу Его Величества, однако, онъ не считаетъ себя безотвѣтственнымъ за глупые или противозаконные приговоры. Говорить же, что мы не могли знать объ угрожавшей намъ войнѣ, значитъ умышленно лгать.

Князь В. П. Мещерскій въ 1905 году въ своемъ «Дневникѣ» пишетъ:

«Война могла бы имѣть еще одно благое послѣдствіе, если насталъ часъ направить лучи свѣта въ сумракъ нашей дипломатіи и, разобравъ, въ чемъ ея давнишніе недуги, приняться за проведеніе въ ней новыхъ, болѣе полезныхъ для интересовъ Русскаго государства началъ и руководительныхъ взглядовъ.

«Я уже не разъ говорилъ о томъ, что наша дипломатія за границею, и на Западѣ и на Востокѣ, рѣзко отличается отъ европейской тѣмъ, что если вторая признаетъ себя обязанною быть въ каждомъ чужомъ государствѣ роднымъ домомъ для всѣхъ своихъ соотечественниковъ и съ одинаковымъ участіемъ служить интересамъ своего правительства и своихъ соотечественниковъ,— наша дипломатія, наоборотъ, признаетъ себя въ правѣ не признавать права соотечественниковъ ожидать отъ нея покровительства и участія и далѣе терпимости и формальныхъ отношеній своихъ къ русскимъ людямъ не идетъ. Русскій для русскаго посольства за границею есть бремя, относительно котораго дальше заботы отъ него поскорѣе и какъ-нибудь отдѣлаться оно не считаетъ себя обязаннымъ и т. п. Торговые и экономическіе интересы и вопросы тоже не входятъ въ область интереса нашей дипломатіи, доказательствомъ чего служитъ оказавшаяся необходимость учредить особую должность финансовыхъ агентовъ въ разныхъ столицахъ Европы и Азіи. Значитъ, если признать, что ни интересы русскихъ людей, ни русскіе интересы экономическіе не входятъ въ область обязательнаго круга заботъ нашей заграничной дипломатіи, то остается очень тѣсная область вопросовъ внѣшней политики. Но и тутъ мы имѣемъ дѣло съ очень старыми и весьма невыгодными для интересовъ русскаго правительства предразсудками, которые очень было бы полезно въ его интересахъ побороть».

Нападая такъ безпощадно на нашихъ заправскихъ дипломатовъ, князь Вл. Петр. Мещерскій, совсѣмъ въ концѣ концовъ разочаровавшійся въ гр. Витте, съ восторгомъ привѣтствовалъ назначеніе С. Ю. Витте для веденія переговоровъ о мирѣ. Но зачѣмъ скрывать правду? Назначеніе Сергѣя Юльевича Витте въ русскихъ людяхъ съ самаго начала заронило плохія предчувствія, а вскорѣ этимъ предчувствіямъ пришлось найти себѣ подтвержденіе въ тѣхъ извѣстіяхъ, какія стали приходить изъ далекой Америки. Иностранные корреспонденты, въ особенности евреи, въ своемъ восхваленіи г-на Витте перешли всѣ предѣлы приличія, они такъ переусердствовали, что, читая описанія американскихъ подвиговъ Сергѣя Юльевича, невольно вспоминаешь поговорку: «du sublim au ridicul il n'y a qu'un pas (отъ великаго до смѣшного всего только одинъ шагъ).

Вотъ, напримѣръ, образчикъ этихъ телеграммъ въ № 300 отъ 2 августа 1905 года вечерней газеты, именуемой почему-то «Русская Газета»:

«Въ половинѣ седьмого вечера С. Ю. Витте приступилъ снова къ работѣ. Онъ ходилъ по кабинету, заложивъ руки за спину» (какъ важно для русскихъ людей знать: *куда заложилъ* С. Ю. Витте свои руки?!), «и отчетливо и громко диктовалъ каждое слово. Въ два часа онъ кончилъ работу. Секретари падали отъ усталости, С. Ю. Витте же былъ бодръ и доволенъ». (Не правда ли, какой сверхъ-человѣкъ!). «Въ 7 часовъ утра онъ былъ опять на ногахъ, свѣжій, какъ всегда».

И по мѣрѣ того, какъ услужливый телеграфъ сталъ во всѣ концы свѣта разносить хвалу въ честь работоспособности, неутомимости и геніальности Сергѣя Юльевича Витте, надежды русскихъ людей на заключеніе почетнаго мира все болѣе и болѣе слабѣли. Вскорѣ весь свѣтъ узналъ, что «ни пяди земли» означаетъ уступку Японіи половины Сахалина, т. е. 33 тысячи квадратныхъ верстъ съ несмѣтными пскопаемыми богатствами. «Ни копейки контрибуціи» означаетъ, что русскій народъ заплатитъ японцамъ около ста милліоновъ рублей за содержаніе нашихъ плѣнныхъ, обошедшееся въ дѣйствительности въ какіе-нибудь десять-пятнадцать милліоновъ. А вѣдь какъ пригодились бы эти сто милліоновъ голодающимъ русскимъ мужикамъ! Но развѣ о такихъ мелочахъ Сергѣю Юльевичу Витте есть время заботиться, когда онъ занятъ болѣе сложнымъ вопросомъ, когда въ головѣ его роятся великіе замыслы «обновленія Россіи» и когда всѣ банкиры, всѣ представители еврейской знати и даже самъ повелитель Германской имперіи оказываютъ ему неслыханныя почести и привѣтствуютъ его, какъ коронованную особу?! Есть отъ чего закружиться головѣ, утомленной двухнедѣльною напряженною работою. И эта умная голова закружилась и еще до свиданія съ Вильгельмомъ II послала 16 августа 1905 года Государю слѣдующую телеграмму:

«ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ ТЕЛЕГРАММА

НА ИМЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

отъ статсъ-секретаря Витте.

Портсмутъ, 16 августа.

Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что *Японія приняла Ваши требованія* относительно мирныхъ условій, и, такимъ образомъ, миръ будетъ возстановленъ, *благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ* и въ точности согласно предначертаніямъ Вашего Величества. Россія останется на Дальнемъ Востокѣ великою державою, каковою она была до днесь и останется во вѣки. Мы приложили къ исполненію Вашихъ приказаній весь нашъ умъ и русское сердце; просимъ милостиво простить, если не сумѣли сдѣлать большаго».

Читая эту телеграмму, не знаешь даже, чему больше удивляться: хитрости ли, съ которою вся отвѣтственность за условія мира переносится съ посланца на пославшаго, или той беззастѣнчивости, съ какою посланецъ Русскаго Царя, восхваляя свой собственный умъ и свое сердце, позволяетъ

себѣ именовать «мудрыми и твердыми» рѣшенія Своего Государя, точно дѣйствія и рѣшенія Русскаго Монарха для признанія ихъ твердыми и мудрыми нуждаются въ предварительномъ одобреніи Сергѣя Юльевича Витте!

Странная судьба у этого человѣка. Онъ, который первый впуталъ Россію въ дальне-восточныя предпріятія, онъ, построившій въ Манчжуріи международную дорогу, онъ, дававшій милліоны на украшеніе Дальняго и отказывавшій въ деньгахъ на укрѣпленіе Портъ-Артура, восхвалялся Европою, какъ величайшій русскій государственный дѣятель и привѣтствовался сразу въ «Новомъ Времени» А. С. Суворинымъ и М. О. Меньшиковымъ, въ «Гражданинѣ» княземъ В. П. Мещерскимъ, а въ «Сынѣ Отечества» и въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» еврейскимъ синдикатомъ. На вокзалѣ его встрѣтили бывшіе его сослуживцы по министерству финансовъ и тѣ господа, которые всегда считаютъ нужнымъ заискивать у людей сильныхъ и богатыхъ; *но народъ русскій хранилъ гробовое молчаніе*, и только то тамъ, то тутъ прорывалось какое-то глухое недовольство и недовѣріе къ этому кумиру Европы. Считать его единственнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ, конечно, было бы несправедливо, но зато смотрѣть на него, какъ на спасителя Россіи, съ тѣмъ подобострастіемъ, съ какимъ на него смотрѣли въ 1905 году Суворинъ, А. Столыпинъ, Проперъ, Федоровъ, кн. Мещерскій и Меньшиковъ, по меньшей мѣрѣ грѣшно.

Въ № 129 «Петербургскихъ Вѣдомостей» 28 мая 1905 года я постарался выяснить, кто погубилъ нашъ флотъ, кто обрекъ на мученія и на гибель нашего славнаго адмирала Рождественскаго, кто помѣшалъ ему выполнить возложенную на него обязанность, кто пожертвовалъ интересами Россіи ради интересовъ Англіи? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы одинъ: наша дипломатія. Да, наша дипломатія виновата не только въ томъ, что Японская война ею не была своевременно предусмотрѣна и предотвращена, но въ особенности виновата въ томъ, что приняла условія нейтралитета, предложенныя Англіею. Въ тотъ день, когда русское министерство иностранныхъ дѣлъ приняло эти условія и обязалось не допускать продолжительныхъ остановокъ русскихъ военныхъ судовъ въ нейтральныхъ портахъ и въ дружественныхъ намъ французскихъ водахъ, —въ этотъ день гибель нашего флота была предопредѣлена. Итакъ, *чтобы не тревожить англійскихъ дипломатовъ, наша дипломатія признала невозможнымъ допустить дальнѣйшее пребываніе нашего флота въ Камрамской бухтѣ*. Адмиралу Рождественскому было предписано оставить французскія воды въ то время, когда у него еще не было достаточнаго количества угля. Что же оставалось дѣлать русскому адмиралу? Итти въ обходъ Японскихъ острововъ открытымъ океаномъ онъ не могъ, потому что у него не было достаточно для этого угля. Оставалось одно —итти на вѣрную смерть кратчайшимъ разстояніемъ черезъ проливы, гдѣ его поджидали японцы! Ужасна, непростительна роль, которую сыграла русская дипломатія въ потопленіи нашего флота. Не русскіе моряки должны нести позоръ Цусимы, а графъ Ламсдорфъ и К°, поддерживавшіеся придворною либеральною камарильею.

Пусть же позоръ цусимскаго пораженія и бѣдныя тѣни русскихъ утопленниковъ навѣки будутъ укоромъ нашей дипломатіи. Дай Богъ, чтобы вслѣдъ за моимъ голосомъ раздались другіе многочисленные голоса, которые призвали бы нашу дряблую дипломатію къ отвѣту передъ родиной и народомъ. Довольно равнодушія! Пора на-

чать преобразованія съ того вѣдомства, гдѣ уже около столѣтія все застыло въ оболочкѣ утонченной международной вѣжливости, подъ которою скрывается полное незнаніе Россіи, полное пренебреженіе къ русскому народу и къ русскому языку. Пора поставить во главѣ этого вѣдомства русскаго человѣка! Такой человѣкъ, который сумѣетъ говорить съ Европою, съ Америкою и съ Азіею языкомъ, достойнымъ великаго русскаго народа, такой человѣкъ уже долженъ былъ ѣхать въ Америку передъ тѣмъ, какъ былъ призванъ Витте. Но засѣдающіе въ канцеляріяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ чужестранцы не могли помириться съ мыслью, что во главѣ ихъ вѣдомства станетъ русскій...

Всполошились жидо-масоны, началась придворная интрига и И. В. Муравьевъ былъ вынужденъ самъ просить, чтобы его не посылали въ Портсмутъ. Какъ умный человѣкъ, И. В. Муравьевъ отлично видѣлъ, откуда идетъ эта интрига, и понималъ, что все равно ему не дадутъ защитить русскіе интересы. Если бы онъ принялъ это назначеніе, то всего вѣроятнѣе, что ему не дали бы даже доѣхать до Портсмута и онъ умеръ бы въ пути отъ разрыва сердца, а внезапную его кончину врачи-іуды объяснили бы морской качкою и нервнымъ волненіемъ... Однако не на долго уберегъ себя И. В. Муравьевъ отъ происковъ масоновъ: черезъ три года онъ умеръ отъ паралича сердца въ Вѣчномъ Римѣ, въ магазинѣ еврейской авантюристки Серъ... Такъ фатально преждевременно гибнутъ одинъ за другимъ всѣ выдающіеся самостоятельные русскіе люди, а масонскій кагалъ торжествуетъ свою безкровную побѣду! И только въ далекомъ будущемъ можетъ быть выяснится, къ какимъ подлымъ и чудовищнымъ способамъ прибѣгала современная «Азефовская техника неуловимыхъ преступленій, чтобы скоропостижно убирать русскихъ людей, неугодныхъ жидо-масонскимъ заправиламъ: В. К. Плеве, Бобрикова, великій князь Сергѣй Александровичъ, Грязнова, Слѣпцова, Карангозова, Мина, Лауница, Игнатьева, Чухнина, Столыпина—устранены открыто руками наемныхъ убійцъ, а Шванебахъ, Муравьева, Камышанскій, Треповъ, Тыртовъ, Бартеневъ, Клавдій Степановъ, Кисловскій, Песелау, Крушеванъ, Шмидтъ, Никандръ, Бутовскій, Сергѣевскій и сотни другихъ русскихъ патріотовъ и націоналистовъ устранены тайно руками наемныхъ отравителей. *И не будетъ конца этимъ египетскимъ казнямъ, пока правительство не откажется отъ сомнительныхъ услугъ всякихъ Азефовъ, Богровыхъ и Герштейнъ.* Всѣ эти охранныя отдѣленія и сыскныя конторы должны быть очищены отъ жидовъ и поляковъ. А министерство иностранныхъ дѣлъ должно быть очищено отъ инородцевъ, иначе ропотъ и неудовольствіе восьмидесяти милліоновъ русскаго населенія грозятъ принять слишкомъ внушительные размѣры. Надо начать съ преобразованія охраны внутренней и внѣшней, надо начать реформу нашихъ консульскихъ учрежденій. Необходимо дать къ консульскимъ должностямъ болѣе широкій доступъ русскому народу, изъ среды котораго несомнѣнно могутъ выйти лучшіе блюстители интересовъ Россіи, чѣмъ изъ среды польскихъ жидовъ и балтійскихъ нѣмцевъ и чухонцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Новомъ Времени 9 сентября 1907 года была помѣщена прекрасная статья за подписью Л. Г. подъ заглавіемъ «Мертвая зыбь». Статья эта заканчивается указаніемъ на то, что *вопросъ о полномъ преображеніи нашей дипломатіи совершенно назрѣлъ.* Съ однимъ только положеніемъ этой статьи нельзя согласиться—это съ указаніемъ на то, что будто бы всѣ наши дипломаты до сихъ поръ всегда полу-

чали свое образованіе въ Александровскомъ лицеѣ и что главный недостатокъ нашихъ дипломатовъ заключается именно въ томъ, что они получили свое образованіе въ этомъ учебномъ заведеніи, которое не дастъ достаточной подготовки своимъ питомцамъ въ знаніи русской жизни.

«Двери дипломатической дѣятельности должны быть широко раскрыты для всѣхъ образованныхъ людей—совершенно безотносительно, къ какому сословію они принадлежатъ». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ эти двери были всегда доступнѣе для инородцевъ, чѣмъ для русскихъ. Сынъ нѣмецкаго портного, внукъ эстонскаго столяра легко, благодаря протекціи нѣмцевъ, попадаютъ въ дипломаты. Знаніе нѣмецкаго языка и нерусская фамилія для нихъ служатъ лучшею аттестаціею. Я самъ въ вагонѣ поѣзда, шедшаго изъ Риги въ Петербургъ, былъ свидѣтелемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ предусмотрительный нѣмецъ-студентъ второго курса запасался рекомендательнымъ письмомъ отъ своего случайнаго собесѣдника къ нашему дипломату Веберу, который, какъ выразился собесѣдникъ: protegirt besonders unsre Balten». До тѣхъ поръ, пока въ Россіи будетъ возможна «эта особая протекція балтовъ», цѣна нашей дипломатіи будетъ грошъ — въ отношеніи отстаиванія выгодъ Россіи... Въ то время, какъ русскіе студенты лѣнятся, бастуютъ или устраиваютъ «демонстраціи», нѣмцы заранѣе запасаются рекомендаціями, кропотливо долбятъ лекціи и, окончивъ курсъ, пользуются заранѣе задолго до окончанія курса припасенными рекомендательными письмами, чтобы попасть на хорошее мѣсто, и начинаютъ дѣлать карьеру, быстро обгоняя русскихъ своихъ сверстниковъ. Почему они обгоняютъ русскихъ? Что же, они способнѣе и умнѣе, чѣмъ русскіе? Нѣтъ, а потому, что начальство ихъ тоже почти все сплошь состоитъ изъ нѣмцевъ!

Хорошо еще, что мы живемъ въ такой тѣсной дружбѣ съ Германіею, что всѣ трудовыя деньги русскаго народа идутъ на улучшеніе матеріальнаго благосостоянія германскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ; но если когда-либо вспыхнетъ разладъ между нашимъ правительствомъ и правительствомъ Германіи, если жидовской печати удастся стравить эти двѣ великія Имперіи, этотъ послѣдній оплотъ христіанской культуры въ Европѣ, что тогда будутъ дѣлать наши консулы и дипломаты, считающіе себя болѣе чѣмъ на половину нѣмцами? Какой разладъ будетъ царить въ ихъ душахъ и сумѣютъ ли они выгоды Россіи соблюсти въ ущербъ выгодамъ столь любезной имъ Германіи? Надъ этимъ вопросомъ пора призадуматься.

Еще недавно, по поводу затрудненій, которыя пришлось испытать нашему крейсеру «Терекъ» въ испанскомъ портѣ Виго, было обнаружено, что русскій вице-консулъ въ этомъ порту, англичанинъ, былъ въ то же время и англійскимъ вице-консуломъ.

Двуликій Янусъ, разумѣется, всѣ свои симпатіи перенесъ на родную ему Великобританскую державу и *всю свою энергію и старанія употребилъ на то*, чтобы *воспрепятствовать* русскому военному судну остаться въ этомъ порту болѣе долгое время и взять необходимое количество угля.

Великобританія всячески старалась затруднить адмиралу Рождественскому его и безъ того тягчайшую задачу, а союзниками Англіи являлись *консулы, считающіеся на русской службѣ, которые въ дѣйствительности служили нашимъ врагамъ*. Нельзя далѣе терпѣть ту воз-

мутительную небрежность, съ какою министерство иностранныхъ дѣлъ относится къ институту русскихъ консуловъ и вице-консуловъ въ иностранныхъ государствахъ. *Всякій иностранецъ знаетъ, что за него есть кому заступиться, только русскому человѣку негдѣ искать защиты.* Всякаго проходимца-иностранца ставятъ въ лучшія условія, чѣмъ русскаго крестьянина... Во время «послѣднихъ» бакинскихъ событій, какъ сообщалъ въ «Словѣ» (№ 254) очевидецъ, произошелъ слѣдующій разговоръ между генераломъ Фаддѣевымъ и бакинскими домовладѣльцами.

Громадная толпа бакинскихъ домовладѣльцевъ явилась къ генералу Фаддѣеву, и во главѣ шли иностранные подданные. Происходитъ діалогъ такой.

— Вы англичанинъ? Обратитесь къ вашему консулу. Я сдѣлаю распоряженіе.

— Вы нѣмцы? Обратитесь къ вашему консулу. Будетъ сдѣлано распоряженіе.

— Французы? Обратитесь къ консулу.

И т. д., и т. д. Толпа русскихъ стоитъ молча. Наконецъ, оттуда доносится отчаянный возгласъ:

— Да гдѣ же тутъ русскій консулъ?!

Генералъ гнѣвно оборачивается, и передъ нимъ предсталъ почтенный обыватель г. Дойниковъ, изъ россіянъ, москвичъ, проживающій 37 лѣтъ въ Баку.

— Ваше превосходительство! взываетъ россіянинъ:—скажите намъ, гдѣ же русскій-то консулъ? Кто объ насъ-то позаботится? И англичане, и нѣмцы, и французы имѣютъ защиту. Гдѣ же намъ ее найти?

— Вы пьяны?!—сердито кричитъ генералъ.

Запьянѣешь, ваше превосходительство, коли въ васъ цѣлую недѣлю стрѣляютъ, дома ваши жгутъ, а помощи ни откуда не видать.

Это восклицаніе: гдѣ же русскій консулъ? —должно остаться историческимъ въ лѣтописяхъ Баку. Русскихъ консуловъ въ Россіи дѣйствительно нѣтъ.

Во всемъ и всегда интересы русскихъ людей ставятся въ Россіи ниже интересовъ иностранцевъ. Когда японцы или англичане въ Нѣмецкомъ морѣ предательски изъ-за угла напали на нашу эскадру и русскій адмиралъ приказалъ стрѣлять по нападающимъ, при чемъ пострадало нѣсколько англійскихъ рыбаковъ, то Англія потребовала третейскаго разбирательства, и наше министерство иностранныхъ дѣлъ до крайности переполошилось, не зная, какъ и чѣмъ вернуть благоволѣніе англійскаго правительства. Но когда въ 1900 году англичане безъ всякаго основанія застрѣлили нашихъ русскихъ моряковъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ удовольствовалось простымъ извиненіемъ адмирала Сеймура.

Кронштадскій «Вѣстникъ» приводитъ, какъ историческую справку, письмо англійскаго вице-адмирала Сеймура капитану 2-го ранга Чагину [1]) по поводу происшествія 17 іюня 1900 года.

---

[1]) Чагинъ нынѣ адмиралъ и состоитъ въ свитѣ Его Величества. Однако это высокое положеніе не мѣшаетъ Чагину быть въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Гинсбургами и другими главарями жидо-масонства.

«Милостивый Государь!

«Имѣю честь увѣдомить васъ, что я только что получилъ свѣдѣнія *о печальномъ* происшествіи послѣдней ночи, что ваши люди были застрѣлены нашими. Спѣшу выразить глубочайшее сожалѣніе о происшествіи, которое не можетъ быть достаточно оплакиваемо. Имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга, вице-адмиралъ Сеймуръ».

Этотъ точный переводъ письма вице-адмирала Сеймура былъ помѣщенъ въ донесеніи начальника эскадры Тихаго океана вице-адмирала Я. А. Гильтебрандта.

«Глубоко опечаленный», нашъ уважаемый адмиралъ, однако, былъ вынужденъ вполнѣ удовлетвориться тогда этимъ извиненіемъ почтеннаго англійскаго адмирала. Министерство иностранныхъ дѣлъ палецъ о палецъ не двинуло въ защиту чести и достоинства Великой Русской Державы.

Неудивительно послѣ этого, что насъ не уважаютъ на Западѣ и не боятся больше на Востокѣ, когда наше правительство жизнь нашихъ враговъ и нашихъ убійцъ цѣнитъ дороже жизни русскихъ людей!

Въ «Новомъ Времени» 17 декабря 1911 г. М. О. Меньшиковъ, осуждая недальновидную вредную для Россіи политику Извольскаго и Козелль-Поклевскаго, пишетъ:

«Нѣтъ сомнѣнія, что вся наша политика въ Персіи, сочиненная г. Извольскимъ и его ставленниками, есть политика самаго жалкаго угодничества передъ Англіей. Не столько изъ собственнаго кадетизма, сколько подчиняясь вліянію радикальнаго англійскаго кабинета, г. Извольскій таки добился свержения шаха и торжества фидаевъ. Но, колебля старый тронъ Персіи, у насъ забыли, что послѣ долгихъ войнъ съ этой страной шахи, можетъ быть, оставались плохими правителями для Персіи, но вѣрными (насколько это возможно въ Азіи) сторонниками Россіи. Послѣ туркманчайскаго договора наше вліяніе въ Тегеранѣ дошло до того, что Персія пыталась помочь Россіи и въ Крымскую войну (двинувшись къ Герату), и въ войнѣ 1877 года (угроза Багдаду), и въ борьбѣ съ ахалъ-текинцами. Съ Персіей при шахахъ можно было вести торговлю. Поддерживались правильныя сношенія, пока голосъ Россіи звучалъ твердо, но рядъ нашихъ посланниковъ изъ инородцевъ —всѣ эти господа Шпейеры, Гартвиги, Бюцовы и т. п. —свели значеніе Россіи на нѣтъ. Послѣднимъ ударомъ былъ прыжокъ г. Поклевскаго-Козла изъ Лондона въ Тегеранъ. Вотъ что мнѣ писалъ недавно другой корреспондентъ, живущій въ Персіи уже не мало лѣтъ. «Поклевскій въ сто разъ хуже Гартвига... Гартвигъ былъ все-таки доброжелательный въ отношеніи Россіи человѣкъ. Онъ сильно жаловался на Извольскаго, обвиняя его во всемъ. Про Поклевскаго же рѣшительно ничего нельзя сказать хорошаго, даже со стороны дѣловитости и служебнаго трудолюбія. Орудуетъ теперь всѣмъ въ нашей миссіи Барановскій. Наши русскіе консулы въ родѣ В. П. Некрасова въ Рештѣ горячо чувствуютъ униженіе, какое, благодаря извольско-польской политикѣ, приходится переживать здѣсь русскимъ людямъ. Но именно русскіе-то консулы и не въ чести у польскаго посольства въ Тегеранѣ. При печальной неспособности своей здѣшніе чиновники нашего дипломатическаго вѣдомства отличаются ужаснымъ самомнѣніемъ, чувствомъ величія и самовлюбленностью. Всѣ эти г-да Поклевскіе, Романовскіе, Вандергюфты и т. п. выслуживаютъ свою карьеру, постоянно чувствуя себя на отлетѣ куда-нибудь въ Португалію или въ Америку. Что имъ Гекуба?

Что имъ Персія, съ которою не мѣшало бы имъ слегка познакомиться? Что наконецъ имъ Россія, которая если еще до сихъ поръ «не згинѣла», то по совершенно независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ?

Вполнѣ раздѣляя взгляды, высказанные Меньшиковымъ, нужно однако еще больше винить во всѣхъ россійскихъ неудачахъ продажную петербургскую бюрократію. Какъ бы безтактно ни велъ себя Козеллъ-Поклевскій, *онъ настолько богатъ*, что въ Петербургѣ никогда не рѣшатся выбросить за бортъ этого польскаго дипломата. Можно заранѣе предсказать, что и въ министерствѣ и при Дворѣ найдутся лица, которыя будутъ защищать г. Козла и настаивать на томъ, чтобы ему дали повышеніе. Увы, «освободительная» революція 1905 года ничему не научила россійскіе верхи, и они столь же безпечно относятся къ надвигающейся грозѣ, какъ въ 1903 году.

Нѣкоторые представители русской дипломатіи въ Дрезденѣ уже не одинъ разъ вызывали въ печати заявленія о такихъ дѣйствіяхъ или упущеніяхъ, какихъ нельзя было, казалось бы, ждать именно отъ русскихъ представителей за границей.

Такъ, газеты отмѣчали отсутствіе русскихъ дипломатовъ на торжественныхъ богослуженіяхъ въ русской церкви въ царскіе дни.

Никакихъ отвѣтовъ и объясненій такіе случаи, насколько знаю, не вызывали.

Но вотъ «Русскій» разсказываетъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» № 201, отъ 10 сентября 1911 года, такія исторіи объ одномъ изъ русскихъ дипломатическихъ представителей въ Дрезденѣ, что просто уши вянутъ!

На международной гигіенической выставкѣ въ Дрезденѣ, гдѣ есть и русскій павильонъ, немало и увеселительныхъ заведеній. Среди нихъ на видномъ открытомъ мѣстѣ, съ разрѣшенія и вѣдома выставочнаго комитета, помѣстился театръ петрушекъ, предназначенный для дѣтей и непритязательной публики, которой собирается довольно много.

Этотъ театръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ забавлять публику грубыми издѣвательствами надъ Россіей. На сценѣ появляется—по словамъ «письма» изъ Дрездена—справа кукла въ коронѣ и мантіи и говоритъ: «Ich bin der grosste Tzar der Welt, und Niemand kann mir etwas thun, und meine Krone sitzt so fest»[1]). Слѣва выходитъ другая кукла англичанка въ гавелокѣ и цилиндрѣ и говоритъ: «Das wollen wir mal sehen»[2]), и такъ бьетъ русскую куклу палкой, что она ударяется головой о барьеръ и спрашиваетъ: «Was ist denn dass?» На это слѣдуетъ отвѣтъ: «Nichts, die Krone sitzt noch fest ... Въ обмѣнѣ колотушекъ и подобныхъ рѣчей состоитъ все представленіе!..

30-го августа, въ половинѣ 7-го вечера, мѣстный протоіерей, бывшій на выставкѣ съ дѣтьми, увидѣвъ эту грубую сцену издѣвательствъ надъ святыми для русскихъ чувствами, заявилъ объ этомъ выставочному комитету чрезъ полицію и тотчасъ же письменно доложилъ въ нашу миссію въ Дрезденѣ, которая немедленно заявила протестъ противъ подобной гнусности. 2-го сентября Императорская россійская миссія получила увѣдомленіе отъ президента полиціи, что «свѣдѣнія Имп. росс. миссіи подтверди-

---

[1]) Я самый сильный царь на свѣтѣ, и никто не можетъ мнѣ ничего сдѣлать, а моя корона сидитъ такъ крѣпко.

[2]) Это мы сейчасъ увидимъ.

лись, что подобныя представленія немедленно запрещены и установленъ надзоръ, чтобы что-либо подобное вновь не повторилось».

Русская дипломатія—благодаря чуткости о. протоіерея—свое дѣло сдѣлала, и можно сказать, все хорошо, что хорошо кончается.

Но авторъ письма изъ Дрездена основательно спрашиваетъ:

«Какъ возможно, что выставочный комитетъ, имѣющій въ своей средѣ и нашего комиссара *Подвысоцкаго*, допустилъ на выставку такую гнусность? Нашъ комиссаръ, еще при открытіи выставки заявившій, что безъ нѣмцевъ мы ничто, сообщившій въ «Новое Время» ложныя свѣдѣнія объ освященіи русскаго павильона и, съ кадетской точки зрѣнія, допустившій въ той же газетѣ самую грубую саморекламу, издѣвавшійся надъ православіемъ и русской народностью устройствомъ въ Дрезденѣ въ послѣдніе дни Страстной седмицы никниковъ и обѣдовъ, *заполнившій почти всѣ должности евреями*, отъ чего русскій павильонъ сталъ болѣе смахивать на еврейскій, безсистемностью, отсутствіемъ всякой идеи въ распорядкѣ предметовъ и научныхъ объясненій въ немъ, несмотря на ассигнованіе огромныхъ суммъ, много повредившій экспонатамъ, осрамившій русскій отдѣлъ покупкою совершенно ненужной для павильона статуи работы своей падчерицы и т. д., конечно, не занимался такими «пустяками», какъ защита достоинства Россіи и ея Верховнаго Вождя въ выставочномъ комитетѣ. *За свою полезную дѣятельность Подвысоцкій награжденъ, однако, Станиславомъ первой степени*, а весь нѣмецкій выставочный комитетъ за его полезную дѣятельность Подвысоцкій представилъ къ награжденію русскими орденами». Между тѣмъ протоіерея, заступившагося за честь Царя, убрали изъ Дрездена. Вотъ какъ теперь цѣнятъ услуги и вѣрность Царствующему Дому!

Стоишь передъ такими образцами «*представительства*» (?) Россіи за границей—и руками разводишь! Нигдѣ въ другой странѣ подобные представители не мыслимы на службѣ. И недавно не мыслимы награжденія ихъ высокими орденами.

До какихъ же поръ возможны такія явленія у насъ?[1])...

Въ «Новомъ Времени» 8 декабря 1911 года Михаилъ Осиповичъ Меньшиковъ помѣстилъ замѣчательно смѣлую и правдивую статью, которая не въ бровь, а въ глазъ колетъ современную бюрократію и придворную знать. Эта статья перейдетъ въ исторію, и будущій безпристрастный историкъ, оцѣнивая современныя событія, отмѣтитъ то, что сказалъ Меньшиковъ объ Александрѣ Второмъ: «Отъ природы слишкомъ чувствительный и мягкодушный, императоръ Александръ II получилъ у Жуковскаго сентиментальное воспитаніе, т.-е. наиболѣе разслабляющее духъ изъ всѣхъ возможныхъ. И самъ молодой императоръ, и его сверстники изъ высшей знати подготовлялись къ царствованію не «на славу намъ» и не «на страхъ врагамъ», какъ поется въ гимнѣ,—а лишь къ мирнымъ, идиллическимъ «реформамъ», при чемъ *силъ хватило на разрушеніе стараго и уже не хватило на созданіе новаго*. Не нашедшій опоры ни въ себѣ, ни въ изнѣженной знати Александръ II заключилъ первый послѣ Петра Великаго *постыдный миръ* съ уступкою части русской территоріи и съ отказомъ отъ державныхъ правъ въ Черномъ морѣ. Вотъ моментъ, который я считаю несчастнѣйшимъ въ нашей новой исторіи. Безсильные извнѣ, т.-е. не

[1]) («Свѣтъ», 12 сентября 1911 г. *Русакъ*).

напедшіе въ себѣ силъ для внѣшней побѣды, *мы* начали эпохи и внутреннихъ самопзмѣнъ. Ослабѣвшій мечь *мы* замѣнили миртовой вѣткой и понесли ее на инородческія окраины».

То же повторяется теперь. Съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ не считаются; о безопасности границъ Русскаго государства не заботятся: на Кавказѣ терпятъ разслабленнаго намѣстника, окруженнаго представителями армяно-польской кадетской партіи; въ Финляндіи награждаютъ баронскими титулами людей, ненавидящихъ все русское: въ Москвѣ нянчатся съ врагами монархіи; во внутреннихъ губерніяхъ гопятъ всѣхъ, кто въ смутные 1905 и 1906 годы стоялъ за законное правительство; а евреи, убивъ Столыпина, достигли того, что запугали Петербургъ и его окрестности, и теперь у кагала появились такіе сильные покровители, какихъ нельзя пріобрѣсти ни за какія даже деньги... Правдивыхъ рѣчей теперь не любятъ, мрачнымъ предчувствіямъ не вѣрятъ. Истинныя заслуги передъ родиной теперь не цѣнятся; всѣ смѣлые, самоотверженные патріоты находятся въ загонѣ, а протекція, придворныя связи, погоня за личнымъ благополучіемъ, равнодушіе къ судьбѣ Россіи—процвѣтаютъ съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, который напоминаетъ безумную безпечность маркизы Помпадуръ, хвастявшей, что ее совсѣмъ не интересуетъ будущая судьба родины: «Après nous le déluge»...

Нѣтъ, такъ дальше жить нельзя! Мы, монархисты, вѣримъ въ возможность спасти монархію, но всѣ мы, русскіе, къ какой бы партіи ни принадлежали, должны прежде всего стараться изгнать измѣну и равнодушіе къ русскимъ интересамъ хоть изъ тѣхъ зданій, гдѣ обсуждаются важнѣйшіе вопросы, съ которыми связана вся будущность Россіи... Всѣ революціи и преобразованія въ Россіи всегда дѣлались сверху, а не снизу. Будемъ надѣяться, что и преобразованіе *министерства иностранныхъ дѣлъ въ министерство русскихъ заграничныхъ дѣлъ* начнется сверху. Какъ бы нерѣшителенъ ни былъ новый министръ Сазоновъ, онъ все же русскій, и его душѣ не могутъ быть чужды интересы родины. Пора перемѣнить всю систему и все міровоззрѣніе русской дипломатіи. Пора упразднить сентиментальное подобострастіе предъ Европою. *Пора понять, что въ вопросахъ внѣшней политики не должно быть мѣста для платоническихъ чувствъ. Выгода Россіи –вотъ чѣмъ должны замѣнить наши дипломаты всѣ свои устарѣвшія понятія.* Пора прекратить политику мелкихъ интригъ, постоянныхъ уступокъ и вредныхъ для Русскаго государства соглашеній и компромиссовъ съ Англіею, Швеціею и Австріею... Эти уступки унижаютъ достоинство русскаго правительства, разжигаютъ вражду инородцевъ, раздражаютъ русскій народъ и подтачиваютъ монархическую власть...

Пора, наконецъ, понять, что главный безпощадный врагъ русскаго народа –это Англія, которая не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы только ослабить и сокрушить Русское государство. Если бы у Россіи была школа русскихъ дипломатовъ, то она сумѣла бы обезвредить англійскія козни и во время предупредить Россійскій Императорскій Дворъ и русскія министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда милые англичане точатъ въ тиши отравленный кинжалъ...

Въ январѣ 1906 года, въ самый разгаръ такъ называемой «русской освободительной революціи», появилась въ Парижѣ книжка Макса Думика «La franc-maçonnerie est-elle juive ou anglaise?» Въ этой книгѣ авторъ, зна-

токъ масонства, предсказываетъ, что смута въ Россіи прекратится тотчасъ же, какъ Англія добьется соглашенія съ Россіею. На страницѣ 99 своей книги Максъ Думикъ пишетъ: «Un mouvement très fort s'est dessiné en Russie en faveur d'une entente avec l'Angleterre. Le jour, ou cette entente sera faite et ou la Russie se subordonnera à la politique anglaise, la revolution en Russie s'apaisera comme par enchantement; les moujicks n'eprouveront plus aucun besoin de reformes et les intellectuels ne se plaindront plus de la tyrannie»...

Это предсказаніе Макса Думика, сдѣланное въ концѣ 1905 года или въ началѣ 1906 года въ Парижѣ, сбылось черезъ полтора года, какъ по писанному. Англичане, вырвавъ у русскаго правительства все, что было нужно для Англіи, дали сигналъ прекратить «русскую революцію»...

И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ русское правительство уже на всѣ лады твердило, что *«все успокоилось»*... Связь между всѣми русскими смутами и англійскими деньгами не подлежитъ сомнѣнію. Русская и еврейская интеллигенція таскаютъ изъ революціонныхъ костровъ каштаны для англійской міровой торговли и для англійскаго мірового господства, а бѣдные русскіе мужики перестаютъ даже думать о реформахъ каждый разъ, какъ при Русскомъ Дворѣ укрѣпляется вліяніе англійскихъ масоновъ. Чтобы освободиться отъ гибельной англійской паутины, необходимо переродить весь составъ нашей дипломатіи и кромѣ того окружить тронъ Самодержавнаго Царя русскими людьми, не похожими на генерала Масолова и адмирала Чагина, шествовавшаго за гробомъ барона Гинсбурга, и на фрейлинъ Бюцову, Оболенскую и Джунковскую, обожающихъ жидовскія газеты и «представительный» строй.

Только люди смѣлые, прямые, рѣшительные, ненавидящіе англо-масонскую интригу, могутъ спасти отъ крушенія Россійскую имперію, толкаемую въ пропасть трусливыми, половинчатыми конституціоналистами, готовыми всѣ интересы Россіи принести въ жертву ненасытной Англіи. Когда при громѣ орудій 27 мая 1908 г. англійскій король Эдуардъ въ русскихъ водахъ близъ Ревеля обмѣнивался привѣтствіями съ Всероссійскимъ Самодержавнымъ Императоромъ, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ молодыхъ русскихъ публицистовъ писалъ: «Дай Богъ, чтобы то мнѣніе, которое составлено объ Англіи въ Россіи, мнѣніе, проникнутое глубокимъ убѣжденіемъ, *что Англія никогда не можетъ быть искреннимъ другомъ ни одного государства*, что на Англію никогда нельзя положиться,—дай Богъ, чтобы это мнѣніе было разрушено не обѣщаніями, не словеснымъ королевскими симпатіями, а соотвѣтствующими поступками со стороны англійскихъ государственныхъ людей»... Событія послѣднихъ двухъ лѣтъ показали, что англійская политика попрежнему повсюду преслѣдуетъ только эгоистическія цѣли. Англія никогда не стоитъ на сторонѣ правды, закона и справедливости. Наоборотъ, англичане вездѣ экономически порабощаютъ простой народъ, вездѣ подкупаютъ высшіе классы и сѣютъ смуту и недовольство. Англичане помогаютъ во имя «прогресса» свергать троны законныхъ императоровъ и королей, какъ это было въ Персіи, Турціи и Португаліи, а у себя дома англичане бережно сохраняютъ средневѣковые обычаи и предразсудки...

Забытый документъ.

Въ 1904 г. различныя общественныя собранія и учрежденія начали подавать тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому докладныя записки и резолюціи, въ которыхъ повторялась на всѣ лады одна и та же *фраза*, выработанная іудейско-масонскимъ оберъ-каталомъ, отпечатанная въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ и разосланная во всѣ земскія, городскія и общественныя учрежденія. Вдругъ всѣ такъ называемые «прогрессивные» съѣзды земскихъ и городскихъ дѣятелей, докторовъ, акушерокъ, ветеринаровъ, инженеровъ, технологовъ, литераторовъ, аптекарей, приказчиковъ, швейцаровъ, типографовъ, санитаровъ и даже ассенизаторовъ и т. д. почувствовали непреодолимое влеченіе къ масонско-жидовской конституціи и на всѣ лады стали заявлять, что для возрожденія Россіи «необходима всеобщая, равная, тайная подача голосовъ» безъ различія «вѣроисповѣданія и національностей».

Иныя группы лицъ, какъ, напримѣръ, санитары, ветеринары и ассенизаторы, заявили, что для успѣшнаго вывоза нечистотъ изъ губернскихъ городовъ необходима всеобщая, равная, тайная подача голосовъ и что до уравненія евреевъ въ правахъ съ христіанами не возможенъ никакой успѣхъ въ дѣлѣ оздоровленія русскихъ городовъ, и что ветеринары только въ томъ случаѣ будутъ въ состояніи удачно лѣчить коровъ и барановъ, если въ Россіи будетъ упразднено «царское самодержавіе». Не захотѣли отставать отъ «радикальныхъ ветеринаровъ» петербургскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ, и вотъ, забравшись въ круглый залъ городской думы подъ предводительствомъ прис. повѣренныхъ Маргулиеса, Родичева, Шнитникова, Бернштама и т. п. «дѣятелей», петербургскіе адвокаты галдѣли, шумѣли, кричали, и въ концѣ концовъ Маргулиесъ объявилъ, что формула о всеобщей, равной, тайной подачѣ голосовъ принята *единогласно* всѣмъ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Возмущенный этою поддѣлкою общественнаго мнѣнія, я, присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель, потребовалъ слова и высказалъ свой протестъ противъ предложенной Маргулиесомъ резолюціи. Замѣчательно, что рѣчь моя прерывалась не только шиканіемъ, но и многочисленными возгласами одобренія, изъ чего слѣдовало заключить, что вовсе не всѣ присяжные повѣренные жаждутъ превращенія Русской имперіи въ республику. Тѣмъ не менѣе зачинщики этого митинга послали министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе, будто собраніе адвокатовъ *единогласно* вынесло

резолюцію о свободѣ собраній, союзовъ, неприкосновенности политическихъ дѣятелей и всеобщей, равной и тайной подачѣ голосовъ...

Тогда на слѣдующій день я послалъ заказнымъ письмомъ мое отдѣльное мнѣніе князю Святополкъ-Мирскому, а копію своего отдѣльнаго мнѣнія препроводилъ въ Петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Считая, что мой протестъ противъ надвигавшейся уже въ то время революціи былъ *первымъ* по времени проявленіемъ самостоятельной русской мысли, оскорбленной напоромъ радикальныхъ инородцевъ, я считаю нужнымъ сохранить этотъ документъ для будущихъ историковъ, которымъ придется оцѣнивать вертлявость, трусость и ничтожество государственныхъ дѣятелей, стоявшихъ, подобно князю Святополкъ-Мирскому, не на стражѣ интересовъ Русскаго государства, а раболѣпно заискивавшихъ похвалу и одобреніе у главарей «освободительнаго движенія»...

Вотъ содержаніе моего письма къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскому:

«Его Сіятельству
Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ
Князю Святополкъ-Мирскому.

Ваше Сіятельство.

Со всѣхъ сторонъ къ Вамъ несутся телеграммы, привѣтствія и адресы, вызванные тѣмъ, что Вы объявили себя сторонникомъ свободы печати. Сословіе петербургскихъ адвокатовъ, къ которому я принадлежу, постановило, между прочимъ, требовать чрезъ Васъ ни больше, ни меньше, какъ участія всего народа въ законодательствѣ и административномъ управленіи Россіи». Я по этому поводу остался при особомъ мнѣніи, громко объ этомъ заявивъ въ общемъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ. Примите же во имя той свободы убѣжденій, поборникомъ коей Вы и Ваши вдохновители себя назвали, мое отдѣльное мнѣніе, которое въ нѣсколькихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ:

1. Мысль ввѣрить законодательную власть всему народу принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ способовъ лѣченія существующихъ у насъ болѣзней государственныхъ, ибо нигдѣ необезпеченность личной неприкосновенности и свободы совѣсти не достигаетъ такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ демократическихъ государствахъ, гдѣ до сихъ поръ всегда неудачно пытались предоставить большинству народонаселенія участіе въ законодательной дѣятельности.

2. Мысль «привлечь весь народъ къ участію въ надзорѣ за административной властью» безсмысленна уже потому, что большинство гражданъ въ каждомъ государствѣ всегда составляютъ наиболѣе бѣдные, наиболѣе необразованные, наиболѣе глупые люди. Конечно, можно ввести всеобщее поголовное изученіе грамоты, но сдѣлать всѣхъ гражданъ умными, богатыми и довольными—этого не въ силахъ никакая власть въ мірѣ, а поэтому физически невозможно ввѣрять государственную власть всему народу.

3. Народное поголовное правительство никогда не въ силахъ установить порядка и довольства среди бѣдствующаго недовольнаго большинства народа, потому что само демократическое правительство и есть это недовольное, бѣдствующее большинство.

4. Утвержденіе, что при самодержавіи вообще немыслимо никакое духовное преуспѣяніе народа и невозможно даже правильное отправленіе правосудія,—это утвержденіе—постыдное искаженіе исторіи. Такая явная неправда можетъ смутить только совсѣмъ необразованныхъ людей, ибо образованные люди на всемъ земномъ шарѣ знаютъ, что и новый законъ 2 іюня 1903 года о вознагражденіи рабочихъ, и судебные уставы 1864 года, и манифестъ 19 февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ даны Россіи не республиканскимъ правительствомъ и не народнымъ представительствомъ, а самодержавнымъ правительствомъ, которое можетъ для блага простого народа сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ всевозможные парламенты и палаты.

5. Корень зла у насъ въ Россіи не въ учрежденіяхъ, а въ людяхъ: доколѣ будутъ подслуживаться, а не служить, доколѣ изъ трусости или ради моднаго теченія будутъ отказываться отъ самостоятельныхъ мнѣній, доколѣ во флотѣ и въ гвардіи будутъ нѣмцамъ и шведамъ давать преимущества передъ русскими, а въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, благодаря бездарнымъ дипломатамъ, дрожать и ползать передъ Европою, дотолѣ число недовольныхъ въ Россіи будетъ все увеличиваться, хотя бы даже министерство внутреннихъ дѣлъ вполнѣ искренно отдыхало бы на лаврахъ «довѣрія къ обществу».

6. Такъ какъ со времени вступленія Вашего Сіятельства въ должность министра внутреннихъ дѣлъ всевозможныя общественныя группы открыто и невозбранно пользуются возможностью во имя свободы всячески осуждать самодержавный строй, то вѣроятно Вы не можете ничего имѣть и противъ того, чтобы во имя этой свободы нѣкоторые самостоятельные люди имѣли бы право осуждать и Ваши дѣйствія, а поэтому я позволяю себѣ высказать мое личное мнѣніе, что допускаемая Вами непомѣрная агитація въ пользу народнаго представительства вовсе не способствуетъ къ водворенію порядка и законности на Руси, а лишь возбуждаетъ преувеличенныя, несбыточныя мечтанія стадной толпы, и поведетъ къ безпорядкамъ и волненіямъ.

Примите мое увѣреніе въ готовности всегда и впередъ высказывать Вамъ правду. Павелъ Булацель».

Итоги „освободительнаго“ похода противъ В. І. Гурко.

Въ девятомъ отдѣленіи Петербургскаго окружнаго суда 29 мая 1909 года было разсмотрѣно дѣло по обвиненію присяжнымъ повѣреннымъ П. Ѳ. Булацелемъ редакторовъ газеты «Русь» М. М. Крамалѣя, А. А. Суворина и сотрудника этой газеты присяжнаго повѣреннаго С. А. Изнара по 1535 ст. улож. въ оклеветаніи д. ст. сов. В. І. Гурко.

Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны д. тайн. сов. членъ Госуд. Совѣта Н. Я. Голубевъ, сенаторъ тайн. сов. В. Н. Варваринъ и присяжный повѣренный А. К. Вейдеманъ.

Несмотря на то, что свидѣтели Н. Я. Голубевъ и В. Н. Варваринъ, по своему служебному положенію, имѣли право просить въ силу закона о допросѣ ихъ на дому, оба они ровно въ одиннадцать часовъ явились въ окружный судъ. Была оглашена статья, помѣщенная въ 1907 г. въ № 5 газеты «Русь», подъ заглавіемъ «По слѣдамъ». Статья эта, подписанная двумя буквами С. П., содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, утвержденіе, будто изъ личнаго текущаго банкирскаго счета В. І. Гурко видно, куда дѣвалась «при разверсткѣ» часть огромнаго задатка въ 800.000 рублей, полученныхъ Лидвалемъ по поставкѣ хлѣба для голодающихъ губерній; во-вторыхъ, будто въ собранномъ комиссіею д. т. сов. Голубева слѣдственномъ матеріалѣ имѣется собственноручная записка д. ст. сов. Гурко къ петербургскому градоначальнику съ просьбою разрѣшить Лидвалю открыть игорный домъ, и что такая записка объясняется рекомендаціею госпожи Эстеръ.

Усматривая въ приведенной статьѣ, подъ заглавіемъ «По слѣдамъ», *заключающей въ себѣ сплошной вымыселъ*, явное намѣреніе автора этой статьи и редакторовъ газеты «Русь» опозорить честь В. І. Гурко путемъ распространенія о немъ самой наглой клеветы, присяжный повѣренный Булацель, поддерживая обвиненіе, предложилъ свидѣтелю д. т. сов. Голубеву вопросъ: имѣлась ли въ слѣдственномъ матеріалѣ какая-нибудь собственноручная записка В. І. Гурко къ тогдашнему градоначальнику фонъ-деръ-Лауницу, могущая подать поводъ утверждать, что В. І. Гурко хлопоталъ о разрѣшеніи Лидвалю открыть игорный домъ? На этотъ вопросъ свидѣтель отвѣтилъ, что «не только собственноручной записки Гурко къ генералу Лауницу, но и вообще никакихъ записокъ съ подобными просьбами въ слѣдственномъ матеріалѣ о д. ст. сов. В. І. Гурко не имѣлось».

То же самое подтвердилъ и свидѣтель сенаторъ В. Н. Варварцинъ, добавившій, что «никогда къ В. І. Гурко не только не предъявлялось обвиненіе въ тѣхъ позорныхъ дѣяніяхъ, которыя ему приписаны въ статьѣ «По слѣдамъ», но что никогда даже г. Гурко не былъ заподозрѣнъ въ подобныхъ поступкахъ». На вопросъ: не было ли въ слѣдственномъ матеріалѣ какихъ-нибудь другихъ данныхъ, которыя давали бы поводъ къ тѣмъ слухамъ, которые сообщаетъ «Русь», свидѣтель отвѣтилъ, что «ничто въ слѣдственномъ матеріалѣ не давало повода утверждать то, что написано про Гурко въ газетѣ «Русь». Далѣе на вопросъ присяжнаго повѣреннаго Булацеля: «слыхалъ ли свидѣтель, чтобы кто-либо изъ лицъ, причастныхъ къ слѣдствію по дѣлу о поставкѣ Лидваля, давалъ какія-либо показанія, порочащія В. І. Гурко въ смыслѣ злоупотребленія казенными или общественными деньгами», В. Н. Варварцинъ твердо отвѣтилъ: *«наоборотъ, всѣ данныя дѣла были таковы, что въ этомъ отношеніи В. І. Гурко былъ безупреченъ.* и изъ разсмотрѣнія текущихъ счетовъ видно, что Лидваль сполна получилъ весь задатокъ въ 800,000 руб. Единственно же, что было поставлено въ вину В. І. Гурко, «это превышеніе и бездѣйствіе власти, проявленное имъ въ томъ, что онъ выдалъ Лидвалю авансъ, не наведя точныхъ справокъ объ имущественной состоятельности и кредитоспособности Лидваля».

Свидѣтель А. К. Вейдеманъ, бывшій сотрудникъ и корректоръ «Руси», удостовѣрилъ, что статьи за подписью «С. П.» большею частью принадлежали Изнару, *но была ли статья «По слѣдамъ» написана тоже Изнаромъ —съ увѣренностью утверждать не можетъ*, такъ какъ это было уже давно.

Послѣ допроса свидѣтелей явился подсудимый г. Изнаръ во время обвинительной рѣчи прис. пов. Булацеля, въ которой Булацель укорялъ «освободительную» печать въ томъ, что она, распространяя завѣдомо ложныя свѣдѣнія и создавая при помощи клеветы нужное для ея цѣлей общественное настроеніе, впослѣдствіи оправдываетъ свои грязныя, лживыя статьи тѣмъ, что онѣ будто бы были вызваны общественнымъ настроеніемъ. Сотрудникъ газеты «Русь» прис. пов. С. А. Изнаръ, «скрываясь подъ буквами «С. П.», не имѣлъ до сихъ поръ мужества признать себя авторомъ тѣхъ статей, въ которыхъ въ 1907 г. онъ такъ храбро отдѣлывалъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко, когда на этого товарища министра ополчилась вся жидовская печать».

Противъ этого обвиненія г. Изнаръ горячо возражалъ въ длинномъ объясненіи, почему и отчего онъ подписывался только двумя буквами. Во время этого объясненія произошло очень любопытное приключеніе. «Уже у судебнаго слѣдователя я призналъ, что я авторъ, и что я одинъ отвѣчаю за статью «По слѣдамъ»,—восклицаетъ подсудимый Изнаръ: когда я узналъ, что Булацель подалъ на меня и на А. А. Суворина жалобу за клевету, я тотчасъ же попросилъ свидѣтеля Вейдемана передать Булацелю, что я отвѣчаю за эту статью».

Но тутъ предсѣдатель останавливаетъ г. Изнара. «Вы у слѣдователя вовсе не «являлись», замѣчаетъ Изнару предсѣдатель суда. Обвиняемый Изнаръ проситъ предъявить ему дѣло, разсматриваетъ слѣдственное производство и затѣмъ нѣсколько смущенно замѣчаетъ: «ну, значитъ я ошибся, но это просто недоразумѣніе; вѣроятно я былъ въ отъѣздѣ, или не могъ явиться къ слѣдователю, но я не скрываюсь, и если я не подписалъ своего

имени, то только потому, что я, какъ присяжный повѣренный, не считалъ удобнымъ пользоваться, какъ рекламою, такою *распространенною* газетою, какъ «Русь», которая расходилась во множествѣ экземпляровъ, а именно отъ 50-ти до ста тысячъ экземпляровъ въ день».

Это мѣсто защитительной рѣчи г-на Изнара дало прис. пов. Булацелю поводъ очень ядовито возразить, что скромность Изнара тѣмъ удивительнѣе, что между писательствомъ въ «Руси» и занятіемъ адвокатурою нѣтъ ничего общаго. Клеветническія статьи въ «Руси» за подписью С. А. Изнара могли доставить ему славу только выдающагося «освободительнаго писателя», но для того, чтобы рекламировать г. Изнара, какъ присяжнаго повѣреннаго, эти статьи не достаточны, и если бы подписчики «Руси» услыхали въ судѣ защитительную рѣчь Изнара, то они получили бы по ней настолько правильное представленіе о его адвокатскихъ дарованіяхъ, что поколебать это ихъ мнѣніе не могли бы никакія литературныя упражненія на столбцахъ газеты «Русь».

Сознаваясь въ томъ, что въ статьѣ «По слѣдамъ» помѣщены невѣрныя обстоятельства и ложныя свѣдѣнія, Изнаръ, однако, силился увѣрять на судѣ, что онъ въ 1907 году не имѣлъ вовсе злого умысла оскорбить или опорочить честь В. І. Гурко, потому что тогда «Гурко уже былъ вышибленъ изъ строя». «Не проходило дня, чтобы вопросъ о Индвалѣ въ той или другой формѣ не повторялся въ газетахъ, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ статей и на личность Гурко спустилась тѣнь; но я не питалъ вражды къ Гурко и, только желая выяснить истину, среди хора другихъ газетъ, началъ писать со словъ Стаховича противъ Гурко, подчиняясь общему потоку негодованія, который охватилъ тогда все русское общество».

«Я писалъ неправду, но я не клеветникъ: ко мнѣ приходили изъ «Аквариума» добровольные свидѣтели, и я не могъ разобраться, гдѣ правда. Я не имѣлъ намѣренія оклеветать Гурко, мой кабинетъ былъ похожъ на *толкучій рынокъ*. Я не имѣлъ времени и возможности провѣрить все, что мнѣ разсказывали, и я писалъ статьи безъ злого умысла, а потому въ моихъ поступкахъ нѣтъ состава клеветы, нѣтъ *завѣдомо* ложнаго распространенія позорящихъ честь Гурко фактовъ».

Отвѣчая на эту рѣчь г. Изнара, прис. пов. Булацель проситъ судъ занести въ протоколъ цѣнное признаніе самого обвиняемаго, что его кабинетъ представлялъ изъ себя «толкучій рынокъ» и что «къ нему приходили изъ «Акваріума» *добровольные* свидѣтели». Эти добровольные свидѣтели, этотъ сыскъ, эти статьи «По слѣдамъ»—какъ все это характеризуетъ интеллигентныхъ освободителей!

Удивительно ли, что прогрессивныя газеты превратились въ свалку нечистотъ и кучу безнравственныхъ отбросовъ, если кабинетъ прогрессивнаго присяжнаго повѣреннаго, по собственному его торжественному въ судѣ признанію, «напоминалъ толкучій рынокъ»? Накажите же, господа судьи, по всей строгости законовъ писателя, который, превративъ свой кабинетъ въ толкучій рынокъ, изъ скромности боясь рекламы, подписывался буквами С. И., а теперь думаетъ, что это давало ему право поносить, оскорблять и оклеветывать русскихъ гражданъ и сановниковъ, которые сдѣлались мишенью жидовской печати за то, что отстаивали русскую народность, порядокъ и достоинство Русскаго государства въ то время, когда правительство позорно преклонилось предъ шайкою освободителей». А чтобы вы, господа судьи, видѣли, въ *«какомъ огромномъ (?) количествѣ экземпля-*

ровъ расходилась газета «Русь», органъ «освободителей», предъ которымъ малодушно унижались и заискивали многіе сановники, я представляю официальную справку о томъ, что «Русь» печаталась въ январѣ 1907 года въ количествѣ около пятнадцати тысячъ экземпляровъ». «Отъ обвиненія А. А. Суворина я отказываюсь, вслѣдствіе заявленія г. Изнара, что г. Суворинъ не редактировалъ этого номера газеты «Русь». Предсѣдатель справку эту отказывается принять, такъ какъ судебное слѣдствіе уже закончено. Засимъ судъ удалился для совѣщанія и черезъ полчаса вынесъ резолюцію:

«Коллежскаго секретаря Сергѣя Адольфовича Изнара и мѣщанина Михаила Михайловича Крамалѣя заключить въ тюрьму на три мѣсяца каждаго, а приговоръ напечатать въ «Петербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за счетъ осужденныхъ».

Дѣло члена Госуд. Думы А. И. Никольскаго и газеты „Рѣчь“ съ ген. И. И. Толмачевымъ.

19 ноября въ СПБ. окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, назначено было къ слушанію дѣло по обвиненію члена Гос. Думы А. И. Никольскаго и редактора газ. «Рѣчь» И. К. Элькина въ распространеніи путемъ печати ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности одесскаго градоначальника ген.-майора И. И. Толмачева, возбуждающихъ среди населенія враждебное къ нему отношеніе.

Поводомъ къ возбужденію этого дѣла послужила напечатанная въ газ. «Рѣчь» статья А. И. Никольскаго, въ которой сообщалось, что одесскій приставъ Микіевъ, привлеченный къ отвѣтственности за вымогательство и т. п., показалъ, будто бралъ взятки съ вѣдома ген. Толмачева, и что ген. Толмачевъ будто бы перевелъ Микіева изъ тюрьмы, гдѣ онъ содержался, въ Александровскій участокъ, чтобы дать ему возможность бѣжать, чѣмъ Микіевъ будто бы воспользовался...

Обвиненіе противъ А. И. Никольскаго и И. К. Элькина возбуждено было въ порядкѣ частнаго обвиненія повѣреннымъ И. И. Толмачева, присяжнымъ повѣреннымъ П. Ѳ. Булацелемъ по 1535 ст. улож., т. е. за клевету, *ибо первоначально ни петербургскій градоначальникъ, ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати не усматривали съ марта 1909 года по іюль 1909 года никакихъ основаній для возбужденія обвиненія противъ Никольскаго и редактора газеты «Рѣчь» и не предпринимали никакихъ мѣръ, чтобы положить конецъ возмутительной травлѣ, начатой противъ генерала Толмачева въ петербургской жидовской печати.*

Когда же П. Ѳ. Булацель предъявилъ *частное обвиненіе*, то прокуратура вспомнила, что генералъ Толмачевъ *не частное лицо*, а одесскій градоначальникъ, облеченный особыми полномочіями и довѣріемъ Государя Императора.

Вслѣдствіе этого противъ редактора «Рѣчи» и члена Госуд. Думы А. Никольскаго начато дѣло по 1034[4] ст. улож.

Произведенное слѣдствіе выяснило чрезвычайно любопытную картину, какъ иногда у думской «оппозиціи» являются «вполнѣ точныя» данныя,

порочащія тѣхъ администраторовъ, которые въ наше время общаго шатанія твердо стоятъ на стражѣ закона.

Привлеченный къ слѣдствію членъ Гос. Думы Никольскій объяснилъ, что написана имъ была статья въ «Рѣчи» противъ ген. Толмачева *съ чужихъ словъ*. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ былъ вызванъ въ пріемную комнату одесскимъ врачомъ Гловче, *съ которымъ до того онъ знакомъ не былъ*. Гловче передалъ ему *запечатанный конвертъ*, объяснивъ, что этотъ конвертъ просилъ его, Гловче, передать Никольскому одесскій инженеръ Брайкевичъ. Вскрывъ конвертъ, Никольскій нашелъ въ немъ письмо, написанное на пишущей машинкѣ и *никѣмъ не подписанное*. Въ этомъ письмѣ и заключалось сообщеніе фактовъ, порочащихъ генерала Толмачева, какъ человѣка и администратора.

— Зная Брайкевича за человѣка почтеннаго и серьезнаго,—заключилъ свое показаніе Никольскій, —я и напечаталъ въ «Рѣчи» полученныя свѣдѣнія.

Гловче объяснилъ, что онъ передалъ письмо отъ Брайкевича Никольскому, *даже не зная, что въ немъ*, а Брайкевичъ... оказался, по его словамъ... тоже ни при чемъ. По его объясненію, ни пристава Микіева, ни другихъ, о которыхъ упоминалось въ статьѣ Никольскаго, онъ не знаетъ и тѣмъ паче не знаетъ ничего, порочащаго генерала Толмачева. И письмо писалъ не онъ, Брайкевичъ, а вручилъ ему это письмо *какой-то неизвѣстный избиратель* съ просьбой передать письмо Никольскому, и такъ какъ его, Брайкевича, знакомый врачъ Гловче ѣхалъ въ Петербургъ, то онъ и послалъ это письмо съ нимъ, даже не интересуясь содержаніемъ письма.

Народный избранникъ, оклеветавшій генерала Толмачева, объясняетъ:

— *Я думалъ*, что эти свѣдѣнія инженеръ Брайкевичъ мнѣ сообщаетъ.

А инженеръ Брайкевичъ возражаетъ:

— И вовсе же это не я. Это *неизвѣстный избиратель мнѣ передалъ*. Кому я говорилъ, что это я собралъ? И я же даже не зналъ, что въ письмѣ!

А между этими двумя іудеями и однимъ ка-дэкомъ путается четвертый іудей—врачъ Гловче, и удивленно бормочетъ:

— Я изъ рукъ Брайкевича письмо получилъ. И могъ же я говорить Никольскому, что это отъ Брайкевича?!

А клевета на генерала Толмачева между тѣмъ при помощи газеты «Рѣчь» уже выползла на Божій свѣтъ, расползлась по Россіи, и въ разныхъ уголкахъ матушки-Руси интеллигенты-обыватели оживленно ее комментируютъ и, тыкая въ страницы іудейской газеты, говорятъ:

— Но вѣдь здѣсь же и факты указаны, и фамиліи названы... Наконецъ, подписано: «Членъ Гос. Думы Никольскій». Какъ же этому не вѣрить?..

Однако, въ концѣ концовъ судъ размоталъ этотъ клеветническій клубокъ, намотанный на «неизвѣстнаго избирателя».

Защитникомъ А. И. Никольскаго выступилъ прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ. Г. Элькинъ въ судъ не явился.

По открытіи судебнаго засѣданія предсѣдательствующій г. Виноградскій доложилъ, что къ нему поступило прошеніе отъ повѣреннаго ген. Толмачева, прис. пов. П. Ѳ. Булацеля съ ходатайствомъ допустить его къ участію въ дѣлѣ въ качествѣ гражданскаго истца на сумму 500 руб. въ каковомъ размѣрѣ, какъ указывается въ прошеніи, ген. Толмачевъ оцѣниваетъ свои матеріальные убытки отъ враждебнаго къ нему отношенія, возбужденнаго въ населеніи статьей А. И. Никольскаго.

Товарищъ прокурора противъ допущенія П. Ѳ. Булацеля не возражалъ.

Защитникъ же А. И. Никольскаго, прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ, выразилъ полное изумленіе передъ такимъ ходатайствомъ, не имѣвшимъ еще прецедентовъ въ судебной практикѣ. Защитникъ указываетъ, что нельзя же, въ концѣ концовъ, оцѣнивать потерянное уваженіе, вражду на рубли. Деньгами довѣрія не купить.

П. Ѳ. Булацель, поддерживая свое ходатайство, заявляетъ, что безусловно ген. Толмачевъ въ этомъ дѣлѣ потерпѣлъ ущербъ, и если допускаются гражданскіе иски въ дѣлахъ о физическихъ убійствахъ или изувѣченіяхъ, то нѣтъ основаній не допускать такихъ исковъ въ дѣлахъ объ убійствахъ нравственныхъ. Во всякомъ случаѣ, добавляетъ П. Ѳ. Булацель, ген. Толмачевъ въ связи съ этой статьей понесъ и матеріальные расходы по предотвращенію вредныхъ послѣдствій возбужденной къ нему вражды.

«Но мы не скрываемъ»—прибавляетъ прис. пов. П. Ѳ. Булацель,—что «гражданскій искъ предъявляется нами вовсе не ради денегъ; я увѣренъ, что намъ не удастся даже доказать, сколько именно *убытку* причинили клеветническія статьи г. Никольскаго генералу Толмачеву вслѣдствіе того, что петербургское правительство особенно чутко относится ко всякой замѣткѣ, появляющейся въ газетѣ «Рѣчь»; но, при всемъ моемъ довѣріи и уваженіи къ петербургской прокуратурѣ, я считаю, что нравственные интересы генерала Толмачева и его честь будутъ вѣрнѣе и сильнѣе ограждены, если въ дѣлѣ кромѣ товарища прокурора буду участвовать я, какъ повѣренный генерала Толмачева, а единственный способъ, при которомъ по закону я могу участвовать въ обвиненіи Никольскаго по статьѣ 1034* уложенія о наказ.—это предъявить гражданскій искъ. Безъ такого иска судъ не имѣетъ права допустить меня къ участію въ этомъ дѣлѣ. Мы вовсе не желаемъ «покупать довѣріе деньгами», мы этихъ денегъ даже не будемъ брать, если судъ ихъ присудитъ, но мы хотимъ путемъ предъявленія гражданскаго иска достигнуть того, чтобы окр. судъ допустилъ меня выступать въ этомъ уголовномъ процессѣ и доказывать, что одесскій «депутатъ» Никольскій самымъ беззастѣнчивымъ образомъ пользовался своимъ званіемъ члена Государственной Думы, чтобы обманывать газетную редакцію, общественное мнѣніе и клеветать на одесскаго градоначальника».

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ въ отвѣтъ на это отмѣчаетъ, что ген. Толмачевъ потерпѣлъ, какъ должностное лицо, и какъ таковое онъ достаточно защищенъ въ данномъ дѣлѣ прокуроромъ, считаться же съ размѣромъ самолюбія отдѣльныхъ лицъ законъ не можетъ. Помимо этого, вѣдь, разбирая искъ гражданскій, судьямъ придется и опредѣленіе составлять въ гражданскомъ порядкѣ,—какъ же они «конкретизируютъ» тогда искъ? Вѣдь если расходы ген. Толмачева вызваны были необходимостью усилить охрану, то такое усиленіе производится за счетъ казны; если ген. Толмачевъ хотѣлъ бороться съ враждебностью путемъ пожертвованій въ различныя благотворительныя общества, то вѣдь нѣтъ такого закона, который обязывалъ бы возмѣщать такіе расходы...

Во всякомъ случаѣ,—добавляетъ защитникъ, — авторитетъ власти — несомнѣнное благо, и таксировать его тѣмъ или инымъ способомъ — прямо неприлично.

Прис. пов. П. Ѳ. Булацель все же настаивалъ на удовлетвореніи своего ходатайства, заявивъ, что ген. Толмачевъ могъ понести расходы не только по охранѣ или пожертвованіямъ, но и потому, что въ связи съ статьей А. И.

Никольскаго былъ вызванъ своимъ начальникомъ въ Петербургъ для объясненій.

Окружный судъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, постановилъ допустить П. Ѳ. Булацеля въ качествѣ гражданскаго истца, такъ какъ «размѣры иска имъ указаны, ходатайство возбуждено въ установленный закономъ срокъ и самый искъ вытекаетъ изъ обстоятельствъ дѣла».

Затѣмъ изъ доклада судебнаго пристава выяснилось, что изъ вызванныхъ по дѣлу свидѣтелей не явились ген. П. Н. Толмачевъ, б. приставъ Микіевъ и инж. Брайкевичъ. Ген. Толмачевъ не явился безъ объясненій причинъ, о вручении повѣстки б. приставу Микіеву, находящемуся въ тюрьмѣ, обратныхъ свѣдѣній въ распоряженіе суда еще не поступило, а инж. Брайкевичъ выбылъ за границу.

Прис. пов. П. Ѳ. Булацель заявилъ, что неполученіе обратныхъ свѣдѣній о вручении повѣстки Микіеву какъ бы даетъ основаніе думать, что Микіевъ дѣйствительно бѣжалъ, что и можетъ использовать въ своихъ интересахъ защита. Въ виду этого П. Ѳ. Булацель просилъ дѣло слушаніемъ отложить.

Прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ съ своей стороны полагалъ, что дѣло должно быть отложено въ виду неполученія обратныхъ свѣдѣній о вручении повѣстки Микіеву, въ виду чего показаніе его оглашено быть не можетъ.

Окружный судъ дѣло слушаніемъ отложилъ.

Прошелъ почти годъ, и вотъ 2 сентября 1911 года, наконецъ, генералъ Толмачевъ и его повѣренный дождались разбора этого дѣла въ 9 уголовномъ отдѣленіи Петербургскаго окружнаго суда. Предсѣдательствовалъ тов. предс. В. Т. Виноградскій въ составѣ членовъ суда А. П. Рудскаго и І. У. Венюжинскаго. Обвинялъ товарищъ прокурора Лапатинъ.

Повѣреннымъ Толмачева на судѣ выступилъ пр. пов. Булацель, а защитникомъ депутата Никольскаго, лично явившагося въ засѣданіе, былъ пр. пов. М. Л. Гольдштейнъ.

Редакторъ «Рѣчи» Элькинъ въ засѣданіе суда не явился, и приговоръ въ отношеніи его былъ вынесенъ заочно.

Судебное слѣдствіе свелось къ допросу явившагося свидѣтеля, инженера Брайкевича, и оглашенію показаній неявившихся свидѣтелей, генерала Толмачева и Микіева.

Депутатъ Никольскій, не признавая себя виновнымъ, сообщилъ суду въ своихъ объясненіяхъ, что въ своей статьѣ онъ хотѣлъ ознакомить общество съ личностью ближайшихъ помощниковъ одесскаго градоначальника. Онъ остановился только на приставѣ Микіевѣ, полицеймейстерѣ Ермоловѣ и ротмистрѣ Тамбіевѣ, такъ какъ остальные подчиненные Толмачева служили еще при его предшественникѣ, а этихъ лицъ назначилъ на службу въ одесскую полицію самъ Толмачевъ, выписавъ ихъ чуть ли не за тысячу верстъ, изъ Гурія, и, очевидно, считая ихъ людьми вполнѣ достойными своего довѣрія. Между тѣмъ, Микіевъ оказался воромъ-растратчикомъ, Тамбіевъ—кутилой и воромъ, а Ермоловъ былъ арестованъ въ Ростовѣ-на-Дону, когда дѣлалъ въ банкѣ 70,000 вкладъ на свое имя, при чемъ деньги эти, какъ выяснилось, были добыты путемъ экспропріаціи. Между тѣмъ Ермоловъ былъ полицеймейстеромъ, т. е. первымъ лицомъ въ Одессѣ послѣ Толмачева.

— Въ напечатаніи моей статьи, — заявилъ депутатъ Никольскій на судѣ,—я не рисуюсь. Съ моей стороны была допущена только одна ошибка,

а именно утвержденіе, что будто бы генералъ Толмачевъ покровительствовалъ взяточничеству и что Микіевъ совершилъ побѣгъ и что этому способствовалъ Толмачевъ. Утверждая это, я вполнѣ добросовѣстно заблуждался и имѣлъ всѣ основанія довѣрять тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя получены были мною отъ инженера-домовладѣльца Брайкевича, котораго я зналъ, какъ умѣреннаго прогрессиста и достовѣрнаго человѣка. Ко мнѣ, какъ къ депутату, не мало поступало жалобъ, но я относился къ нимъ всегда съ большой осторожностью.

Весьма интереснымъ оказалось прочитанное полностью показаніе Толмачева, въ которомъ онъ даетъ яркую характеристику чиновъ подвѣдомственной ему одесской полиціи.

— Прибывъ въ Одессу,—заявилъ Толмачевъ, я засталъ здѣсь грабежи, убійства и разбои, при чемъ преступники всегда успѣвали благополучно скрываться, городовые не спѣшили на выстрѣлы грабителей, не помогали жителямъ и гдѣ-то всегда отсутствовали. Чины полиціи жили не по средствамъ и брали большія взятки. Необходимо было путемъ вліянія свѣжихъ силъ поднять духъ полиціи. Не видя сочувствія своимъ начинаніямъ среди чиновъ полиціи, покрывавшихъ другъ друга, я вызвалъ нѣсколько своихъ бывшихъ подчиненныхъ изъ Гуріи.

Какъ указываетъ въ своемъ показаніи самъ Толмачевъ, лучшей рекомендаціей онъ считалъ покушеніе революціонеровъ на своихъ кандидатовъ. И такъ какъ на Микіева совершены были дважды покушенія, то онъ былъ принятъ на службу и назначенъ на должность пристава. Въ Одессѣ приходится быть особенно осторожнымъ, такъ какъ ни въ одномъ городѣ, вѣроятно, нѣтъ столькихъ мошенничествъ, какъ здѣсь, а потому честные полицейскіе весьма часто являются неудобными для мошенниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые иной разъ занимаютъ видное положеніе въ обществѣ, а потому нерѣдко противъ такихъ лицъ ведутся возможныя интриги, ихъ обливаютъ клеветой, имѣя одну цѣль -скорѣе отъ нихъ избавиться.

— Доходило до того, что полиція нанимала агентовъ съ цѣлью слѣдить за моими чиновниками особыхъ порученій, посылавшимися мною для поимки тайныхъ притоновъ разврата, производства обысковъ и т. п.

Въ концѣ концовъ все-таки Микіевъ былъ преданъ суду распоряженіемъ Толмачева.

Точно также одесскій градоначальникъ категорически отрицаетъ въ своемъ объясненіи какое-либо покровительство всѣмъ другимъ полицейскимъ чинамъ, уличеннымъ впослѣдствіи во взяточничествѣ и растратахъ.

На судѣ оглашено было также показаніе Микіева, который на предварительномъ слѣдствіи заявилъ, что онъ никогда не говорилъ, будто взятки бралъ съ вѣдома ген. Толмачева, изъ тюрьмы не бѣгалъ и что вообще статья Никольскаго въ части, касающейся ген. Толмачева, лжива и неосновательна.

Защитникомъ Никольскаго, прис. пов. М. Л. Гольдштейномъ, возбуждено было передъ судомъ ходатайство о пріобщеніи къ дѣлу ряда документовъ и газетныхъ статей, подтверждающихъ ту характеристику сподвижниковъ Толмачева, которую сдѣлалъ въ своемъ объясненіи подсудимый Никольскій.

Судъ, однако, счелъ возможнымъ пріобщить только одинъ документъ—протоколъ показаній, данныхъ Микіевымъ во время судебнаго разбирательства его дѣла о взяточничествѣ.

Выступавшій обвинителемъ тов. прокурора Лопатинъ настаивалъ на обвиненіи какъ редактора Элькина, такъ и автора статьи Никольскаго, при чемъ объясненія послѣдняго сравнивалъ съ объясненіями вора, заявляющаго, что онъ не знаетъ, кто далъ ему стамеску, которой былъ совершенъ взломъ

Гражданскій истецъ прис. пов. Булацель въ своей рѣчи подчеркнулъ принадлежность Никольскаго къ составу высшаго законодательнаго учрежденія страны, что должно было обязывать подсудимаго всячески ограждать право и законъ, а не разрушать ихъ, набрасывая завѣдомо ложную тѣнь на доброе имя представителей администраціи и власти.

Въ заключеніе прис. пов. Булацель просилъ судъ вынести такой приговоръ, который далъ бы Одессѣ другого представителя, болѣе достойнаго.

Защитникъ Никольскаго прис. пов. М. Л. Гольдштейнъ въ весьма содержательной рѣчи заявилъ, что онъ не будетъ говорить о политической борьбѣ, о партійной розни, о ген. Толмачевѣ, и доказывалъ только добросовѣстность заблужденія автора статьи.

Депутатъ Никольскій отъ послѣдняго слова отказался.

Судъ послѣ получасового совѣщанія приговорилъ Никольскаго и Элькина къ заключенію въ тюрьму на 2 мѣсяца каждаго.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ судебномъ засѣданіи 2 сент. 1911 года не было стенографа, а самъ я своей рѣчи не записалъ, то для соблюденія безпристрастія отчетъ о судебномъ засѣданіи 19 ноября 1910 г. заимствованъ изъ «Земщины», а отчетъ о засѣданіи 2 сентября 1911 г. заимствованъ мною изъ газеты «Рѣчь».

Дѣло А. П. Дубровина съ московскимъ губернаторомъ Джунковскимъ.

20 февраля 1909 года въ № 40 газетѣ «Русское Знамя» была помѣщена замѣтка слѣдующаго содержанія:

«По свѣдѣніямъ нашего Освѣдомительнаго Бюро въ настоящее время ведется усиленная интрига въ нѣкоторыхъ аристократическихъ кругахъ съ цѣлью выдвинуть *на высокій постъ* одного изъ братьевъ Джунковскихъ. Кто такой Джунковскій, московскій губернаторъ, и какую роль на Кавказѣ играетъ его братъ—всѣмъ извѣстно; но наше Освѣдомительное Бюро не выполнило бы своего назначенія, если бы не предупредило о томъ, что возвышеніе Джунковскихъ можетъ имѣть болѣе печальные результаты, чѣмъ даже возвышеніе «знаменитаго» бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополка-Мирскаго.

Неустойчивость политическихъ воззрѣній и вѣрованій въ семействѣ Джунковскихъ доходитъ до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, что родной дядя московскаго губернатора *три раза мѣнялъ подданство и религію.*

Понимая, насколько серьезно наше сообщеніе, мы заранѣе объявляемъ, что беремся доказать слѣдующіе факты: братъ отца нынѣшняго столичнаго московскаго губернатора Джунковскаго, женившись на полькѣ, бросилъ Россію и перешелъ въ католичество, а, овдовѣвъ, пошелъ въ монахи и былъ даже кардиналомъ въ Римѣ. Впрочемъ преданность Джунковскаго папскому престолу оказалась столь же *не* надежною, какъ и преданность его Русскому государству. Черезъ нѣсколько лѣтъ Джунковскій переселился въ Англію, сдѣлался англійскимъ подданнымъ и, сбросивъ съ себя кардинальскую шапку, перешелъ въ англиканскую церковь.

Однако по усмиреніи польскаго возстанія въ царствованіе императора Александра II-го господинъ Джунковскій сталъ хлопотать о возвращеніи въ Россію и заявилъ желаніе сдѣлаться вновь *вѣрноподданнымъ* Русскаго Царя.

Такимъ образомъ въ семьѣ Джунковскихъ имѣются примѣры трехкратной измѣны тремъ государямъ, тремъ государствамъ и тремъ религіямъ. Не лучше ли искать кандидатовъ въ министры въ другихъ семействахъ? Въ Россіи, слава Богу, есть много русскихъ семействъ, въ которыя никогда не проникала измѣна».

За эту статью московскій губернаторъ Джунковскій просилъ прокурора привлечь А. П. Дубровина къ отвѣтственности по 1039 ст. улож. за опозореніе его фамиліи и за оскорбительные отзывы о его дядѣ.

На предварительномъ слѣдствіи А. П. Дубровинъ заявилъ, что вся отвѣтственность за эту замѣтку о Джунковскомъ должна пасть на П. Ѳ. Булацеля, такъ какъ свѣдѣнія о Джунковскихъ сообщилъ газетѣ «Русское Знамя» прис. пов. П. Ѳ. Булацель. Въ виду такого заявленія Дубровина судебный слѣдователь привлекъ П. Ѳ. Булацеля къ уголовной отвѣтственности по 1039 ст. улож. и отобралъ отъ него подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга.

П. Ѳ. Булацель заявилъ, что всѣ свѣдѣнія о «кардиналѣ» Джунковскомъ *исторически вѣрны*, и потому, *не* признавая себя виновнымъ по 1039 ст. улож., онъ ссылается на слѣдующіе письменные документы:

Во-первыхъ, на всеподданнѣйшее прошеніе Джунковскаго о принятіи его вновь въ русское подданство и о дозволеніи вернуться въ Россію, каковое прошеніе должно храниться въ архивѣ Собственной Его Величества Канцеляріи по принятію прошеній.

Во-вторыхъ, проситъ запросить изъ Ватикана черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ справку о томъ, былъ ли въ 19 столѣтіи въ числѣ кардиналовъ Джунковскій и почему кардиналъ Джунковскій сбросилъ кардинальскую шапку.

Однако суд. слѣдов. Петерб. окружнаго суда этихъ документовъ *не* истребовалъ, а 14 іюня 1909 г. все производство по этому дѣлу было Петербургскимъ окружнымъ судомъ прекращено по 277 ст. уст. уг. суд. за отсутствіемъ состава преступленія.

Хорошо все, что хорошо кончается. Правъ былъ великій поэтъ-патріотъ А. С. Пушкинъ, когда писалъ: «У насъ нова рожденьемъ знатность, и чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣе».

Въ самомъ дѣлѣ, потомки русскихъ богатырей, героевъ прутскаго похода, семилѣтней и Отечественной войны и представители русскихъ боярскихъ родовъ живутъ гдѣ-нибудь въ глуши въ своихъ усадьбахъ, вдали отъ власти и Двора, а родственники «международныхъ кардиналовъ» играютъ теперь большую роль въ придворномъ «великосвѣтскомъ обществѣ»...

Судебная хроника[1].

19-го марта 1899 года въ Ревельскомъ окружномъ судѣ разбиралось интересное дѣло о загадочномъ убійствѣ, происшедшемъ въ 1898 году въ лѣсу Икскюльскаго майората, Гапсальскаго уѣзда, Эстляндской губерніи.

По обвинительному акту были преданы суду: кузнецъ Янъ Кярманъ и владѣлецъ крестьянскаго участка «Таутси» Теннисъ Руммъ по 1453 и 1454 ст. ул. о нак.; а именно въ томъ, что, по предварительному между собою соглашенію, задумавъ лишить жизни крестьянина Анца Роосте съ корыстною цѣлью, они заманили его вмѣстѣ съ его женою Маріей Роосте въ Фикельскій лѣсъ, гдѣ одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ Роосте въ упоръ изъ ружья, заряженнаго дробью и картечью, прострѣливъ ему на вылетъ сердце.

Подозрѣніе сперва пало на жену покойнаго Марію Роосте и на Тенниса Румма, и затѣмъ по указанію Тенниса Румма былъ сдѣланъ обыскъ у Кярмана, и у послѣдняго найдено двухствольное ружье, одинъ стволъ котораго оказался заряженъ точно такою же дробью, какъ дробь, найденная въ тѣлѣ убитаго Роосте. На предварительномъ слѣдствіи Кярманъ дважды измѣнилъ свое показаніе: сперва онъ объяснилъ, что застрѣлилъ Роосте вслѣдствіе подкупа со стороны Тенниса Румма, а затѣмъ сталъ утверждать, что убійство это учинилъ по подговору самой Маріи Роосте, обѣщавшей за это взять его себѣ въ мужья. На судебномъ слѣдствіи Кярманъ опять началъ оговаривать Тенниса Румма. Послѣдній же положительно отрицалъ свое участіе въ этомъ убійствѣ и объяснилъ, что никогда не имѣлъ никакихъ поводовъ желать смерти Яна Роосте, такъ какъ никакихъ ни денежныхъ счетовъ, ни ссоръ съ нимъ онъ не имѣлъ. Защитникъ Тенниса Румма, присяжный повѣренный Н. Ѳ. Булацель, въ своей рѣчи разобравъ улики, собранныя противъ Румма, доказывалъ всю несостоятельность и неправдоподобность тяжкаго обвиненія, взведеннаго на Румма.

На судѣ жена убитаго Май Роосте поддерживала свое первоначальное предположеніе о томъ, что убійца былъ подкупленъ Теннисомъ Руммомъ, такъ какъ послѣдній занялъ будто бы у нея и у ея мужа 200 руб. и такимъ образомъ черезъ это убійство могъ избавиться отъ кредитора, однако существованіе этихъ долговыхъ отношеній между Руммомъ и Роосте не

---

[1]) «Ревельскія Извѣстія», 1899 года № 68.

только не нашло себѣ подтвержденія въ показаніи другихъ свидѣтелей, допрошенныхъ на судѣ, но даже отчасти было поколеблено позднѣйшими объясненіями самой Маріи Роосте, которая на судѣ давала сбивчивые и уклончивые отвѣты на предлагаемые ей вопросы. Между прочимъ, она объяснила, что объ этихъ денежныхъ счетахъ не было извѣстно никому, кромѣ нея, и не существовало никакихъ письменныхъ документовъ, а потому она думаетъ, что Тенисъ Руммъ подговорилъ Кярмана убить не только ея мужа, но и ее. Далѣе на вопросы о томъ, какъ и гдѣ она провела ночь послѣ убійства мужа, Марія Роосте объяснила, что въ 9 часовъ вечера 7-го сентября 1898 года она вмѣстѣ съ мужемъ шла въ Икскюльскій лѣсъ, чтобы встрѣтить на опушкѣ лѣса Тениса Румма, который будто бы пригласилъ ихъ туда для переговоровъ о заключеніи арендnаго контракта; вдругъ ихъ догналъ какой-то «неизвѣстный» ей мужчина съ двухстволь-нымъ ружьемъ за плечами и, пристально посмотрѣвъ на нихъ, быстро прицѣлился и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ ея мужа, который пошатнулся и свалился въ канаву, тянувшуюся вдоль дороги. Убійца послѣ этого быстро убѣжалъ въ лѣсъ, не сказавъ ни одного слова. Сама же она совершенно онѣмѣла и стояла нѣкоторое время, какъ потерянная; потомъ, придя въ себя, подошла къ мужу, раскрыла ему пиджакъ и, почувствовавъ на груди его теплую кровь, поняла, что онъ убитъ. Тутъ ею овладѣло безсильное тупое отчаяніе, которое лишило ее совершенно разсудка. Она не помнитъ, кричала ли о помощи, но кажется разъ окликнула одного проѣзжаго по дорогѣ, быстро скрывшагося и, вѣроятно, не разслышавшаго ея слабаго крика. Сѣвъ у головы мужа, она взяла его голову къ себѣ на колѣни и въ такомъ положеніи просидѣла въ лѣсу всю ночь, показавшуюся ей страшнѣе цѣлой вѣчности. Мысли ея путались, она ничего по временамъ не чувствовала, и только жгучая тоска объ утерѣ любимаго мужа отъ времени до времени возвращала ее къ дѣйствительности. Около 6 часовъ утра, когда разсвѣло, она пошла заявить волостному правленію о смерти мужа.

Эта потрясающая картина, нарисованная свидѣтельницей Роосте, не нашла, однако, себѣ полнаго подтвержденія въ другихъ данныхъ дѣла. Такъ, напр., никакихъ слѣдовъ крови у нея ни на рукахъ, ни на платьѣ обнаружено не было. Затѣмъ, хотя никто изъ свидѣтелей не могъ установить, что Марія Роосте дурно жила со своимъ мужемъ Яномъ Роосте, однако на судѣ выяснились такія обстоятельства и подробности изъ ея прошлой жизни, которыя значительно поколебали увѣренность въ существованіи съ ея стороны искренней и глубокой привязанности къ покойному Яну Роосте. Младшій помощникъ начальника Гапсальскаго уѣзда Бризинскій удостовѣрилъ, что первый мужъ Маріи Роосте, Кабалонъ, умеръ скоропостижно отъ судорогъ въ желудкѣ, также при весьма загадочныхъ обстоятельствахъ. Послѣ его смерти Марія Роосте два мѣсяца прожила въ усадьбѣ «Таутси» вмѣстѣ съ 25-лѣтнимъ Теннсомъ Руммомъ, который, однако, видимо сталъ тяготиться совмѣстной жизнью съ Маріей Роосте, которая была старше его на 25 лѣтъ; вскорѣ они разошлись; Руммъ женился на молодой крестьянской дѣвушкѣ, а 50-ти-лѣтняя Марія Роосте черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ смерти своего перваго мужа вышла замужъ за 27-лѣтняго Яна Роосте, котораго до того совершенно не знала. Однако, повидимому, и этимъ вторымъ мужемъ она была не особенно довольна, по крайней мѣрѣ, одной своей сосѣдкѣ отзывалась о второмъ мужѣ, какъ о «слишкомъ тихомъ» человѣкѣ; говоря же о первомъ своемъ мужѣ, она съ насмѣшкой назы-

вала его «старомоднымъ». Нѣкоторые свидѣтели удостовѣрили, что Марія Роосте считалась очень богатой женщиной, что кузнецъ Янъ Кярманъ неоднократно высказывалъ свою зависть по поводу того, что Роосте получилъ такую богатую жену, при чемъ свидѣтели слыхали даже, какъ однажды Кярманъ сказалъ, что не пропустилъ бы такого случая разбогатѣть, если бы Яну Роосте не удалось жениться на Маріи Кабалопъ.

Далѣе на судѣ было установлено, что кузнецъ Кярманъ все время жилъ въ той же волости, гдѣ и Роосте, былъ имъ обоимъ хорошо извѣстенъ и что въ показаніи Маріи Роосте, старавшейся первоначально увѣрить полицейскія власти, будто ея мужа застрѣлилъ какой-то «незнакомецъ», таится желаніе что-то скрыть.

Наконецъ, всѣ свидѣтели удостовѣрили, что Тенисъ Руммъ отличный хозяинъ, хорошій семьянинъ и что, если когда-либо онъ нуждался въ деньгахъ, то ему всегда представлялась возможность получить ихъ отъ своихъ родственниковъ. Наконецъ, цѣлымъ рядомъ свидѣтелей установлено, что Тенисъ Руммъ первый сообщилъ полиціи, что въ день убійства Яна Роосте онъ встрѣтилъ Кярмана, идущаго съ ружьемъ по дорогѣ въ Финкельскій лѣсъ. Такимъ образомъ, только по указанію Тениса Румма удалось напасть на вѣрный слѣдъ убійцы, который, будучи уличенъ въ принадлежности ему ружья, изъ котораго былъ застрѣленъ Роосте, сознался въ своемъ преступленіи, но при этомъ оговорилъ Тениса Румма, по всей вѣроятности изъ мести.

Товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе противъ обоихъ обвиняемыхъ.

Присяжный повѣренный Булацель просилъ объ оправданіи Румма.

Окружный судъ опредѣлилъ: Яна Кярмана лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, а *Тениса Румма считать по суду оправданнымъ*.

Дѣло о закрытіи завода [1].

Ревельскій домовладѣлецъ купецъ Карлъ Николаевичъ Мендъ предъявилъ къ акціонерному обществу Рихарда Майера искъ, прося судъ о закрытіи химическаго завода и о прекращеніи на оном работъ, мотивируя это требованіе тѣмъ, что заводъ Рихарда Майера выдѣляетъ непомѣрное количество дыма, представляетъ большую опасность въ пожарномъ отношеніи, такъ какъ на заводѣ уже было нѣсколько пожаровъ въ годъ, и докучаетъ сосѣдямъ невыносимыми испареніями, заражающими воздухъ зловоніемъ. Разсмотрѣвъ дѣло, ревельскій окружный судъ отказалъ въ искѣ, но по апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Менда, присяжнаго повѣреннаго Булацеля, дѣло перешло на разсмотрѣніе с.-петербургской судебной палаты, гдѣ между прочимъ возникъ очень интересный юридическій вопросъ о правѣ сосѣдей предъявлять искъ о закрытіи уже выстроеннаго и оборудованнаго завода. Въ засѣданіи судебной палаты присяжный повѣренный Булацель доказывалъ, что, въ силу 994 и 987 ст. ч. III св. мѣст. зак. губ. Приб., всякое заведеніе, докучающее сосѣдямъ дымомъ и дурными испареніями, не можетъ быть возводимо въ прибалтійскихъ городахъ безъ согласія ближайшихъ сосѣдей и что такое согласіе должно быть непремѣнно по 2,941 и 2,945 ст. ч. III св. мѣст. узакон. выражено въ положительной формѣ, а не въ видѣ молчанія, что въ законѣ не установлено особыхъ кратчайшихъ сроковъ для предъявленія иска, предусмотрѣннаго статьею 987 ч. III св. мѣстн. узак., а поэтому по общему правилу, выраженному въ ст. 3,618 и 3,620 ч. III св. мѣстн. узак., требованіе о закрытіи завода можетъ быть предъявлено въ теченіе десятилѣтняго срока. Къ тому же пока заведенія еще не выстроены и не пущены въ ходъ, до тѣхъ поръ не представляется возможнымъ безошибочно судить о степени ихъ опасности и стѣснительности, ибо въ зависимости отъ различныхъ техническихъ приспособленій и усовершенствованій возможно въ значительной степени ослабить вредныя свойства завода; поэтому представляется совершенно ошибочнымъ мнѣніе ревельскаго окружнаго суда, будто судебнымъ порядкомъ просить о закрытіи завода сосѣди имѣютъ право только до тѣхъ поръ, пока заводъ еще не готовъ. Рихардъ Майеръ не только безъ согласія со-

[1] «Новое Время» 7 февр. 1900 г. № 8602.

сѣдей, но даже безъ надлежащаго разрѣшенія высшей губернской власти успѣлъ въ короткое время понастроить заводы для выдѣлки сѣрной кислоты, колодіума, эфира, свинцовыхъ бѣлилъ и т. п.; а между тѣмъ, согласно 97 ст. город. полож. 1870 года, такіе заводы не могутъ быть устраиваемы иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора по соглашенію съ министромъ финансовъ. Заводъ для выдѣлки бѣлилъ относится къ числу такихъ «вредоносныхъ заведеній», которыя, согласно § 16 закона 22-го сентября 1833 г. (полное собр. зак. № 6431), ни подъ какимъ видомъ не разрѣшено устраивать въ С.-Петербургѣ. Однако Рихардъ Майеръ въ Ревелѣ дозволилъ себѣ въ 1898 году самовольно, безъ разрѣшенія губернатора устроить заводъ для выдѣлки бѣлилъ и при этомъ нынѣ силится доказать, что разъ заводъ уже оконченъ, то искъ о его закрытіи представляется запоздалымъ. Однако такой способъ защиты нельзя признать убѣдительнымъ, ибо онъ сводится къ странному предположенію, будто самъ по себѣ тотъ фактъ, что заводчикъ успѣлъ не только начать, но и довести до конца свои правонарушающія дѣйствія, санкціонируетъ совершенное имъ правонарушеніе и изъ проступка превращаетъ его чуть ли не въ подвигъ. Какъ бы сильно ни было заинтересовано правительство въ поощреніи заводской промышленности, тѣмъ не менѣе общее благо требуетъ, чтобы жизнь большинства людей не укорачивалась, не подвергалась безпокойствіямъ и стѣсненіямъ, чтобы здоровье и душевное спокойствіе не терпѣли слишкомъ много отъ непріятнаго сосѣдства все болѣе и болѣе развивающихся промышленныхъ предпріятій. Было бы крайне опасно для идеи справедливости, если бы судьи дали себя увлечь такими доводами, какъ доводъ, что «разъ заводъ уже построенъ, то, не взирая на всю его вредоносность, судебныя рѣшенія должны освящать его неприкосновенность», такъ какъ закрытіе завода можетъ причинить ущербъ предпріимчивому промышленнику. Если бы высшія судебныя инстанціи не были въ правѣ отмѣнять злоупотребленій заводчиковъ и промышленниковъ, то все народонаселеніе русскихъ городовъ отъ этого ничего бы не выиграло, а интересы мирныхъ гражданъ сильно пострадали бы вслѣдствіе ложнаго пониманія идеи свободы промышленности. По всѣмъ этимъ соображеніямъ присяжный повѣренный Булацель просилъ закрыть заводъ Майера. Судебная палата въ засѣданіи 4-го февраля 1900 года опредѣлила: рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить и химическій заводъ Рихарда Майера, расположенный между Балтійско-Портской и Фальцпарской улицами, закрыть, прекративъ на немъ работы, и взыскать съ отвѣтчика судебныя за веденіе дѣла издержки.

Дѣло царскосельскаго купца церковнаго старосты Ивана Григорьевича Кучумова.

Мѣщанинъ Яковъ Заруховъ Пушкинъ привлекъ къ отвѣтственности церковнаго старосту церкви, находящейся при Царскосельскомъ госпиталѣ, мѣщанина Ивана Григорьева Кучумова за самоуправство, выразившееся, по объясненію обвинителя, въ томъ, что онъ не допустилъ его присутствовать при «обрядѣ вѣнчанія» Грошева съ Голубевой, несмотря на имѣвшійся у него пригласительный билетъ, при чемъ загородилъ входъ въ двери и объявилъ, что не впуститъ его въ церковь, такъ какъ онъ—іудейскаго вѣроисповѣданія. При разсмотрѣніи дѣла городскимъ судьею обвиняемый Кучумовъ призналъ фактъ недопущенія Пушкина въ церковь на таинство вѣнчанія, при чемъ объяснилъ, что недопущеніе это вызвано тѣмъ, что 1) Пушкинъ—іудей, и 2) что на конвертѣ пригласительнаго билета, предъявленнаго имъ, значилось отчество «Захаровичъ», между тѣмъ какъ Пушкинъ—Яковъ Заруховичъ. Городскимъ судьею были допущены свидѣтели Дмитріевъ и Бараковъ, изъ показаній которыхъ видно, что единственными мотивами недопущенія Кучумовымъ Пушкина въ церковь было то, что онъ іудейскаго вѣроисповѣданія, что Кучумовъ самъ говорилъ свидѣтелямъ, что по его глубокому убѣжденію евреевъ въ православную церковь пускать не слѣдуетъ. Городской судья города Царскаго Села, считая фактъ самоуправства доказаннымъ и примѣняя къ дѣлу I п. 13 ст. уст. о нак. приговорилъ Кучумова по 142 ст. уст. о нак. къ аресту на двѣ недѣли. На этотъ приговоръ повѣренными обѣихъ сторонъ были поданы апелляціонные отзывы, въ которыхъ повѣренный обвинителя помощникъ присяжнаго повѣреннаго Добрускесъ, не находя основаній для примѣненія 13 ст. уст. о нак., просилъ наказаніе, наложенное городскимъ судьею на Кучумова, *увеличить*, а повѣренный Кучумова помощникъ присяжнаго повѣреннаго Гурьевъ, не находя въ поступкѣ Кучумова самоуправства, просилъ его довѣрителя оправдать. Въ засѣданіи съѣзда были допрошены по ссылкѣ сторонъ, подъ присягою, свидѣтели Курчавинъ, Грошевъ и Самойловъ, изъ которыхъ первые двое удостовѣрили, что Кучумову было поручено женихомъ Грошевымъ не впускать въ церковь много публики, а впускать лишь родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Свидѣтель же Самойловъ удостовѣрилъ, что когда онъ входилъ въ церковь, то увидѣлъ спускавшагося по лѣстницѣ

Пушкина, который на его вопросъ, почему онъ уходитъ, сказалъ, что его не впустилъ въ церковь староста Кучумовъ; тогда онъ, свидѣтель, желая выяснить дѣло и удостовѣрить личность Пушкина, обратился къ Кучумову съ просьбой пропустить Пушкина въ церковь, но Кучумовъ отвѣтилъ ему, что не впуститъ Пушкина, такъ какъ онъ еврей.

Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣла по существу, царскосельскій уѣздный съѣздъ нашелъ, что фактъ недопущенія Кучумовымъ Пушкина въ церковь 4-го іюля на вѣнчаніе Грошева съ Голубевой не является предметомъ спора сторонъ, при чемъ повѣренный обвиняемаго пом. прис. пов. Гурьевъ объясняетъ все «недоразумѣніемъ», отрицая то обстоятельство, что причиной недопущенія Пушкина въ церковь было «глубокое убѣжденіе» Кучумова въ томъ, что Пушкинъ не могъ быть допущенъ въ церковь, какъ лицо іудейскаго вѣроисповѣданія. Не усматривая также признаковъ самоуправства въ поступкѣ Кучумова, дѣйствовавшаго по порученію жениха Грошева, помощникъ присяжнаго повѣреннаго Гурьевъ объясняетъ, что Кучумовъ никакого насилія ни нравственнаго, ни физическаго надъ Пушкинымъ не совершалъ. Царскосельскій уѣздный съѣздъ, *сообразивъ* «всѣ обстоятельства дѣла», нашелъ, что подъ понятіе самоуправства, какъ проступка, предусмотрѣннаго ст. 142 уст. о нак., должны быть отнесены, какъ это разъяснилъ Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ № 444 — 1874 года № 608 — 1874 года, № 316 — 1875 года и др., *самовольныя* дѣйствія даннаго лица, клонящіяся къ осуществленію его дѣйствительнаго или воображаемаго права вопреки ясно выраженной воли лица потерпѣвшаго. Отсюда ясно, что прямое физическое или психическое насиліе не является непремѣннымъ спутникомъ самоуправствъ. Обстоятельства настоящаго дѣла, выразившіяся въ объясненіяхъ сторонъ и показаніяхъ свидѣтелей, даютъ слѣдующую картину происшествія.

Пушкинъ, явившись въ госпитальную церковь на вѣнчаніе Грошева съ Голубевой, предъявилъ пригласительный билетъ стоявшему у входа въ церковь Кучумову, съ очевиднымъ желаніемъ пройти въ церковь; но послѣдній воспрепятствовалъ ему войти въ церковь, заявивъ, что не впускаетъ его въ церковь, какъ іудея. Эту причину недопущенія Пушкина въ церковь Кучумовъ выставилъ въ свое оправданіе при разсмотрѣніи дѣла у городского судьи; объясненіе его въ этомъ отношеніи подтвердили свидѣтели Дмитріевъ, Бараковъ и Самойловъ, слышавшіе такое «глубокое убѣжденіе» Кучумова о недопущеніи еврея въ церковь лично отъ него самого. Второю причиною недопущенія Пушкина въ церковь, по объясненію Кучумова, является неправильность отчества Пушкина, обозначеннаго въ пригласительномъ билетѣ, гдѣ онъ названъ Захаровичемъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ «Заруховичъ». Но это объясненіе опровергается показаніемъ свидѣтеля Дмитріева, удостовѣрившаго, что Кучумовъ хорошо зналъ Пушкина и что ошибка въ его отчествѣ не могла возбудить въ Кучумовѣ сомнѣнія въ личности Пушкина. Въ апелляціонной жалобѣ повѣренный Кучумова кромѣ того объяснилъ, что Кучумовъ, какъ церковный староста, могъ не допустить Пушкина въ церковь въ силу 22 и 10 инструкціи для церковныхъ старостъ въ виду переполненія церкви публикой. Царскосельскій уѣздный съѣздъ нашелъ, что обстоятельства настоящаго дѣла, выясненныя на судѣ, даютъ полный составъ самоуправнаго дѣйствія со стороны Кучумова, такъ какъ онъ, вопреки ясно выраженной воли Пушкина путемъ предъявленія пригласительнаго билета и желанія войти въ госпи-

тальную церковь во время «обряда» вѣнчанія Голубевой съ Грошевымъ, воспрепятствовалъ этому, основываясь на томъ, что «по его глубокому убѣжденію» іудеевъ въ церковь впускать не слѣдуетъ; дѣйствуя такимъ образомъ, Кучумовъ дѣйствовалъ самоуправно, осуществляя произвольно свое «глубокое убѣжденіе». Вслѣдствіе всего этого царскосельскій уѣздный съѣздъ, «*раздѣляя соображенія городского судьи о крайнемъ невѣжествѣ Кучумова*», *вообразившаго*, что онъ можетъ урѣзывать право православной церкви «*на всенародное исповѣдываніе*», приговорилъ: приговоръ городского судьи утвердить. На этотъ приговоръ Кучумовъ подалъ кассаціонную жалобу въ губернское присутствіе, поручивъ веденіе своего дѣла присяжному повѣренному П. Ѳ. Булацелю, который, явившись въ засѣданіе, произнесъ слѣдующую рѣчь.

Рѣчь прис. пов. П. Ѳ. Булацеля.

Гг. судьи.

Являясь защитникомъ Ивана Григорьевича Кучумова, я вынужденъ сказать горькую правду по адресу тѣхъ, которые не только осудили его, но и при этомъ еще позволили себѣ назвать «крайнимъ невѣждою». Изъ моей рѣчи и изъ тѣхъ церковныхъ правилъ, каноновъ и законовъ, на которые я ссылаюсь, видно, къ кому болѣе примѣнимъ упрекъ въ крайнемъ невѣжествѣ.

Въ дѣяніи церковнаго старосты Кучумова, не допустившаго іудея Шункина въ православную церковь во время совершенія таинства бракосочетанія, усмотрѣть самоуправство могли только такіе юристы, которые совершенно не знакомы съ каноническими законами православной церкви. Царскосельскій уѣздный съѣздъ счелъ возможнымъ и «приличнымъ въ своемъ приговорѣ оскорблять церковнаго старосту Кучумова, заявляя, что «раздѣляетъ соображенія городского судьи о крайнемъ невѣжествѣ Кучумова, вообразившаго, что онъ можетъ *урѣзывать* право православной церкви на всенародное исповѣдываніе»... Однако, оказывается, что самъ городской судья и царскосельскій уѣздный съѣздъ вообразили себѣ, что «могутъ урѣзывать» права и обязанности церковнаго старосты Кучумова, лежащія на немъ въ силу церковныхъ каноновъ и правилъ Святой Соборной Апостольской церкви, запрещающей церковному старостѣ допускать «еретиковъ, идолопоклонниковъ и жидовиновъ къ присутствованію во время совершенія таинствъ». Чѣмъ объяснить такое крайнее незнаніе церковнаго права царскосельскими судьями? Во всякомъ случаѣ люди, говорящіе «о крайнемъ невѣжествѣ» Кучумова, должны были бы сами имѣть побольше познаній! Царскосельскій съѣздъ называетъ бракъ «обрядомъ», но, по ученію православной христіанской церкви, бракъ есть таинство, а не простой церковный обрядъ, а потому присутствовать при совершеніи брака въ церкви не могутъ іудеи.

На основаніи правила 8, постановленнаго на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ, «воспрещается іудеямъ стоять въ церкви Христовой безъ отреченія отъ еврейства», и лишь только на литургіи оглашенныхъ могутъ присутствовать тѣ еретики, которые уже поучаются православной вѣрѣ и заявили желаніе принять христіанство. Девятое правило Лаодикійскаго собора постановляетъ, что отъ лица іудейскаго исповѣданія «не могутъ быть

приняты жалобы и свидѣтельства противъ клира». Не могутъ присутствовать въ православной церкви во время совершенія таинства бракосочетанія даже нерадивые, а тѣмъ болѣе іудеи» (см. правило 97 шестого Вселенскаго собора). Карѳагенскій соборъ въ правилѣ 144 постановилъ «не принимать жалобъ отъ еретиковъ и іудеевъ на клиръ».

Для законнаго понятія уголовно наказуемаго самоуправства, согласно разъясненіямъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, необходимо, чтобы дѣйствія обвиняемаго, во-первыхъ, были предприняты помимо установленныхъ властей или съ нарушеніемъ законнаго порядка и, во-вторыхъ, чтобы они были соединены съ нарушеніемъ права другого лица, фактически обладавшаго этимъ правомъ. Дѣйствія же церковнаго старосты Кучумова, не впустившаго въ православную церковь іудея Якова Зарухова Пупкина, не были предприняты помимо какихъ-либо установленныхъ властей, ибо законъ не устанавливаетъ никакихъ другихъ властей для наблюденія за благочиніемъ и порядкомъ въ церкви во время церковной службы, кромѣ власти церковнаго старосты и священника—отца настоятеля церкви. Когда въ судѣ предсѣдатель суда дѣлаетъ распоряженіе о недопущеніи въ залу суда постороннихъ лицъ или дѣлаетъ распоряженіе даже о выводѣ изъ залы суда людей, нарушающихъ порядокъ, то предсѣдатель за это не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за самоуправство, такъ какъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ закономъ. То же самое и въ данномъ случаѣ: церковному старостѣ предоставляется по церковнымъ законамъ не только охранять благочиніе въ церкви, но даже возлагается на него обязанность, въ силу 45 и 65 правилъ Святыхъ Апостоловъ, «*слѣдить за тѣмъ, чтобы еретики не присутствовали при совершеніи таинствъ православной церкви*». Если нѣкоторые церковные старосты этой обязанности не соблюдаютъ и если теперь даже нѣкоторые сановники, ослѣпленные блескомъ еврейскаго золота, приглашаютъ сіонскихъ банкировъ на свадьбы своихъ дочерей, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что каноническія правила отмѣнены и что Кучумовъ обязанъ пропускать іудея въ православную церковь. Заградивъ входъ въ православную церковь іудею Пупкину, церковный староста Кучумовъ не нарушилъ никакихъ правъ Пупкина, ибо Пупкинъ не обладаетъ правомъ на входъ въ церковь, несмотря на предъявленный билетъ, тѣмъ болѣе, что билетъ значился на имя Якова Захаровича Пупкина, т. е. билетъ значился выданнымъ лицу съ христіанскимъ именемъ и отчествомъ, тогда какъ предъявитель билета, хорошо извѣстный Кучумову, былъ іудей Яковъ Заруховичъ Пупкинъ, не имѣющій права, по церковнымъ законамъ, присутствовать при совершеніи православнаго таинства. Церковный староста обязанъ прежде всего соблюдать церковные законы, а никакъ не заботиться о томъ, чтобы угождать іудеямъ, не вѣрующимъ въ Іисуса Христа Сына Божьяго. Правила же 45 и 65 Св. Апостоловъ гласятъ: «пресвитеръ или діаконъ, молившійся съ еретиками токмо, да будетъ отлученъ».

Если Пупкинъ приметъ православіе и сдѣлается убѣжденнымъ христіаниномъ, то Кучумовъ первый этому будетъ радоваться, но пока Пупкинъ іудей, до тѣхъ поръ его въ церковь не пуститъ.

По всѣмъ этимъ основаніямъ, за отсутствіемъ состава самоуправства въ дѣяніяхъ церковнаго старосты Кучумова, исполнявшаго лишь прямое законное велѣніе шестого правила Лаодикійскаго вселенскаго собора: «не допускати еретиковъ, коснѣющихъ въ ереси, входить въ домъ Божій»,

прошу неправильный приговоръ царскосельскаго уѣзднаго съѣзда отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ съѣзда или же все производство прекратить на основаніи 1 ст. уст. угол. суд. и 142 ст. мир. уст., за отсутствіемъ въ дѣяніи церковнаго старосты Кучумова, не допустившаго «іудея» къ присутствію на таинствѣ православной церкви, состава проступка, караемаго уголовными законами.

Если бы Кучумовъ позволилъ бы себѣ глумиться надъ вѣрою Пушкина или вообще имѣлъ бы намѣреніе оскорбить, обидѣть іудея Пушкина, я бы никогда не сталъ защищать Кучумова. Но Кучумовъ не имѣлъ намѣренія оскорблять Пушкина, Кучумовъ никогда не посягалъ на «всенародное исповѣданіе» православной церкви, но онъ отлично понималъ, что когда іудей приходитъ въ церковь поглядѣть на совершеніе таинства брака по обряду православной церкви, онъ отъ этого не становится исповѣдникомъ православія... Вселенскіе соборы и каноны церкви признавали всегда, что православіе должно быть исповѣдываемо *всенародно*, но никогда не разрѣшали присутствіе при совершеніи таинствъ такимъ невѣрнымъ и язычникамъ, которые еще не заявили о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви. Кучумовъ, соблюдая правила церкви, ни въ чемъ не провинился передъ Пушкинымъ, и поэтому я прошу оправдать Ивана Григорьевича Кучумова, прекративъ все дѣло за отсутствіемъ состава преступленія.

Петербургское губернское присутствіе опредѣлило: приговоръ отмѣнить и все дѣло о Кучумовѣ прекратить на всегда.

Къ пятидесятилѣтнему юбилею освобожденія крестьянъ.

Рѣчь П. Ѳ. Булацеля [1]).

(Въ Александровскомъ залѣ петербургской городской думы).

День 19 февраля—это день русскаго народа, это день трогательнаго, безпримѣрнаго въ Европѣ единенія народа съ Верховной Властью. 19 февраля 1861 года крестьяне и дворяне вмѣстѣ съ Самодержавнымъ Повелителемъ Россіи явили всему міру величіе русскаго духа во всей его чудной красѣ.

Изумленная Европа, ждавшая бунтовъ и кровавыхъ потрясеній, съ ужасомъ познала, что *непобѣдимъ русскій Православный Царь, когда онъ свою силу черпаетъ въ сознаніи своего долга передъ роднымъ русскимъ народомъ*. (Рукоплесканія).

Простой русскій народъ умѣетъ быть благодаренъ, онъ не похожъ на тѣхъ либеральныхъ интеллигентовъ, которые за всѣ милости и за всякое добро платятъ зломъ, местью, клеветою, заговорами и крамолою.

Завистливая революціонная интеллигенція хочетъ присвоить себѣ даже славу Царя Самодержца, освободившаго народъ отъ крѣпостной зависимости. Революціонеры, всю жизнь преслѣдовавшіе и въ концѣ концовъ предавшіе Царя Александра II мученической смерти, хотятъ увѣрить, будто народъ обязанъ освобожденіемъ своимъ не волѣ Самодержавнаго Царя, не великодушному послушанію дворянъ, а исключительно революціоннымъ потугамъ интеллигентныхъ разночинцевъ. Между тѣмъ 19 февраля 1861 года революціонеры ничего не дали Россіи, а черезъ сорокъ пять лѣтъ залили кровью нашу родину, освѣтили ее герценштейновскими, милюковскими иллюминаціями, забросали клеветою всѣхъ тѣхъ, кто мѣшаетъ масонской интригѣ. Свободу теперешніе прогрессисты превратили въ хулиганство и создали такое сѣренькое, безотрадное существованіе, что самоубійства и «скоропостижныя смерти» сдѣлались повальною болѣзнью.

50 лѣтъ тому назадъ 19 февраля было днемъ истиннаго праздника свѣтлой свободы въ яркомъ освѣщеніи солнечнаго дня. Тогда свершилось сразу, по мѣткому выраженію князя В. П. Мещерскаго, три великихъ подвига:

«Царь Самодержецъ далъ свободу крестьянамъ, дворяне дали крестьянамъ землю, а крестьяне дали порядокъ».

---

[1]) 20 февр. 1911 года.

Исторія воздастъ каждому по заслугамъ.

Она скажетъ нашимъ потомкамъ, что время, когда праздновалось 50-лѣтіе со дня освобожденія крестьянъ, совпало съ временемъ скорбнаго забвенія русскихъ идеаловъ на верхахъ государственной лѣстницы.

Исторія заклеймитъ имена безумцевъ, которые стремятся обезличить русскій народъ, растоптать его вѣковыя преданія, ниспровергнутъ его алтари и распродать иностраннымъ гостямъ сокровища русскаго духа и русской земли... (Рукоплесканія).

Отреченіе апостола Петра все еще находитъ себѣ подражателей среди русскихъ саповниковъ, считающихъ, что отреченіе отъ завѣтныхъ преданій и вѣроисповѣданій служитъ показателемъ зрѣлости государственныхъ людей «новой эры».

Но, къ счастью, исторія доказываетъ, что внизу народъ тѣмъ бережнѣе хранитъ свои родныя вѣрованія, чѣмъ легкомысленнѣе, чѣмъ безтактнѣе ихъ попираютъ на верхахъ. (Продолжительныя рукоплесканія).

Вотъ почему всѣ буддійскія капища, всѣ еврейскіе ремесленные съѣзды, отдача нашихъ туркестанскихъ земель американскимъ капиталистамъ, торжественный балъ у японскаго посланника въ седьмую годовщину разгрома русскаго флота, балъ, на которомъ веселились нѣкоторые русскіе министры, наконецъ, муки и гоненія, претерпѣваемыя подвижниками православной церкви; преслѣдованіе іеромонаха Піодора въ то время, когда другъ «прогрессивнаго старообрядца» Харузина англо-чухонскій масонъ Фетлеръ свободно въ Тенишевскомъ залѣ совращаетъ въ баптизмъ бѣдныхъ швекъ и кухарокъ—все это еще не предрекаетъ гибели Русскаго государства, а *неизбѣжно заставитъ русскихъ людей тѣснѣе сплотиться въ одну семью на защиту родныхъ святынь.*

Пусть же въ день пятидесятилѣтія освобожденія волею Царя 23 милліоновъ крестьянъ не каркаютъ зловѣщіе прогрессивные вороны, пусть не совращаютъ народъ съ историческаго пути. Россія еще жива. Россія не умретъ!.. (Бурныя рукоплесканія).

Пусть государственная арфа надломлена—аккорды русской славы еще звучатъ старыми орловскими, суворовскими, багратіоновскими и кутузовскими побѣдными гимнами...

Призывный кличъ объединенія растетъ и ширится по всему необъятному простору Русской Земли...

Безчисленные отдѣлы Союза Русскаго Народа, Народный Союзъ Архангела Михаила, старѣйшая монархическая организація—Русское Собраніе, желѣзнодорожные союзы Русскаго Народа—объединили уже православныхъ людей. И если въ часъ послѣдней битвы вамъ, потомкамъ освобожденныхъ Самодержавнымъ Царемъ крестьянъ, суждено, какъ воинамъ, подняться на бой съ врагами родины, вѣрьте: старшіе братья—дворяне, лучшіе по крайней мѣрѣ изъ нихъ, будутъ рядомъ съ вами. Забудемъ дрязги, мелкіе укоры самолюбія; прочь мѣстничество и горделивое мечтанье, и будемъ брать примѣръ съ простого русскаго народа, который тепло и свято сумѣлъ въ преданіи сохранить, какъ люди въ старину, даже при крѣпостномъ правѣ, когда-то умѣли вѣрить и любить.

А мы, какъ просвѣщенные воспитаніемъ и наукою старшіе сыновья одной русской семьи, будемъ помнить слова Спасителя: «кому больше дано,

съ того и взыщется больше». И въ благодарность за все, что намъ дала исторія, за все, что намъ дала родина и простой народъ, который работалъ на нашихъ предковъ, будемъ же стараться сіяніемъ истины слѣпить глаза политическому разврату; ничтожество и лукавую зависть передовыхъ людей будемъ сурово озарять. И сквозь позоръ нашихъ дней, когда идетъ повальное оплевываніе русскихъ историческихъ основъ, страдающему меньшему брату постараемтесь могучій русскій откликъ свой торжественно подать! Пожелаемъ отъ всей души, чтобы по Божьей милости жило русское православное крестьянство и улучшалось бы, богатѣло и здоровѣло на счастье себѣ, на славу родинѣ, на утѣшеніе ничѣмъ не ограниченнымъ Самодержавнымъ Царямъ, на долгія, многія, безконечныя лѣта!.. (Продолжительныя рукоплесканія).

Отрывки изъ боевыхъ статей П. Ѳ. Булацеля, напечатанныхъ въ 1909 году въ правыхъ газетахъ.

Равнодушнымъ... [1])

Какъ безучастно, какъ безсердечно равнодушны петербургскіе сановники къ участи вѣрныхъ слугъ Родины, погибшихъ отъ краснаго террора, видно изъ того, что даже ужасная гибель доктора Гредингера не произвела на нихъ впечатлѣнія, и они вскорѣ о ней забыли. Не только нигдѣ въ офиціальныхъ газетныхъ отчетахъ не было сообщено о душу раздирающемъ злодѣйствѣ, жертвою котораго палъ докторъ Гредингеръ, но даже въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ директоръ департамента общихъ дѣлъ г. Арбузовъ проявилъ поразительную небрежность при составленіи доклада о назначеніи пенсіи вдовѣ и дѣтямъ убитаго Гредингера, а именно «забылъ» упомянуть, что инспекторъ врачебной управы докторъ Гредингеръ былъ убитъ. Прямымъ послѣдствіемъ такой небрежности Арбузова явилось то, что ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни его многочисленные товарищи ничего не знаютъ объ убійствѣ доктора Гредингера. И когда товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода г. Роговичъ заявилъ, что докторъ Гредингеръ «не просто умеръ», а «звѣрски убитъ» революціонерами при исполненіи своего долга, то министръ финансовъ Коковцовъ и тов. министра внутреннихъ дѣлъ Морозовъ возразили, что имъ «ничего неизвѣстно» объ этомъ убійствѣ! Какъ странно, какъ жестоко, небрежно звучитъ это «ничего неизвѣстно»! О заманенномъ въ ловушку и звѣрски разстрѣлянномъ докторѣ Гредингерѣ, родномъ братѣ выдающагося юриста сенатора Ф. О. Гредингера, «ничего не знаютъ»!!. Да стоитъ ли въ самомъ дѣлѣ такимъ пустякомъ тревожить вниманіе, умъ и сердце ихъ высокопревосходительствъ! То ли дѣло, если бы генералъ Гершельманъ или генералъ Толмачевъ чѣмъ-нибудь стѣснили свободу Кизеветтера, Шубинскаго, Милюкова или Гучкова пріобрѣтать для своихъ частныхъ библіотекъ безнравственныя книги! Вотъ если бы кто-нибудь помѣшалъ Милюкову или Стаховичу спокойно *въ опредѣленное время откушать обѣдъ*, тогда это было бы возмутительно! И тогда ни о какомъ «успокоеніи» Россіи говорить нельзя было бы. Но когда всего только мѣшаютъ «прожить опредѣленное

[1]) «Русское Знамя» № 14 за 1909 г.

время» человѣку, еще не дослужившемуся до чина тайнаго совѣтника и къ тому же служившему гдѣ-то въ провинціи, то, конечно, такими пустяками г. Морозовъ, Крыжановскій, Арбузовъ и пр. не интересуются, и ни «освѣдомительное бюро», ни «собственная освѣдомленность» министровъ не подсказываютъ «санктъ-петербургскимъ высокимъ чиновникамъ», что *смертъ отъ руки злодѣевъ должна была бы налагать особую печать ненарушимаго благоговѣнія къ памяти мучениковъ за Родину и за Царское Самодержавіе!*

Отвѣтъ моимъ клеветникамъ [1]).

Огромное количество русскихъ мучениковъ за патріотическія убѣжденія доказываетъ, что въ настоящее время, кромѣ установленнаго закономъ правительства, у насъ существуетъ какое-то тайное сверхъ-правительство, бороться съ которымъ не могутъ или не хотятъ теперешніе офиціальные представители законной власти, хвалившейся два года тому назадъ, что ее ничѣмъ «не запугаютъ»...

Жидовская печать становится съ каждымъ днемъ все нахальнѣе, все наглѣе и такъ запугала «неустрашимыхъ», что они стали глухи къ *русскому* общественному мнѣнію и *къ голосу русскаго народа;* оглохнувъ на правое ухо, они стали безпрекословно исполнять все то, что имъ жужжатъ въ лѣвое ухо враги русскаго народа. Такое состояніе, конечно, не можетъ долго продолжаться. *Я предсказывалъ и теперь опять повторяю свое предсказаніе, что негодованіе русскихъ людей въ концѣ концовъ смететъ предателей отчизны.* Но развѣ такое предсказаніе уже равносильно организаціи политическихъ убійствъ? Вѣдь послѣ этого Владиміра Соловьева, предсказавшаго японскую войну, надо обвинять въ организаціи японскаго нападенія на портъ-артурскую эскадру; а Достоевскаго, предсказывавшаго, что «жиды погубятъ Россію», надо обвинять въ томъ, что онъ организовалъ еврейскій бунтъ.

Я никогда не прятался, когда въ публичныхъ собраніяхъ и въ статьяхъ моихъ за полною моею подписью выступалъ съ безпощаднымъ осужденіемъ политики всесильнаго Столыпина. Дожить до того дня, когда нынѣшніе конституціоналисты-космополиты будутъ съ ужасомъ вспоминать о своихъ «заблужденіяхъ», было бы величайшимъ для меня счастьемъ... Когда я вспоминаю, какъ боялись и уважали императора Александра III всѣ враги Россіи — мое сердце преисполняется умиленія. Я скорблю, болѣзненно мучаюсь, видя, что теперь какое-то скопище масоновъ заставляетъ раболѣпно предъ собою преклоняться тѣхъ самыхъ чиновниковъ, которые пятнадцать лѣтъ тому назадъ безпрекословно подчинялись только волѣ Русскаго Государя. Я ненавижу всею душою торжество масоновъ. *Я глубоко убѣжденъ, что конституціонно-парламентскій строй неизбѣжно погубитъ Русское государство и приведетъ къ всемірному краху христіанской цивилизаціи.* И вотъ за то, что *это* мое убѣжденіе я высказывалъ открыто, страстно и порою даже вдохновенно, меня теперь преслѣдуютъ наемные клеветники. Когда годъ тому назадъ

---

[1]) «Русское Знамя» 26 мая 1909 года № 114.

вышла моя книга «Борьба за правду», одинъ очень высокопоставленный сановникъ сказалъ мнѣ: «удивляюсь, что Столыпинъ за ваши статьи не сослалъ васъ въ Вологодскую губернію, но впрочемъ онъ вамъ еще отомститъ ... Нѣсколько дней тому назадъ, будучи въ Вѣнѣ, я наткнулся въ заграничныхъ газетахъ на сообщеніе изъ Петербурга о томъ, что «процессъ Герценштейна принялъ такой оборотъ въ финляндскомъ судѣ, что наконецъ Столыпину удастся *сломить* Союзъ Русскаго Народа, противъ главарей котораго онъ *тщетно* борется уже два года».

Въ этомъ сообщеніи все безподобно: и «тщетная борьба», и стремленіе во что бы то ни стало сломить монархическія организаціи въ монархическомъ государствѣ...

По справедливости нельзя возмущаться тѣмъ, что Грузенбергъ, Випаверъ и Веберъ *борются* противъ главарей Союза Русскаго Народа, являющагося въ настоящее время сильнѣйшею организаціею, мѣшающей окончательному торжеству жидовства. Молодой смѣлый еврей Веберъ и прячущіеся за его спиной менѣе храбрые столпы жидовскаго краснорѣчія Випаверъ и Грузенбергъ отстаиваютъ интересы *своего* еврейскаго народа, *и за это бросать въ нихъ камнемъ нельзя.* Но тѣ русскіе сановники, которые даютъ имъ возможность во славу іудейства мучить русскихъ патріотовъ — достойны всяческаго презрѣнія... Какъ бы ни были огромны денежныя средства, затраченныя масонскимъ кагаломъ на герценштейновское дѣло, все же русское правительство и русское правосудіе должны умѣть различать фальшивые кредитные билеты отъ настоящихъ.

Неужели же нельзя *лжесвидѣтелей* отличить отъ правдивыхъ свидѣтелей? Конечно, при сильномъ желаніи это можно. Но бываютъ въ жизни государствъ такія мрачныя времена, когда лжесвидѣтели и разные Гапоны, Азефы, Прусаковы пользуются особымъ покровительствомъ со стороны бюрократіи.

Душно, тяжело дышать въ тискахъ современной безчестной политической атмосферы. Какъ падшія женщины отдаются тому, кто хорошо платитъ за ихъ тѣло, такъ конституціонные министры отдаютъ свою душу и совѣсть той партіи, которая обладаетъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ и встрѣчаетъ ихъ рукоплесканіями, когда они поднимаются на парламентскую трибуну.

Какая жалкая, какая недостойная форма правленія, при которой ариѳметическій, безсмысленный подсчетъ голосовъ считается выразителемъ народной воли, и голосъ нѣсколькихъ тупицъ даетъ иногда перевѣсъ мнѣніямъ самымъ безразсуднымъ и зловреднымъ для страны! До какой степени игра въ конституцію портитъ всю правительственную машину и дѣлаетъ безсердечными даже повидимому порядочныхъ людей, можно видѣть теперь на каждомъ шагу.

Лицемѣріе, трусость, обманы, подлоги, подкупы, публичная болтовня, месть и подхалимство—вотъ на чемъ зиждется въ Австро-Венгріи, въ Италіи и Франціи конституціонный масонскій строй. Неужели русскому народу нуженъ такой строй? Говорятъ, что раньше былъ произволъ. *Но развѣ теперь произволъ сталъ меньше?* Несмотря на народное представительство, не взирая на воплп русскаго народа, несмотря на то, что многіе министры называютъ себя «національстами», все-таки мошенники всюду пролѣзаютъ и уже предписываютъ свои законы министрамъ Самодержавнаго Государя...

Это ли не униженіе, это ли не позоръ для Русской Имперіи?!.

Безнаказанность лѣвыхъ газетъ [1]).

Сегодня я внесъ въ казначейство три тысячи рублей штрафа, наложеннаго петербургскимъ градоначальникомъ на редактора газеты «Русское Знамя» А. И. Дубровина за мою статью «Цѣна русской жизни и жидовской крови», а вмѣстѣ съ тѣмъ я, на основаніи 1316 ст. уст. гр. суд., предъявилъ въ соединенное присутствіе гражданскаго кассаціоннаго и перваго департамента Сената по довѣренности А. И. Дубровина искъ въ суммѣ 3,000 руб. къ министру внутреннихъ дѣлъ Столыпину и къ градоначальнику Драчевскому объ убыткахъ, причиненныхъ «неправомѣрнымъ и неосмотрительнымъ примѣненіемъ обязательнаго постановленія отъ 2 іюня 1907 года къ редактору «Русскаго Знамени».

Не легко, конечно, мнѣ вносить огромный штрафъ въ три тысячи руб. за статьи, которыя я пишу безвозмездно, ибо съ 1907 года по 1909 г. за сотрудничество въ «Русскомъ Знамени» я не получилъ ни одной копейки; но зато очень велико нравственное удовлетвореніе, которое я испытываю, во-первыхъ, отъ сочувственныхъ писемъ союзниковъ, получаемыхъ изъ разныхъ городовъ и деревень Россіи, а во-вторыхъ отъ сознанія, что при всей полнотѣ своего самовластія П. А. Столыпинъ *не можетъ, несмотря на всѣ свои «штрафы», заставить меня замолчать.*

Пожалѣютъ россійскіе *«обновители»* о томъ, что, преслѣдуя правую печать, въ то же время позволяютъ лѣвымъ газетамъ писать безнаказанно что угодно про Хвостова, Роговича, Думбадзе, Толмачева, Агапѣева и другихъ русскихъ сановниковъ и генераловъ. Я представлю цѣлый рядъ лѣвыхъ газетъ «Рѣчь», «Лучъ», «Биржевыя Вѣдомости», «Новая Русь» въ доказательство неправомѣрнаго, односторонняго примѣненія штрафовъ къ «Русскому Знамени».

Полнаго, абсолютнаго безпристрастія на земномъ шарѣ, конечно, нигдѣ не существуетъ, но все же хоть ради приличія всѣ «великіе люди», не исключая Кавура, старались свои личные счеты не сводить на глазахъ всего народа.

«Либеральнѣйшій обновитель Россіи» П. А. Столыпинъ пользуется чрезвычайною охраною, чтобы штрафовать *правую печать за выпады, сдѣланные противъ него лично*, и отказывается примѣнять систему административныхъ штрафовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда лѣвая печать дѣлаетъ самые гнусные выпады противъ сановниковъ, извѣстныхъ своею непоколебимой преданностью православію, русской народности и царскому самодержавію.

Газета «Свѣтъ» перепечатала изъ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей» сообщеніе, что на время полтавскихъ торжествъ для Столыпина приготовлена квартира въ домѣ еврейскаго раввина. Правда ли это—не знаю, но знаю лишь то, что за эту замѣтку градоначальникъ угрожалъ редактору «Свѣта» Н. Д. Облеухову *штрафомъ въ три тысячи руб.*, и только ссылка на то, что это извѣстіе запимствовано изъ офиціальной газеты «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостей», спасла редактора «Свѣта» отъ чрезвычайнаго штрафа. Совсѣмъ иначе относятся къ лѣвой печати. Ей безнаказанно разрѣшаютъ дѣлать какія-угодно инсинуаціи, и градоначальникъ не рѣшился оштра-

[1]) «Русское Знамя» 1 іюля 1909 г. № 144.

фовать газету «Рѣчь» даже тогда, когда въ номерѣ 174 отъ 28 іюня 1909 г., описывая полтавскія торжества, эта милюковско-жидовская газета въ статьѣ «Союзники въ Полтавѣ» помѣстила слѣдующую неприличную замѣтку: «*Бюро охраны получило свѣдѣнія, что предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ остановился въ квартирѣ раввина полтавской синагоги и что на этой квартирѣ будто бы происходятъ таинственныя масонскія собранія*».

И эта наглость сошла для «Рѣчи» безнаказанно. Очевидно большими связями обладаютъ милюковцы и гессенцы въ градоначальствѣ и въ Совѣтѣ Министровъ, если безпрепятственно *при чрезвычайной охранѣ* позволяютъ себѣ распускать слухи о масонскихъ собраніяхъ на квартирѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такія сообщенія больше, чѣмъ моя статья «Цѣна русской жизни», подходятъ подъ 1 пунктъ первой статьи обязательнаго постановленія отъ 2 іюня 1907 г., воспрещающій оглашеніе сообщеній, возбуждающихъ *враждебное отношеніе къ правительству*...

А впрочемъ почемъ знать, можетъ быть, по мнѣнію «либераловъ», слухи о масонскихъ собраніяхъ на квартирѣ Столыпина не только не возбуждаютъ враждебнаго чувства въ населеніи противъ правительства, но даже наоборотъ очень лестны для министра, задавшагося цѣлью *обновить* Россію по рецепту Хомякова, Гучкова, Гессена, Милюкова и К°... Восхваляя Столыпина, жидовская печать уже начала науськивать своихъ юныхъ *будистовъ* на товарища министра внутреннихъ дѣлъ Курлова, со стороны котораго, по словамъ «Рѣчи», «представители прогрессивныхъ изданій встрѣтили въ Полтавѣ далеко не радушный пріемъ».

Одинъ жидокъ-корреспондентъ «Рѣчи» сѣтуетъ, что его не допустили даже въ ограду, ибо по секретнымъ свѣдѣніямъ онъ оказался соціалъ-революціонеромъ, тогда какъ официально числится въ конституціонно-демократической партіи. Осторожность, проявляемая П. Г. Курловымъ въ отношеніи «трудовъ партіи народной свободы», очень раздражаетъ кадюковъ. Они хотѣли бы, чтобы П. А. Столыпинъ, ревниво оберегающій свою власть, принялъ бы по отношенію къ Курлову такую же враждебную позицію, какую два года тому назадъ онъ занялъ въ отношеніи В. І. Гурко. Съ этою цѣлью «Рѣчь» клевещетъ и наушничаетъ на П. Г. Курлова, увѣряя въ № 174, что «по ходатайству товарища министра Курлова опала съ Союза Русскаго Народа снята, и *Столыпину сдѣлано* будто бы внушеніе за преслѣдованіе монархическихъ партій».

Вотъ къ какимъ способамъ прибѣгаютъ жидовскія газеты, чтобы возбудить неудовольствіе всесильнаго министра противъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Курлова... Но, къ счастію, Павелъ Григорьевичъ Курловъ не изъ робкихъ, и его дѣйствительно газетной травлей «не запугаете»... Но все же ему надо быть очень осторожнымъ, чтобы его не подвели.

Небывалое государственное преступленіе [1]).

Идея сильной царской власти тѣмъ и хороша въ самодержавномъ государствѣ, что власть эта не нуждается въ лицемѣріи, въ интригахъ, въ подкупахъ, чтобы продлить и подкрѣпить свои полномочія. Самодержецъ знаетъ только одну святую отвѣтственность передъ своею совѣстью и передъ исторіею. Эта отвѣтственность выше и сильнѣе, чѣмъ отвѣтственность конституціонныхъ министровъ передъ выборными депутатами, набивающими свои карманы на народныя трудовыя средства. Если беззаконіе, безправіе и произволъ достигаютъ иногда при самодержавномъ строѣ своего апогея, то въ этомъ виноватъ не самодержавный строй, а люди. Но недостатки, порождаемые отрицательными сторонами человѣческой природы, не даютъ права закрывать глаза на русскую исторію и на данныя, добытыя наукой. Неужели потому, что среди чиновниковъ есть много негодныхъ людей, а среди окружающихъ Царя есть много не русскихъ людей, неужели изъ-за этого мы имѣемъ нравственное право винить во всемъ нашъ строй? Вѣдь если при неподкупной высшей власти пролѣзаетъ такъ много на верхнія ступени дрянныхъ людишекъ, то что же будетъ, если, не дай Богъ, у насъ появятся палаты, парламенты и всероссійскіе, но не русскіе земскіе соборы? Вѣдь тогда пролазы и негодяи, готовые продать родину, будутъ имѣть возможность еще легче осуществлять свои гнусные замыслы, чѣмъ теперь. Для простого же народа жизнь станетъ еще тяжелѣе, еще невыносимѣе. Къ тѣмъ налогамъ, которые онъ платитъ теперь, присоединится еще новый тяжкій налогъ—на выборы и подкупъ избирателей. Теперь многіе чиновники берутъ взятки, а тогда имъ придется увеличивать свои поборы, потому что для того, чтобы сохранить свои мѣста, имъ придется давать взятки парламентскимъ шакаламъ, а надежда на оздоравливающее значеніе печати слишкомъ призрачна, потому что печать нигдѣ такъ не порабощена партійностью, какъ въ парламентскихъ государствахъ. Парламентаризмъ не только не избавляетъ страну отъ взяточниковъ, но, наоборотъ, способствуетъ политическимъ подкупамъ и взяточничеству, которые становятся общею системою. Знаютъ ли, напримѣръ, въ Россіи, что компанія общества для эксплоатаціи французскихъ государственныхъ цѣлебныхъ источниковъ «Виши» платила въ годъ аренды 1 милліонъ франковъ государству, а получала дохода 24 милліона въ годъ, и вотъ когда кончился срокъ договора, то французскіе министры опять возобновили договоръ на 25 лѣтъ и опять дали возможность жидамъ получать по 23 милліона чистаго дохода? А парламентъ и печать молчатъ! И только отдѣльныя лица съ негодованіемъ восклицаютъ: «вѣдь это грабежъ!» А подъ сурдинку разсказываютъ, что возобновленіе договора обошлось компаніи въ пятьсотъ тысячъ франковъ. И такъ за 500,000-ую взятку, полученную отъ жидовъ, французское государство лишилось дохода на 25 лѣтъ ежегодно по 23 милліона, т. е. всего 575 милліоновъ франковъ. Изученіе парламентскаго строя не можетъ не привести людей, самостоятельно мыслящихъ, къ заключенію, что мы, русскіе, должны ежедневно благодарить Бога за то, что у насъ нѣтъ конституціи на западноевропейскій ладъ. Каждому, кому приходилось имѣть дѣло въ судахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, хорошо извѣстно, что все зависитъ отъ

[1]) «Русское Знамя» 4 іюля 1909 г. № 147.

людей, а не отъ учрежденія. Тѣ же стѣны, та же обстановка, тѣ же законы, тѣ же учрежденія, но какая разница, когда во главѣ учрежденія стоитъ дѣльный, добросовѣстный, честный служака, или, наоборотъ, когда во главѣ того же учрежденія стоитъ рыцарь двадцатаго числа съ ерундой на языкѣ, съ конституціей въ сюртукѣ! Итакъ, все зависитъ отъ людей, отъ воспитанія, отъ совѣсти служащихъ, а вовсе не отъ того, что у насъ будто бы государственный строй никуда не годенъ. Люди безсовѣстные, люди чутко прислушивающіеся къ направленію вѣтра, говорятъ теперь, что дѣло не въ людяхъ, а въ государственномъ строѣ. О, какая это ложь, какое искаженіе исторической русской правды! Русскій народный смыслъ говоритъ въ русской народной поговоркѣ: «не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто», и народъ не ошибся, а вотъ наша кислая безпочвенная интеллигенція лжетъ завѣдомо, когда увѣряетъ, что стоило только бомбами запугать трусливыхъ министровъ, а затѣмъ на берегахъ Невы возвести величественное зданіе Государственной Думы, объявить всеобщее жидовское равенство и масонское братство—и тогда всѣ тѣ себялюбцы и измѣнники родины, всѣ тѣ негодные и бездарные чиновники, которыхъ такъ корятъ подъ именемъ бюрократовъ, сразу превратятся въ беззавѣтно преданныхъ слугъ народа, слугъ Русскаго государства.

Неужели жиды Азефы, Штрофберги, Гартинги, Ландейзены — всѣ эти провокаторы и директоры международной акціонерной компаніи терроризма и крамолы, превратятся въ честныхъ и добродѣтельныхъ слугъ Русскаго государства, какъ только на берегахъ Невы появится «истинный парламентъ»?

Совершенно ясно, что безстыдно лгутъ тѣ газеты и тѣ политическіе заговорщики, которые усердно увѣряютъ «въ высшихъ сферахъ», что Россіи необходима «конституція».

Но ни одна газета не доходила все-таки до такой наглости, до какой дошла «Рѣчь», позволившая себѣ въ передовой статьѣ 30 іюня 1909 г. въ № 176 прямо написать по поводу Гартингъ-Ландейзенскаго скандала, что «дѣло вовсе не въ отдѣльныхъ лицахъ, а *приходится либо измѣнить систему коренным образомъ, какъ это тотчасъ и сдѣлала, напримѣръ, Турція*, имѣвшая до введенія конституціоннаго строя тоже своихъ полицейскихъ дипломатовъ, -либо мириться съ маленькими недостатками механизма». Только милюковско-жидовская газета могла сморозить такую наглую и мерзкую чушь!

Неужели въ самомъ дѣлѣ жиды Азефъ и Гартингъ-Ландейзенъ необходимая, неизбѣжная принадлежность монархическаго самодержавнаго строя? Думается—наоборотъ, что при «самодержавномъ механизмѣ» Русское государство скорѣе можетъ совершенно освободиться отъ Азефовъ и Гартинговъ, чѣмъ при конституціонномъ механизмѣ, въ которомъ Азефы и ихъ сородичи будутъ главными пружинами, а А. Столыпины и Гучковы — второстепенными колесиками...

Вотъ почему прогрессивные Азефы, именующіе себя партіею народной свободы, такъ ненавидятъ самодержавіе. Они вполнѣ послѣдовательны, но зато теперешніе правители далеко не послѣдовательны, когда безнаказанно при чрезвычайной охранѣ позволяютъ писать въ «Рѣчи», что для освобожденія отъ азефовщины необходимо сдѣлать въ Россіи то же, *что на-дняхъ сдѣлала Турція!*

Такого глумленія еще никогда ни одна газета, кромѣ «Зрителя», не по-

зволяла печатать на своихъ столбцахъ. Мы всѣ знаемъ, что Турція надняхъ засадила въ крѣпость своего императора, отобрала у него все его имущество и на его престолъ посадила *новаго*, дотолѣ никому невѣдомаго конституціоннаго султана. А «Рѣчь» съ жидовской развязностью увѣряетъ, что мы или должны мириться съ азефовщиною или, если хотимъ отъ нея освободиться, должны тотчасъ *послѣдовать примѣру Турціи*...

Страшное шатаніе власти, ужасное полицейское усмотрѣніе, торжество жидовствующей печати... Куда еще пути дальше!?

Со дня на день можно ждать катастрофы и не потому, чтобы Россія все лѣвѣла, а только потому, что власть не хочетъ или не умѣетъ бороться послѣдовательно и твердо съ врагами Царскаго самодержавія. Россія внизу все правѣетъ, а правящій классъ наверху все лѣвѣетъ. Кадетскія газеты уже открыто восторгаются «турецкимъ дѣйствіемъ», и если не будетъ вскорѣ большихъ перемѣнъ въ министерствахъ, то масонамъ и кадюкамъ удастся ихъ заговоръ. Тогда вспомнятъ мои предсказанія, но будетъ уже поздно! А теперь еще есть возможность опереться на громады русскихъ монархическихъ союзовъ.

Но для осуществленія этого необходимо, чтобы и среди министровъ не было ни явныхъ, ни тайныхъ конституціоналистовъ, которые для торжества конституціи приносятъ въ жертву достоинство Русскаго государства, православную вѣру, интересы русскаго народа, жизнь казаковъ и полковника Ляхова отдаютъ на разстрѣлъ дикимъ толпамъ персидскихъ октябристовъ. Какія чувства испытываютъ въ Тегеранѣ сыны Россіи и тихаго Дона, когда, окруженные со всѣхъ сторонъ мятежниками, они гордо погибаютъ въ чужой странѣ, брошенные, покинутые родиною, преданные на ужасную смерть...

Можемъ ли мы ожидать добра отъ законодательныхъ выборныхъ палатъ, когда у насъ на тысячу образованныхъ людей едва одинъ мыслитъ самостоятельно, а большинство другихъ, такъ называемыхъ образованныхъ людей, повторяютъ только то, что имъ скажетъ послѣдній номеръ «передовой газеты»? Да и можно ли считать образованнымъ человѣкомъ того, который, хотя кончилъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, но затѣмъ пересталъ заниматься и ничего, кромѣ жидовствующихъ газетъ, не читаетъ?

А эти газеты сдѣлали свое злое дѣло, подготовили общественное мнѣніе къ тому, что русскихъ казаковъ заживо могутъ безнаказанно сжечь въ Тегеранѣ во славу масонской конституціи. И сила жидовскаго гипноза такъ велика, что на первыхъ порахъ министры, сановники и даже истинно русскія монархическія газеты не сразу поняли весь ужасъ свершавшагося въ Тегеранѣ небывалаго въ мірѣ государственнаго преступленія. Никогда еще *ни одно самостоятельное государство не оставляло своихъ подданныхъ на произволъ судьбы среди дикаго сброда убійцъ и грабителей*. А теперешнее «либеральное» русское правительство въ угоду англичанамъ и ради укрѣпленія въ Азіи «европейской конституціи» пожертвовало доблестными русскими казаками. О, стыдъ, о, тяжкій грѣхъ!

Примѣчаніе автора. Статья эта была напечатана 4 іюля 1909 года, а черезъ два года мои предсказанія сбылись: въ Персіи полилась русская кровь. Такимъ образомъ даже мои враги не могутъ отрицать, что я не лишенъ прозорливости. Теперь «Новое Время» тоже упрекаетъ нашу дипломатію и Козла-Поклевскаго, я же опередилъ «Новое Время» на два года!

Бюрократическія козни противъ Союза Русскаго Народа [1]).

Прогрессивная жидовская печать, заинтересованная въ успѣхѣ «освободительнаго движенія», всячески старается объ отмѣнѣ всѣхъ тѣхъ правилъ и распоряженій, которыми стѣсняется дѣятельность революціонныхъ комитетовъ. Въ ряду этихъ стѣсненій первое мѣсто занимала «чрезвычайная охрана». Но въ послѣднее время центръ тяжести революціонныхъ выступленій какъ будто совсѣмъ перемѣстился. Теперь въ Петербургѣ главная атака кадюко-жидовскаго лагеря ведется уже не противъ чрезвычайно усиленной охраны и не противъ правительства П. А. Столыпина, *а противъ Союза Русскаго Народа*. Этотъ поворотъ въ политикѣ заговорщиковъ, ведущихъ осаду противъ Верховной Власти, доказываетъ, что главнымъ препятствіемъ на своемъ пути къ уничтоженію Царскаго самодержавія заговорщики и милюковцы считаютъ не теперешнее правительство, а Союзъ Русскаго Народа. Съ теперешнимъ же правительствомъ и съ его неустрашимымъ главою П. А. Столыпинымъ они разсчитываютъ легко покончить послѣ того, какъ сокрушатъ Союзъ Русскаго Народа. Но, къ счастью Русскаго государства, всѣ козни жидовъ и бюрократовъ противъ Союза Русскаго Народа безсильны сломить стихійную силу, поднимающуюся изъ нѣдръ русской народной громады...

Живучая неодолимая сила Союза Русскаго Народа сказывается во всемъ, а больше всего проявляется въ его безпрерывномъ ростѣ, не взирая на всѣ неблагопріятныя обстоятельства. Никакая другая организація не могла бы просуществовать даже года, если бы на пути ея развитія встрѣтилась бы хоть половина тѣхъ преградъ и испытаній, которыми искушаютъ Союзъ петербургскіе бюрократы, ляпающіе подъ жидовскую дудку прогрессивной печати. Главарей Союза стараются другъ съ другомъ перессорить, въ отдѣлы Союза въ провинцію посылаютъ провокаторовъ, всѣхъ самостоятельныхъ и наиболѣе талантливыхъ руководителей Союза Русскаго Народа стараются скомпрометтировать при помощи лжесвидѣтелей, а предсѣдателей провинціальныхъ отдѣловъ тѣснятъ произвольнымъ и несправедливымъ примѣненіемъ къ нимъ правилъ чрезвычайной охраны. Газету Союза «Русское Знамя» оштрафовали за полгода на десять тысячъ рублей безъ всякаго суда; финскому допотопному суду разрѣшили подъ именемъ «судебнаго процесса» вести самую гнусную позорную травлю противъ предсѣдателя главнаго совѣта А. И. Дубровина. Человѣка, облеченнаго довѣріемъ милліоновъ русскихъ людей, безнаказанно позорятъ въ въ чухонскомъ судѣ. Въ явное ослушаніе Царской воли, дерзко пренебрегаютъ указаніями Государя Императора, высказавшаго открыто на весь міръ въ телеграммѣ на имя А. И. Дубровина пожеланіе, чтобы правительство смотрѣло на Союзъ Русскаго Народа, какъ на *опору Царскаго трона*. И вотъ тѣхъ, кого годъ тому назадъ Царь назвалъ своею *опорою*, правительство стремится теперь при помощи финляндскаго «правосудія» изобразить въ видѣ шайки убійцъ!

Ударъ, наносимый Союзу при такихъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ значеніе величайшаго историческаго событія. Этимъ ударомъ хотятъ сокрушить самодержавную монархію.

---

[1]) «Русское Знамя» 28 іюля 1909 г. № 166.

Зачѣмъ же этотъ предательскій ударъ не встрѣчаетъ противодѣйствія со стороны теперешняго Столыпинскаго кабинета? Можно ли дальше равнодушно смотрѣть на безобразную трагикомедію, разыгрываемую въ Терiокахъ и Кивенепѣ?!

Неужели для того, чтобы правительство, наконецъ, исполнило свой долгъ и заступилось бы за достоинство и честь русскаго народа, позоримаго въ финляндскомъ «процессѣ», необходимо, чтобы финскіе лаутаміесы вызвали въ качествѣ свидѣтелей въ свой «кивенепскій судъ» вмѣстѣ съ Прусаковымъ также и г. Столыпина и г. Крыжановскаго? Вѣдь если изъ простого любопытства *«финляндскій общественный обвинитель»* считаетъ себя въ правѣ вызвать А. И. Дубровина «только для того, чтобы *послушать, что Дубровинъ будетъ говорить въ финляндскомъ судѣ»*, то едва ли можно будетъ удивляться, когда любопытные финляндскіе юристы вызовутъ къ себѣ также министра внутреннихъ дѣлъ, о выдающемся краснорѣчіи котораго они до сихъ поръ слыхали лишь по слухамъ, такъ какъ думскихъ Пленковскихъ отчетовъ они, вѣроятно, не читаютъ изъ ненависти къ «Новому Времени»...

Играя двойную игру, злорадно поощряя наемныя жидовскія перья изъ «Россіи», высмѣивающія русскій патріотизмъ: *дѣлая видъ, что финскій судъ похожъ на европейскій судъ*, отдавая А. И. Дубровина и другихъ вождей Союза на растерзаніе инородцамъ,—дождутся такого скандала въ финскомъ судѣ, который сразу отобьетъ охоту либеральнымъ министрамъ *любоваться дальнѣйшимъ продолженіемъ безконечнаго Герценштейновскаго процесса.*

Пока я живъ, ни казенные Азефы, ни Веберъ, Грузенбергъ, Винаверъ и К° торжествовать не будутъ; а если я *скоропостижно умру*, то всѣ члены Союза Русскаго Народа будутъ знать, гдѣ искать моихъ убійцъ. И никакія вскрытія и удостовѣренія департамента полиціи не разувѣрятъ моихъ друзей и почитателей въ истинной причинѣ моей преждевременной смерти!

Нѣсколько докторовъ, осматривавшихъ меня полгода тому назадъ, выдали мнѣ удостовѣреніе о томъ, что съ моимъ крѣпкимъ организмомъ и здоровымъ сердцемъ я могу прожить до глубочайшей старости.

Прежде я никогда не думалъ объ отравѣ, но когда въ «Новомъ Времени» появилась гнусная инсинуація А. А. Столыпина о томъ, что я будто бы вѣчно нахожусь въ тревогѣ за мою жизнь и всюду будто бы вижу готовящееся на меня покушеніе, я счелъ не лишнимъ подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію. Выдающіеся врачи, какъ Маршанъ, Машанскій, Свіяжениновъ, Тимофѣевъ, хлороформировавшіе меня четыре года тому назадъ во время операціи, могутъ удостовѣрить, что по теоріи вѣроятностей я долженъ прожить очень долго. Но по странной случайности черезъ нѣсколько времени послѣ статьи Столыпина я едва не умеръ отъ отравленія, подтвердить каковое обстоятельство можетъ во всякое время подъ присягою докторъ Н. А. Тимофѣевъ. До сихъ поръ, кромѣ моей семьи и нѣсколькихъ близкихъ людей, никто объ этомъ «случаѣ» не зналъ, но послѣ странной болѣзни А. И. Дубровина я не считаю больше возможнымъ умалчивать о томъ, что враги наши способны прибѣгать даже къ отравѣ. Увѣренія же А. А. Столыпина, что я отличаюсь мнительностью и боязнью за мою жизнь, лучше всего опровергаются всею моей дѣятельностью за послѣдніе пять лѣтъ. Я не прятался за чужія спины, появляясь въ 1905 и 1906 годахъ

открыто въ собраніяхъ и на митингахъ, на которыхъ не стѣснялся высказывать моимъ противникамъ такіе взгляды и сужденія, за которые не могъ отъ озвѣрѣлыхъ юношей, сбитыхъ съ толку «освободителями», ожидать похвалъ и одобренія... А если А. А. Столыпинъ хочетъ испытать силу и значеніе, какое я пріобрѣлъ въ Россіи, то самое для этого простое средство - пусть онъ выхлопочетъ у своего брата разрѣшеніе созвать въ Петербургѣ всероссійскій съѣздъ совѣтовъ всѣхъ отдѣловъ Союза Русскаго Народа. Лѣвыя газеты пишутъ, что Союзъ Русскаго Народа распадается, а «Новое Время» увѣряетъ, что всѣ главари Союза перессорились.

Если Союзъ распался, то съѣздъ не удастся. Заранѣе приглашаю А. Столыпина и П. Милюкова посмотрѣть, какъ встрѣтятъ своихъ главарей представители нѣсколькихъ тысячъ отдѣловъ, съѣдущіеся со всѣхъ концовъ Россіи, и тогда, конечно, толки о расколѣ въ Союзѣ прекратятся. Но именно такой исходъ, повидимому, вовсе не входитъ въ планы теперешняго главы Совѣта Министровъ, а потому онъ и не разрѣшаетъ всероссійскаго съѣзда Союза Русскаго Народа, находя, что *теперь* гораздо своевременнѣе всероссійскій съѣздъ жидовскихъ приказчиковъ и комивояжеровъ, чѣмъ съѣздъ истинно-русскихъ людей...

Генералъ-адъютанты и Столыпинъ [1]).

Въ своихъ замѣткахъ о генералъ-адъютантѣ Н. В. Клейгельсѣ господинъ А. Ст-нъ, онъ же Александръ Аркадьевичъ Столыпинъ, проявилъ 13 мая такой цинизмъ, что трудно рѣшить, чему приписать появленіе этой замѣтки.

Тотъ, кто въ газетѣ публично глумится надъ званіемъ генералъ-адъютанта, совершаетъ несомнѣнно большую наглость. Званіе генералъ-адъютанта пожизненно. Тотъ, кто удостоился получить отъ Его Величества генералъ-адъютантскіе вензеля, носитъ ихъ до самой смерти. Только совершившій преступленіе или навлекшій на себя особую немилость Государя можетъ перестать состоять въ званіи генералъ-адъютанта. Этого не могъ не знать А. А. Столыпинъ, отецъ котораго былъ тоже генералъ-адъютантомъ.

Александръ Столыпинъ увѣряетъ, что «всѣ почему-то забываютъ, что генералъ Клейгельсъ до сихъ поръ еще состоитъ генералъ-адъютантомъ». Это утвержденіе Столыпина представляется злостнымъ вымысломъ. Но кромѣ фактической неправды въ этихъ словахъ сквозитъ желаніе уязвить генералъ-адъютанта Клейгельса. Еще болѣе неприлично увѣреніе Столыпина, будто генералъ-адъютантъ Клейгельсъ «обвѣшенъ своимъ чиномъ».

«Обвѣшиваютъ» только дурные торговцы. Но Верховная Власть въ Россіи, отъ которой зависитъ навѣсить генералъ-адъютантскіе эксельбанты, никогда никого не обвѣшивала. Напрасно А. А. Столыпинъ будетъ ссылаться на то, что выраженіе «обвѣшенъ» заимствовано изъ поэмы Пушкина «Кавказскій плѣнникъ». Не всякое заимствованіе изъ Пушкина допустимо въ примѣненіи къ современнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, и первый А. А. Столыпинъ закричалъ бы караулъ, если бы кто-нибудь, описывая,

---

[1]) «Русское Знамя» 15 мая 1911 г. № 107.

чѣмъ утѣшенъ Ал. Арк. Столыпинъ, вдругъ привелъ бы ни съ того, ни съ сего примѣръ, чѣмъ «гордился» и чѣмъ утѣшался одинъ изъ героевъ поэмы Пушкина «Братья разбойники».

Если бы генералъ-адъютантъ Клейгельсъ привлекъ А. Ст-на къ судебной отвѣтственности по 1040 и по 1039 ст. уложенія, то, конечно, А. А. Столыпину пришлось бы посидѣть подъ арестомъ за злословіе и за оскорбленіе въ печати. Александръ Столыпинъ называетъ «анекдотомъ» путешествіе суда на квартиру генералъ-адъютанта Клейгельса, хотя великодушно при этомъ признаетъ, что на такое путешествіе генералъ Клейгельсъ по закону имѣлъ право. Тѣмъ не менѣе, пользованіе законнымъ правомъ наводитъ нововременскаго писателя на мысль, что генералъ Клейгельсъ устраивалъ «парадъ изъ собственной персоны» и что бывшій градоначальникъ генералъ Клейгельсъ, посящій генералъ-адъютантскіе вензеля Государя Императора—совсѣмъ не то, что графъ Милютинъ и графъ Воронцовъ, которые сыты-сытеньки своимъ «положеніемъ и своими чинами» и никогда не позволили бы себѣ безпокоить судъ вызовомъ къ себѣ на квартиру, а преспокойно отправились бы сами въ судъ въ качествѣ свидѣтелей, а вотъ генералъ Клейгельсъ, по словамъ А. Столыпина, «обвѣшенъ своимъ чиномъ» и ради того, чтобы не забыли, что онъ до сихъ поръ состоитъ генералъ-адъютантомъ, поднялъ сумятицу, потребовавъ къ себѣ на квартиру весь составъ суда.

Какая, однако, плохая память у Александра Столыпина. Возмущаясь тѣмъ, что окружному суду на основаніи 65 и 581 ст. уст. угол. суд. пришлось въ полномъ составѣ побывать на квартирѣ генералъ-адъютанта Клейгельса, господинъ А. Столыпинъ забылъ, что три года тому назадъ высшій въ Россіи судъ, а именно уголовный кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената совершалъ выѣздъ на квартиру къ родному брату нововременскаго писателя, вызванному въ Сенатъ свидѣтелемъ по дѣлу В. І. Гурко.

Про Петра Аркадьевича Столыпина его братецъ А. Ст—нъ, конечно, не утверждалъ, что «онъ своимъ чиномъ обвѣшенъ», онъ «имъ гордится, имъ утѣшенъ какъ черкесъ». А между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ въ Сенатъ не явился, заявивъ, что у него болятъ ноги, и предпочелъ поступить точно такъ же, какъ теперь поступилъ генералъ-адъютантъ Клейгельсъ, съ тою лишь разницею, что Сенатъ — повыше окружнаго суда!

Не знаю, былъ ли, подобно графу Воронцову-Дашкову, «сытъ-сытеньекъ своимъ положеніемъ» П. А. Столыпинъ въ то время, когда, предавъ суду своего товарища В. І. Гурка, заставилъ пріѣхать къ себѣ на квартиру сенатора, допрашивавшаго его по дѣлу о В. І. Гуркѣ; но мнѣ извѣстно во всякомъ случаѣ, что по годамъ П. А. Столыпинъ гораздо моложе графа Воронцова-Дашкова и П. В. Клейгельса, а по чину, хотя Маклаковъ и Пуришкевичъ уже называли въ Государственной Думѣ Петра Аркадьевича Столыпина «временщикомъ», все-таки ему еще далеко до фельдмаршальскаго жезла...

Вылазка Александра Столыпина противъ генерала Клейгельса особенно непріятна именно потому, что во всей этой злобной «нововременской» ироніи «надъ законнымъ величіемъ» генерала Клейгельса ясно сквозитъ какая-то личная мелочная досада, а можетъ быть и того хуже—виноваты во всемъ несбывшіяся надежды нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ интри-

гановъ, надѣявшихся поглумиться въ судѣ надъ генералъ-адъютантомъ Государя Императора...

Вѣдь католическій митрополитъ и генералъ-адъютантъ князь Святополкъ-Мирскій тоже подали заявленія предсѣдателю окружнаго суда, что желаютъ воспользоваться своимъ правомъ давать показанія не въ судѣ, а у себя на квартирѣ. Однако о «величіи» князя Святополкъ-Мирскаго не упоминаютъ ни Столыпинъ, ни Худековъ, а вотъ надъ «величіемъ» генерала Клейгельса «остроумный» Александръ Столыпинъ изощряетъ весь запасъ своей разительной фантазіи.

Онъ жалѣетъ, что дѣло о милліонахъ князя Огинскаго слушается не зимою.

«Подумайте: предсѣдатель суда съ отмороженными ушами; прокуроръ, оттпрающій себѣ носъ; весь составъ суда, приплясывающій на мѣстѣ, чтобы согрѣться,—а высокопоставленный свидѣтель сидитъ себѣ въ теплѣ и холѣ у собственнаго камелька: поймите, дескать, кто вы и кто я разница-съ!»

Не правда ли, неподражаемо богатая фантазія у А. А. Столыпина, подписывающаго свои инсинуаціи буквами А. Ст -нъ? Впрочемъ дѣло Гурка слушалось, кажется, зимою, а поэтому фантастическая картина, нарисованная А. А. Столыпинымъ, не столько подходитъ къ генералу Клейгельсу, сколько къ другому «высокопоставленному» свидѣтелю, пригласившему къ себѣ судебный составъ Сената «зимою въ трескучій морозъ»...

Поѣздку окружнаго суда къ генералу Клейгельсу Александръ Столыпинъ называетъ счастливымъ бенефисомъ, «о которомъ никогда теперь не забудутъ». Къ сожалѣнію, при всемъ уваженіи къ брату нововременскаго писателя, не возможно счастливые бенефисы Петра Аркадьевича теперь называть незабвенными, ибо даже родной братъ Петра Аркадьевича забылъ «о счастливомъ бенефисѣ», когда и къ его брату выѣзжалъ сенаторъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената, обвиняемый, защитники, оберъ-прокуроръ и священникъ съ крестомъ.

Омрачился этотъ «бенефисъ» лишь тѣмъ, что когда радушный хозяинъ-свидѣтель пошелъ навстрѣчу гостямъ, чтобы пожать имъ руки, то преданный суду (а нынѣ возстановленный во всѣхъ правахъ) В. І. Гурко отошелъ въ сторону, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ поклона своего бывшаго шефа.

Не будь этого маленькаго приключенія, бенефисъ вышелъ бы не менѣе блестящимъ, чѣмъ съ 87 статьею...

П. А. Столыпинъ и его преемники [1]).

Въ свое погибельное счастье
Онъ гордой вѣровалъ душой,
Его плѣнило самовластье
И обновленный думскій строй.

Когда при кликахъ обезумѣвшей толпы палъ великій и въ то же время жалкій Неронъ, говорятъ, чья-то неизвѣстная рука осыпала его могилу цвѣтами. Эти цвѣты были данью слабости благороднаго римскаго сердца, успѣвшаго замѣтить минуты величія и человѣчности, промелькнувшія среди упоенія властью даже у такого безумнаго тирана, какимъ былъ Неронъ... Теперь правые русскіе люди проявляютъ такую же слабость благороднаго русскаго сердца, оплакивая преждевременную кончину Петра Аркадьевича Столыпина Никто не принесъ за послѣдніе годы столько горя русскимъ патріотамъ, разбившимъ революцію 1905 года. никто не причинилъ столько зла монархическому движенію на Руси, какъ П. А. Столыпинъ,—и тѣмъ не менѣе нельзя не испытывать искренняго негодованія на предательское злодѣяніе презрѣннаго іудея и не сожалѣть, что гибнутъ одинъ за другимъ талантливые русскіе люди только потому, что не умѣютъ опереться на русскую народную несокрушимую силу...

Какая блестящая, какая великая будущность открылась бы Столыпину, если бы пять лѣтъ тому назадъ онъ властною рукою, съ присущимъ ему мужествомъ, сталъ бы на дѣлѣ осуществлять великую русскую патріотическую программу Союза Русскаго Народа! Онъ сталъ бы народнымъ героемъ, и имя его сдѣлалось бы столь же любимымъ для каждаго русскаго патріота. какъ имя желѣзнаго канцлера Бисмарка священно для каждаго честнаго нѣмца... Но, увы, Столыпинъ больше всего на свѣтѣ опасался прослыть «ретроградомъ», и ради того, чтобы избѣгнуть этой клички, онъ, властный и надменный, унижался до того, что заискивалъ у лондонскихъ и парижскихъ корреспондентовъ еврейскихъ газетъ.

Заграничныя газеты ставятъ въ особую заслугу покойному министру то, что «онъ быстро приспособилъ Россію къ представительнымъ учрежденіямъ». Но вѣдь это и есть роковая ошибка, которая вела нашу родину къ страшнымъ катастрофамъ.

Въ угоду «либераламъ» П. А. Столыпинъ съ невѣроятнымъ упорствомъ сталъ проводить въ русскую жизнь «представительный строй», забывъ, что парламентаризмъ и выборное начало составляютъ лишь смѣсь человѣческой глупости съ жидовскимъ плутовствомъ...

Его любимое дѣтище—3-я Государственная Дума сдѣлалась обмѣномъ тщеславія, бездѣлья, обидныхъ вольныхъ разговоровъ и покровительствомъ революціоннаго позора.

Стараясь быть «либераломъ», П. А. Столыпинъ очень часто былъ вынужденъ дѣлать послабленія тѣмъ преступнымъ элементамъ, которые задались цѣлью «обновить» Россію на началахъ, одобренныхъ масонскими ложами. Но съ другой стороны, какъ человѣкъ несомнѣнно храбрый и честолюбивый, онъ не хотѣлъ безславно уйти съ своего поста и, понимая, что, несмотря на «любезную ему конституцію», у насъ все еще въ дѣйствительности существуетъ самодержавіе, съ трибуны Государственной Думы от-

[1]) «Русское Знамя» 8 сент. 1911 г.

крыто и смѣло высказалъ соціалъ-демократамъ и революціонерамъ свое презрѣніе къ ихъ безумному кровавому бреду...

Такимъ образомъ онъ всѣхъ возстановилъ противъ себя, его одинаково не любили и справа и слѣва; всѣ сильные люди отъ него отшатнулись; всѣ правые министры и губернаторы подверглись притѣсненіямъ и одинъ за другимъ стали увольняться въ отставку. Правая печать подверглась жестокому гоненію. Кумовство, прюпзволъ и самомнѣніе достигли невѣроятныхъ, почти неслыханныхъ размѣровъ! Вокругъ П. А. Столыпина остались одни только родственники, да тѣ безпринципныя бездарности, которымъ рѣшительно все равно, кому прислуживать: сегодня онѣ будутъ пѣть хвалебные акаѳисты Коковцову, завтра будутъ воспѣвать оды Крыжановскому или Макарову, а недѣлю тому назадъ они еще прославляли П. А. Столыпина, увѣряя, что его невозможно никѣмъ замѣнить.

Чиновная Россія изолгалась, молодежь развращена лѣвой печатью, власти расшатаны политиканствомъ и позорной игрой въ парламентаризмъ, значеніе Государственнаго Совѣта умалено, православіе унижено Лукьяновыми и Хрузиными; охрана Царской семьи стала ненадежною вслѣдствіе допущенія въ администрацію и въ полицію еврейскихъ революціонеровъ вродѣ Богрова, Гинсберга, Ландейзена, Муняка, Аникинадзи— Азефа и т. п. дряни, а въ довершеніе всего еврейскіе капиталисты были встревожены слухами о томъ, что Столыпинъ высказалъ по существу вполнѣ правильную мысль о необходимости ограничить учетъ еврейскихъ векселей и сократить выдаваемыя Государственнымъ банкомъ субсидіи еврейскимъ купцамъ и банкирамъ.

Вокругъ Столыпина начали собираться грозныя тучи, неизмѣнное счастье его внезапно покинуло; онъ почувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ дебри политическихъ интригъ и окончательно запутался, когда, желая натравить Государственную Думу на Государственный Совѣтъ, услышалъ изъ устъ В. М. Пуришкевича, графа А. А. Бобринскаго, Г. Г. Замысловскаго и Маклакова безпощадную оцѣнку и осужденіе своей двойственной политики. Счастливая звѣзда Столыпина померкла, но предъ смертью еще разъ вспыхнула яркимъ свѣтомъ въ Кіевѣ въ тотъ мигъ, когда, сраженный предательской пулею еврейскаго адвоката, онъ не дрогнулъ предъ опасностью, не бросился бѣжать, какъ бросились бѣжать при первомъ звукѣ выстрѣла нѣкоторые другіе сановники. Геройская смерть П. А. Столыпина искупила его ошибки и промахи, совершенные за пять лѣтъ. По природѣ своей П. А. Столыпинъ былъ безусловно честный и благородный человѣкъ, но къ сожалѣнію онъ увѣровалъ въ спасительность «конституціонности», и, вмѣсто того, чтобы желѣзною рукою раздавить осиное гнѣздо жидо-кадетовъ, онъ, во имя «конституціонности», далъ имъ возможность расползтись по всей Россіи и въ концѣ концовъ погибъ отъ ихъ руки...

Судьбы свершился неумолимый приговоръ. Столыпинъ палъ жертвою своей излишней довѣрчивости къ іудеямъ: онъ окружилъ себя евреями, онъ въ угоду евреямъ и ихъ ядовитымъ клеветническимъ перьямъ отдалъ подъ судъ В. І. Гурка; онъ, вопреки не отмѣненнымъ законамъ, издавалъ циркуляры, дозволявшіе евреямъ проживаніе внѣ черты осѣдлости; онъ спасалъ отъ смертной казни тѣхъ злодѣевъ-бундистовъ, которыхъ генералы фонъ-деръ-Лауницъ и Гершельманъ хотѣли повѣсить, —*но эксестолосердое, человѣконенавистническое племя іудейское забыло всѣ благодѣянія, которыя оказывалъ евреямъ П. А. Столыпинъ.*

Убійца Мордка Богровъ хладнокровно навелъ браунингъ на безоружнаго русскаго министра, надѣясь, очевидно, на то, что въ губерніи, гдѣ живутъ друзья Ѳ. Ѳ. Трепова милліонеры Бродскіе и Рутенберги, можно будетъ удрать и спастись отъ смертной казни и что уже начинается та же вакханалія безвластія и террора, которая въ 1905 году едва не привела Россію на край гибели...

Но, кажется, на этотъ разъ іуден и ихъ наймиты ошиблись. Кто бы ни былъ преемникъ Столыпина — все-таки правымъ не будетъ хуже, чѣмъ при Столыпинѣ.

Русскій народъ жаждетъ сильной твердой власти. Русскій народъ страстно ея желаетъ, и страсть эта заглушитъ всѣ вопли либеральной печати и бюрократіи о необходимости угождать еврейско-масонскимъ желаніямъ. *Тотъ министръ, который начнетъ дѣлать уступки финляндцамъ и полякамъ, пойдетъ противъ русскихъ монархическихъ союзовъ и возобновитъ борьбу противъ іеромонаха Иліодора и епископа Гермогена, не долго продержится у власти.*

Когда Лукьяновъ торжествовалъ свою кратковременную побѣду надъ безоружнымъ шпокомъ 27 марта нынѣшняго года, я въ «Русскомъ Знаменіи» задалъ вопросъ: «надъ кѣмъ вспыхнетъ раньше факелъ погребальный: надъ православной Россіею или надъ тѣми либеральными сановниками, которые усердно надламываютъ государственную арфу, звучащую старыми побѣдными гимнами русскаго народа?»

Православная Россія еще жива, а Лукьяновъ уже уволенъ; Столыпинъ въ сырой землѣ...

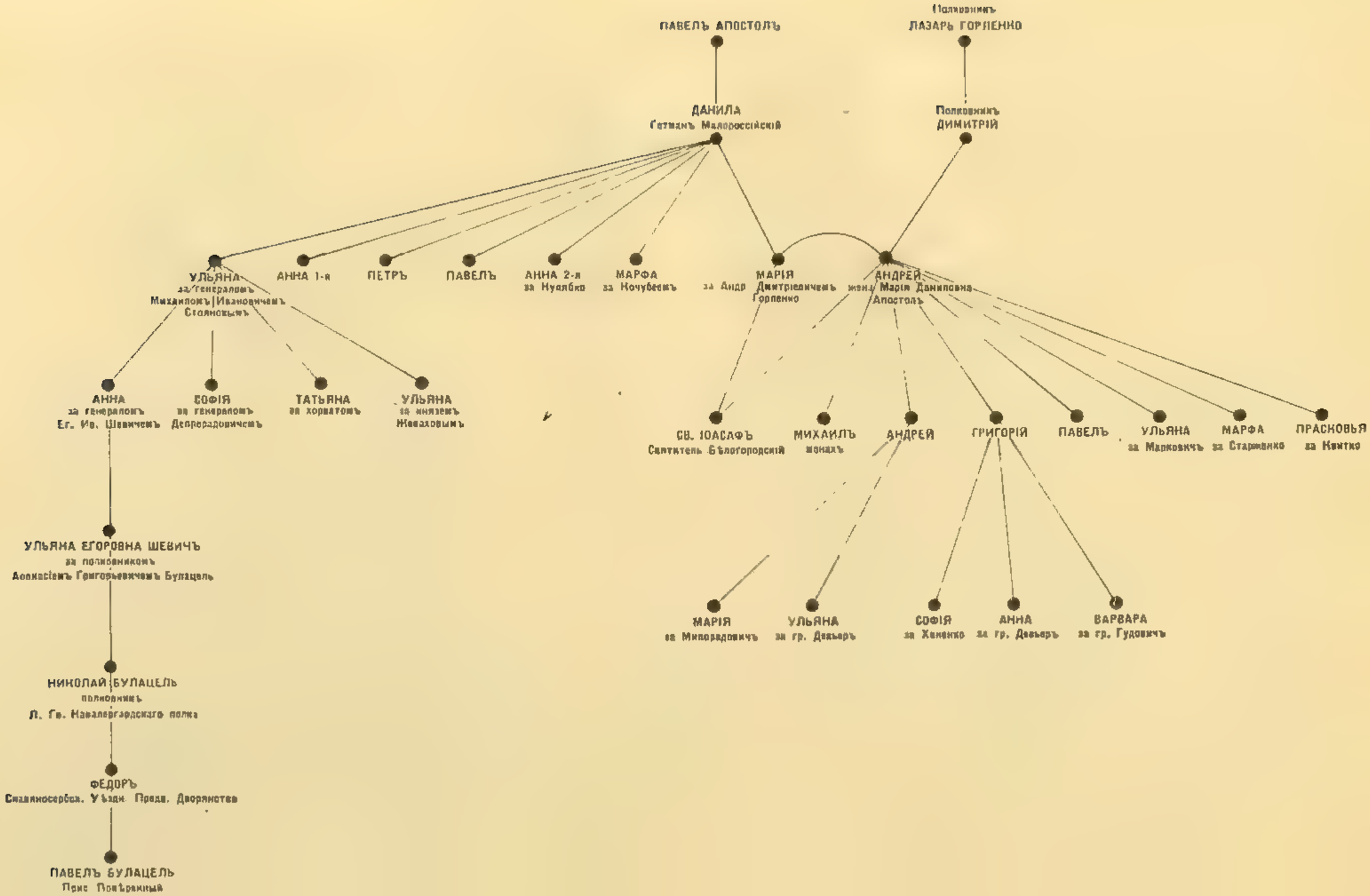
Пусть надъ этимъ призадумаются преемники П. А. Столыпина.

Святитель Іоасафъ и его родственники [1]).

Теперь, когда происходитъ всенародное прославленіе святителя Іоасафа Горленка, епископа Бѣлгородскаго, все, что касается великаго подвижника православной церкви, пріобрѣтаетъ огромный интересъ. Нѣжность и любовь, съ которою вся Малороссія въ теченіе свыше ста пятидесяти лѣтъ относилась и относится къ памяти святителя Іоасафа, объясняется, по словамъ «Новаго Времени», между прочимъ и тѣмъ, что святитель для Малороссіи свой.

И это дѣйствительно такъ. Святитель Іоасафъ былъ сыномъ полковника Андрея Дмитровича Горленка, происходившаго изъ знатнаго казацкаго рода Горленка; дѣдъ святителя Іоасафа, полковникъ Дмитрій Лазаревичъ Горленко, былъ женатъ на сестрѣ гетмана Мазепы и долгое время послѣ измѣны Мазепы жилъ изгнанникомъ на чужбинѣ. Мать же святителя Іоасафа, Марія Даниловна, была родной дочерью гетмана малороссійскаго Даніилы Павловича Апостола, изъ древняго казацкаго рода Апостола, отличавшагося издавна своимъ благочестіемъ и приверженностью къ православію. Такимъ образомъ, святитель находился въ близкомъ родствѣ съ двумя гетманскими фамиліями. Знатнѣйшія южно-русскія фамиліи считаются родствомъ со святителемъ Іоасафомъ. Три родныя сестры святителя Іоасафа были замужемъ за представителями видныхъ дворянскихъ малороссійскихъ родовъ Квитко, Стороженко и Маркевичъ; кромѣ того, у святителя Іоасафа были три родные брата: Андрей Андреевичъ Горленко, Павелъ Андреевичъ Горленко и Григорій Андреевичъ Горленко, имѣвшіе обширное потомство; а четвертый братъ святителя, Михаилъ, умеръ въ монашествѣ. У Андрея Андреевича Горленка была дочь Марія Андреевна, бывшая замужемъ за генераломъ Андреемъ Степановичемъ Милорадовичемъ, и Ульяна Андреевна за графомъ Девьеромъ. У Григорія Андреевича Горленка было нѣсколько дочерей, изъ которыхъ Софія была замужемъ за Ханенкомъ, Анна за графомъ Девьеромъ и Варвара за графомъ Гудовичемъ. Такимъ образомъ родныя племянницы съ отцовской стороны были замужемъ за самыми знатными малороссійскими помѣщиками того времени. Не менѣе обширное и знатное родство было у святителя и съ материнской стороны. Родная сестра его матери, Марфа Даниловна Апостолъ, была замужемъ за Кочубеемъ; другая сестра Анна Даниловна Апостолъ—за Кулябко-Корецкимъ;

[1]) Статья эта заимствована изъ газеты «Земщина».


ПАВЕЛЪ АПОСТОЛЪ
Полковникъ
ЛАЗАРЬ ГОРЛЕНКО
ДАНИЛА
Гетманъ Малороссійскій
Полковникъ
ДИМИТРІЙ
УЛЬЯНА
за генераломъ
Михаиломъ Ивановичемъ
Столяновымъ
АННА 1-я
ПЕТРЪ
ПАВЕЛЪ
АННА 2-я
за Кулябко
МАРФА
за Кочубеемъ
МАРІЯ
за Андр. Дмитріевичемъ
Горленко
АНДРЕЙ
жена Марія Даниловна
Апостолъ
АННА
за генераломъ
Ег. Ив. Шевичемъ
СОФІЯ
за генераломъ
Депрерадовичемъ
ТАТЬЯНА
за хорватомъ
УЛЬЯНА
за княземъ
Жеваховымъ
СВ. ІОАСАФЪ
Святитель Бѣлогородскій
МИХАИЛЪ
монахъ
АНДРЕЙ
ГРИГОРІЙ
ПАВЕЛЪ
УЛЬЯНА
за Марковичъ
МАРФА
за Старженко
ПРАСКОВЬЯ
за Квитко
УЛЬЯНА ЕГОРОВНА ШЕВИЧЪ
за полковникомъ
Аѳанасіемъ Григорьевичемъ Булацель
МАРІЯ
за Милорадовичъ
УЛЬЯНА
за гр. Девьеръ
СОФІЯ
за Хаменко
АННА
за гр. Девьеръ
ВАРВАРА
за гр. Гудовичъ
НИКОЛАЙ БУЛАЦЕЛЬ
полковникъ
Л. Гв. Кавалергардскаго полка
ФЕДОРЪ
Славяносербск. Уѣздн. Предв. Дворянства
ПАВЕЛЪ БУЛАЦЕЛЬ
Прис. Повѣренный

третья сестра Ульяна—за сербскимъ генераломъ Михаиломъ Стояновымъ, принявшимъ русское подданство при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. У Михаила Ивановича Стоянова были четыре дочери: Анна Михайловна, вышедшая замужъ за генералъ-аншефа Егора Ивановича Шевича, Софія Михайловна—за генерала Ивана Родіоновича Депрерадовича, Татьяна Михайловна—за генерала Хорвата и Ульяна Михайловна—за князя Жевахо. Дочь Анны Михайловны Шевичъ, Ульяна Егоровна Шевичъ, двоюродная *племянница святителя Іоасафа*, вышла замужъ за помѣщика Екатеринославской губерніи полковника Аѳанасія Григорьевича Булацеля, отъ котораго по прямой линіи происходитъ выдвинувшійся въ смутное время 1905 года своею неустрашимою защитою православной вѣры и царскаго самодержавія присяжный повѣренный Павелъ Ѳедоровичъ Булацель.

Отъ Софіи Михайловны Стояновой, вышедшей замужъ за ген. Депрерадовича, и ведутъ родство съ святителемъ Іоасафомъ, уже по отдаленнымъ боковымъ линіямъ, Герсевановы, Нилусъ, Яхонтовы, графы Толстые, Катеринчъ, графы Подгоричани-Петровичъ; а кромѣ того въ еще болѣе отдаленномъ родствѣ съ святителемъ Іоасафомъ Бѣлгородскимъ находятся также Майдрыки, Галаганы, князья Баратовы и Лизогубы.

«Малая Николаевка». Имѣніе, принадлежавшее дѣду Павла Ѳедоровича Булацеля, полковнику Кавалергардскаго полка Николаю Аѳанасьевичу Булацелю въ Славяносербскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. Въ этомъ имѣніи родился 29-го іюня 1867 года П. Ѳ. Булацель.

Дѣло варшавской офицерской пріемной комиссіи.

21 февраля 1912 года въ Варшавскомъ военно-окружномъ судѣ началось разсмотрѣніе дѣла о предсѣдателѣ варшавской пріемной комиссіи полковникѣ Дубровинѣ, помощникѣ его полковникѣ Аничковѣ и членахъ той же комиссіи штабсъ-капитанѣ Павловѣ, подполковникѣ Краевскомъ, подполковникѣ Рыбинцевѣ, полковникѣ Лопатинѣ, капитанѣ Веловичѣ, ротмистрѣ Гришевѣ, штабсъ-капитанахъ: Виватовскомъ, Винятскомъ, Галяховскомъ, Гончаровѣ, Займеновскомъ, Здравомысловѣ, Кончевкѣ, Коношенко-Котовѣ, Коняхинѣ, Мещерскомъ, Михайликовскомъ, Соколовѣ, Третьяковѣ, Хруцкомъ, поручикахъ: Амонтовѣ, Андреевѣ, Поджіо, Сорокинѣ, Цомая и Шова. а также о техникахъ той же комиссіи Анучинѣ, Адамовичѣ и Мыслинѣ.

Обвинительный актъ въ 382 печатныхъ страницы читается три дня двумя секретарями. Составленъ этотъ длиннѣйшій обв. актъ на основаніи предварительнаго слѣдствія, произведеннаго ревизующимъ сенаторомъ Д. Б. Нейдгартомъ и военно-судебными слѣдователями подполков. Перецомъ, подполк. Городецкимъ и шт.-капит. Савчинскимъ. Предварительное слѣдствіе составило 52 огромныхъ тома. На судъ вызвано болѣе 150 человѣкъ свидѣтелей, изъ коихъ явилось около ста человѣкъ.

Обвиненіе поддерживалъ творецъ обвинительнаго акта, помощникъ военнаго прокурора подполковникъ Болдескулъ и самъ военный прокуроръ генералъ-майоръ Казначеевъ.

Предсѣдательствовалъ въ военномъ судѣ предсѣдатель Варшавскаго окружнаго суда генералъ-лейтенантъ Креховецкій-Ющенко. Въ составѣ военно-окружнаго суда находились постоянный членъ суда генералъ-майоръ Козіолкинъ и временные судьи: генералъ-лейтенантъ Зедергольмъ, генералъ-майоръ Любарскій, генералъ-майоръ Богацкій и герой послѣдней Японской войны полковникъ Мадритовъ.

Защита подсудимыхъ была блестяще представлена въ лицѣ лучшихъ силъ варшавской адвокатуры, а именно присяжныхъ повѣренныхъ: Пеловскаго (сына), Новодворскаго, Этингера (отца и сына), Пашескаго, Кіенскаго, пом. прис. пов. Вальца, Якубовскаго, а также военными защитниками капитанами: Придинскимъ, Корсакомъ, Рыбаковымъ и выдающимся ораторомъ полковникомъ Ремпшевскимъ. Подсудимаго полковника Ю. С. Аничкова защищалъ присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель.

По обвинительному акту ко всѣмъ подсудимымъ предъявлено обвиненіе по 13 и 378 ст. улож. о наказ. въ томъ, что они будто бы «съ 12 мая 1905 года по 25 іюня 1910 года, будучи обязаны принимать отъ поставщиковъ Шая Штабзыба, Давида Френкеля, Хаскеля Марксона, Хаима Новицкаго, Давида Мазеля, Узданскихъ и другихъ сапоги, сукна и другія вещи для войскъ, по предварительному между собою соглашенію, къ каковому каждый изъ нихъ присоединялся по вступленіи въ исполненіе своей должности, подъ угрозою браковки годнаго къ пріему товара и замедленія самаго пріема—вымогали отъ поставщиковъ каждому изъ нихъ денежнаго вознагражденія»... При этомъ въ обвинительномъ актѣ со словъ будто бы свидѣтеля Давида Френкеля, Гурвича и другихъ нѣсколько разъ въ различныхъ мѣстахъ упоминается, что всѣ офицеры пріемной комиссіи составляли «компанію вымогателей», «грабителей» и т. п., что это «бурбоны», «форменные вымогатели», а нижніе чины, служившіе у нихъ, «компанія хулигановъ» и т. п. Въ частности же къ полковнику Ю. С. Аничкову предъявлено было обвиненіе въ томъ, что онъ будто бы отъ Хаскеля Марксона, Мечика *и другихъ* получилъ путемъ вымогательства 33,862 руб. Однако на судѣ подъ присягою Мечикъ заявилъ, что никогда ни одной копейки не платилъ полковнику Аничкову и никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы полковникъ Аничковъ отъ кого-либо изъ поставщиковъ принималъ взятки или какія-либо деньги. Цѣлый рядъ свидѣтелей на судѣ подтвердили, что полковникъ Аничковъ былъ очень строгъ, исполнителенъ и даже придирчивъ, но отказывался отъ всякихъ подношеній, которыя ему предлагали Шая Зингеръ, Гурландъ, Минцбергъ и другіе.

Свидѣтель же Хаскель Марксонъ не явился въ судъ, приславъ изъ Ниццы телеграму о томъ, что нездоровье не позволяетъ ему пріѣхать въ Варшаву ко дню разбора дѣла.

Протоколы допроса Марксона, составленные чиновниками ревизующаго сенатора и судебнымъ слѣдователемъ шт.-кап. Савчинскимъ, были прочитаны на судѣ на основаніи ст. 797 воен. суд. уст. Въ этихъ протоколахъ Хаскель Марксонъ оговаривалъ всѣхъ офицеровъ и увѣрялъ, что раздавалъ огромныя взятки, которыя ставилъ въ счетъ своимъ компаніонамъ, отмѣчая въ книгахъ эти взятки на разные псевдонимы: напримѣръ, поставлено въ счетъ два раза по тристa рублей нѣкоему «Абрамсону», подъ каковымъ именемъ, по увѣренію Марксона, подразумѣвался полковникъ Аничковъ...

Среди разныхъ бумагъ, отобранныхъ по обыску у полковника Аничкова, имѣются слѣдующія записи:

«Бѣлье у Новинскаго, масса брака за недомѣръ и вообще плохую работу, но онъ не только не огорченъ бракомъ, а напротивъ — проситъ побольше его, т. к. весь бракъ сдаетъ въ войска, которыя берутъ все охотно».

«Что техникъ играетъ дуэтъ съ Дубровинымъ, меня не удивляетъ, ибо они спѣлись уже давно, но что Павловъ тянетъ туда же, это меня поражаетъ. Я думалъ не ихъ поля ягода, къ сожалѣнію, ошибаюсь: онъ изъ молодыхъ да ранній, или же примѣръ Дубровина и техника его заразилъ, и изъ дуэта составился тріумвиратъ».

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, на предварит. слѣд. полк. Аничковъ виновнымъ себя не призналъ.

Главные свидѣтели, выставленные со стороны обвиненія, одинъ за другимъ опровергаютъ на судѣ весь обвинительный матеріалъ, добытый сенаторскою ревизіею противъ офицеровъ.

Заявленія на судѣ свидѣтеля Шая Штабзыба и Давида Френкеля производятъ настоящую сенсацію.

Первымъ допрашивается Шая Штабзыбъ. Это приземистый робкій человѣкъ, въ очкахъ. Передъ показаніемъ заявляетъ, что плохо говоритъ и понимаетъ по-русски, и на помощь ему приходитъ переводчикъ.

Свидѣтель на вопросъ предсѣдателя неохотно и весьма осторожно отвѣчаетъ, что былъ сдатчикомъ разнаго товара разныхъ фирмъ (Брюханова, Блюмки, Эпштейна, Любовскаго и др.), какъ по довѣренности послѣднихъ, такъ и отъ своего собственнаго имени. Сумма товара, доставленнаго имъ за свой общій счетъ, достигаетъ 300 тысячъ руб.

Прокуроръ. —Приходилось ли вамъ уплачивать деньги членамъ варшавской пріемной комиссіи?

Свидѣтель. — Нѣтъ. Случалось иногда, чиновники брали у меня взаймы мелкія суммы, которыя иные отдавали, иные нѣтъ.

— Слышалъ ли, что существовалъ обычай платить деньги за пріемку товара, иначе хоть золотой товаръ не будетъ принятъ?

— Нѣтъ.

— Какое вознагражденіе вы сами получали отъ фабриканта?

– Въ зависимости отъ товара: 5 до 8 и болѣе проц.

Приходилось ли вамъ платить за пріемъ товаровъ?

— Нѣтъ.

— Знали ли техника Адамовича?

— Зналъ.

– Знали ли, что, если техникъ захочетъ, поворотомъ ручки прибора будетъ забракованъ лучшій товаръ?

— Нѣтъ.

– Не помнитъ ли свидѣтель, что давалъ полковнику Дубровину одну четвертую часть проц.?

— Нѣтъ.

— Можетъ быть, давали крупную сумму?

— Нѣтъ.

— Не платили ли полковнику Краевскому одну четвертую часть проц.?

Процента не платилъ, но иногда давалъ подарки вещами или деньгами, суммами въ 25 руб. и 50 руб.

— За что давали?

– За то, что разрѣшалъ работать сверхъ установленнаго времени.

— Гдѣ вы ему платили деньги?

Посылалъ къ нему на квартиру или въ комиссію, иногда платилъ ему на дворѣ склада. Да подполковникъ Краевскій не дѣлалъ изъ этого тайны.

— Если бы вы не давали подарковъ, подполковникъ Краевскій не работалъ бы?

— Вѣроятно сверхъ нормы не работалъ бы...

– Не помните ли, чтобы подполковникъ Краевскій требовалъ денегъ?

— Нѣтъ.

Прокуроръ спрашиваетъ свидѣтеля, не давалъ ли онъ проц. цѣлому ряду офицеровъ, членовъ пріемной комиссіи, на что слѣдуетъ отвѣтъ:— нѣтъ.

Свидѣтель лишь признаетъ, что давалъ иногда технику Адамовичу по 25 и 50 руб. за сверхсрочную работу.

Въ виду полнаго разнорѣчія и запамятованія свидѣтеля, оглашаются показанія, данныя имъ на предварительномъ слѣдствіи. Въ этихъ показаніяхъ свидѣтель подробно перечисляетъ лицъ, бравшихъ за пріемъ товаровъ отъ 1/4 до 1 3/4 проц.

За 4 года своей практики свидѣтель помнитъ лишь двухъ не бравшихъ взятокъ офицеровъ, а именно: подполковника Юльева и капитана Берсоцкаго.

Свидѣтель въ одномъ изъ своихъ показаній съ похвалой отзывается о предсѣдателѣ пріемной комиссіи, полковникѣ Дубровинѣ, который никогда не требовалъ денегъ, не вымогалъ, а бралъ сколько давали. Свидѣтель пользовался его добротою и давалъ ему всего одну четверть проц.

Зато свидѣтель въ показаніи слѣдователю не щадитъ техника Адамовича, котораго называетъ вымогателемъ, дѣлавшимъ всякія придирки. Другимъ членамъ комиссіи онъ платилъ по одной четверти проц. за ткань и половину проц. за сапоги.

Но отъ всѣхъ этихъ показаній свидѣтель настойчиво отказывается, заявляя, что во время допроса находился въ страшно угнетенномъ состояніи, такъ какъ чиновники, допрашивавшіе его, угрожали ему тюрьмой, если онъ не скажетъ, что давалъ взятки.

Свидѣтель плачетъ и прибавляетъ, что онъ семейный человѣкъ и подъ угрозой лишенія свободы онъ взвелъ бы обвиненіе на родного отца.

Заявленіе это вызываетъ въ залѣ движеніе.

Защитникъ прис. пов. Этингеръ проситъ занести это заявленіе въ протоколъ.

Прис. пов. Булацель проситъ занести въ протоколъ, что оглашеніе показаній свидѣтеля произошло до опроса его защитниками.

Оба ходатайства заносятся въ протоколъ.

Еще большую сенсацію производитъ появленіе второго сдатчика, Френкеля.

Это еще очень молодой человѣкъ, чрезвычайно развязный и очень смѣлый. Говоритъ крикливо, стараясь декламировать и выражаться высокимъ стилемъ».

Онъ начинаетъ свое показаніе слѣдующимъ важнымъ вступленіемъ:

— Раньше всего я долженъ выяснить роль, какую я игралъ въ сенаторской ревизіи...

- Разскажите, что знаете по дѣлу.—охлаждаетъ его пылъ предсѣдатель.

Братъ мой, Леонтій Френкель, —начинаетъ свидѣтель. - предложилъ мнѣ взять на себя все дѣло поставки, но я согласился лишь на роль приказчика-сдатчика товара, веденіе же денежныхъ дѣлъ и расчетовъ я оставилъ за братомъ. Когда въ Варшавѣ появилась сенаторская ревизія, въ городѣ разнеслась молва, что я являюсь главнымъ ея руководителемъ... то-есть, доносчикомъ. Въ газетахъ даже печатали, что я прихожу на квартиры къ интендантскимъ чиновникамъ и вымогаю у нихъ деньги, предлагая имъ откупиться отъ моихъ доносовъ. Это ложь. Основаніемъ къ допросу меня по настоящему дѣлу послужилъ анонимный доносъ отъ моего имени, что я будто бы зналъ, кто и сколько бралъ взятки. И вотъ, испугавшись 380 ст., которою мнѣ угрожали сенаторскіе чиновники, я, боясь быть осужденнымъ за лихоимство, согласился дать требуемое отъ меня

показаніе. Что же касается цифръ взятокъ, найденныхъ въ моей записной книжкѣ, то я ихъ туда записъ по приказанію брата и далъ ли онъ кому-либо—не знаю. Я лично не далъ никому ни копейки.

Прокуроръ. — Разскажите, свидѣтель, о порядкахъ, какіе существовали при сдачѣ товара.

— Я игралъ такую ничтожную роль, что ни о какихъ порядкахъ знать не могу. Это все сенаторскій чиновникъ, тов. прок. Бусло: онъ такой фантазеръ, настоящій поэтъ!..

Предсѣдатель прерываетъ этотъ потокъ краснорѣчія.

Я даю общую картину сенаторской ревизіи! важно заявляетъ свидѣтель.

Но этотъ художественный подъемъ свидѣтель все-таки долженъ оставить.

— Часто васъ допрашивали?—спрашиваетъ прис пов. Этингеръ.

— Въ теченіе двухъ недѣль ежедневно. Сначала допрашивалъ меня секретарь Дмитріевъ, а потомъ тов. прок. Бусло, который *требовалъ* признанія, что цифры, занесенныя въ мою книжку, это тѣ суммы, которыя я лично давалъ офицерамъ.

На вопросъ прис. пов. Этингера свидѣтель соглашается, что весьма возможно, что братъ его показалъ эти цифры, дабы оправдаться передъ довѣрителями въ недостачѣ денегъ.

Свидѣтель, вспомнивая цифры, приходитъ въ возмущеніе отъ мысли, что такіе идеально-честные офицеры, какъ Соколовъ и др., брали будто взятки.

Заканчиваетъ свое возмущеніе характеристикой сдатчиковъ, которые обогащаются на счетъ другихъ; лучшимъ доказательствомъ является братъ свидѣтеля, сдатчикъ Леонтій Френкель, нажившій въ послѣднее время 3.000,000 руб.

Нѣкоторыя части своихъ показаній Френкель прямо приписываетъ авторству Бусло. Такъ, онъ совершенно отрицаетъ, будто говорилъ чиновнику сенаторской ревизіи, что соглашенія о размѣрѣ взятокъ между сдатчиками и пріемщиками происходили *въ клозетѣ*.

Послѣ прочтенія этого показанія, по ходатайству прокурора, свидѣтелю предъявляется его подпись на показаніи, которую онъ признаетъ своею.

Прокуроръ. — Какъ вы попали къ Бусло?

— Онъ меня зналъ по кіевской ревизіи.

Какъ происходилъ допросъ: Бусло вамъ задавалъ вопросы, а вы отвѣчали?

— Да.

— Говорилъ онъ вамъ о присягѣ?

— Нѣтъ, онъ мнѣ говорилъ больше о тюрьмѣ...

— А фамиліи лицъ Бусло самъ написалъ?

Фамиліи находились въ книжкѣ, взятой у меня на квартирѣ при обыскѣ.

Прис. пов. Булацель. —Скажите, свидѣтель: выраженіе «грабители» принадлежитъ не вамъ,—вы развѣ позволите себѣ называть боевыхъ русскихъ офицеровъ грабителями?

—Нѣтъ, это чиновники ихъ такъ называли, а я подписалъ протоколъ.

Затѣмъ допрашиваются одинъ за другимъ свидѣтели Абрамъ Кустинъ, Иссерсонъ, Брехманъ, Эфросъ, Пинесъ, Люксенбургъ, Гурландъ, Гурвичъ,

Маркусъ Ризманъ, Минцбергъ, Трояновскій, Мазель, Мечикъ, Ривка и Хаимъ Кисины, Мейеръ Шафитъ, Шая Зингеръ, Давидъ Геллеръ, Шая Гингольдъ, Мордухъ Липовскій, Абрамъ Графъ, Рафелькесъ и другіе.

Всѣ эти свидѣтели, которые на предварительномъ слѣдствіи называли имена «бравшихъ» и цифры данныхъ взятокъ, теперь, послѣ принятія присяги, подходятъ къ судейскому столу и въ одинъ голосъ отказываются отъ всѣхъ своихъ обвиненій и убійственныхъ характеристикъ подсудимыхъ, которыя ими съ такой легкостью и граціей дѣлались во всѣхъ стадіяхъ предварительнаго слѣдствія.

Молодой глава милліонной фирмы Трояновскій объясняетъ причину отказа отъ своихъ показаній такими прозаическими обстоятельствами.

Дѣла его требовали его постояннаго пребыванія въ Петербургѣ. Однажды ночью, когда онъ со своимъ секретаремъ занимался дѣлами, въ его номеръ (въ Европейской гостиницѣ) постучались. Непрошенными гостями оказались чиновники сенаторской ревизіи, которые набросились на бумаги и забрали все, что у него было писаннаго. Даже фотографическую карточку жены хотѣли отнять, но свидѣтель ужъ этого не далъ. Когда онъ возвратился въ Варшаву, онъ узналъ, что и дома у него былъ обыскъ. Жена была въ слезахъ, слухи по городу шли о предстоящихъ арестахъ поставщиковъ, нервы были истрепаны, страхъ обуялъ всѣхъ... Шутка ли, вѣдь въ интендантскомъ дѣлѣ были ихъ милліоны!.. Вотъ при этомъ настроеніи спасеніемъ явились показанія противъ членовъ пріемной комиссіи... *На самомъ же дѣлѣ свидѣтель никому* никогда никакихъ взятокъ *не давалъ*; если и давались вознагражденія, то этимъ занимался его компаніонъ Марксонъ.

Прокуроръ.—Когда былъ у васъ первый обыскъ?

— 1-го апрѣля 1910 г.

— А показанія вы вѣдь давали спустя полгода и больше, — неужели и тогда еще волновались?

— Мы и теперь еще нервничаемъ и волнуемся.

Присяжному повѣренному Булацелю свидѣтель объясняетъ, что полковнику Аничкову никакихъ денегъ не давалъ и разъ былъ свидѣтелемъ, какъ полковникъ Аничковъ выбѣжалъ изъ своего кабинета взволнованный и, указывая на поставщика сапогъ Минцберга, сказалъ: Этотъ мерзавецъ хотѣлъ мнѣ дать взятку!»

Полковникъ же Аничковъ по поводу этого показанія объяснилъ, что Минцбергъ былъ имъ уличенъ не въ поставкѣ сапогъ съ кривыми каблуками, а въ мошенничествѣ, заключавшемся въ томъ, что въ нѣкоторыхъ сапогахъ подрѣзы были замазаны воскомъ и закрашены. Поэтому Минцбергъ, прося прощенія, и предложилъ ему, Аничкову, взятку, за что и былъ выгнанъ.

Послѣ Минцберга къ судейскому столу былъ вызванъ свидѣтель Іосифъ Гурвичъ, одинъ изъ той большой плеяды свидѣтелей, на которыхъ сенаторская ревизія нагнала такого страху, что они наговорили сенаторскимъ чиновникамъ съ три короба, отъ чего только теперь, обрѣвъ, наконецъ, душевное равновѣсіе, стали храбро отрекаться. Свидѣтель этотъ гражданинъ гор. Гродны, съ которымъ во время допроса его сенаторскимъ чиновникомъ отъ страха произошелъ первый припадокъ.

Такъ какъ свидѣтель въ своихъ отвѣтахъ на вопросы прокурора отрицалъ большинство фактовъ, о которыхъ онъ говорилъ на предварительномъ

слѣдствіи. былъ оглашенъ цѣлый рядъ его показаній, въ которыхъ онъ перечислялъ по имени длинный рядъ лицъ, которымъ давалъ деньги.

Какъ уже было сказано выше, свидѣтель объясняетъ тѣ показанія нервнымъ потрясеніемъ, вызваннымъ обращеніемъ съ нимъ чиновника сенаторской ревизіи, который заявилъ ему: «я у васъ вырву показаніе!». Вызванное этимъ обращеніемъ настроеніе и привело свидѣтеля къ рѣшенію, что «своя рубашка ближе къ тѣлу», и онъ показалъ то, что было нужно чиновникамъ, догадавшись объ этомъ изъ ихъ разговоровъ и намековъ.

Предсѣдатель.—Значитъ, все, что вы показывали на предварительномъ слѣдствіи, ложь?

– Да приходилось лгать, потому что своя рубашка ближе къ тѣлу...

Свидѣтель Соломонъ Гурландъ объясняетъ, что никогда никому изъ привлеченныхъ членовъ пріемной комиссіи подарковъ не дѣлалъ, за исключеніемъ подполковника Лопатина, женѣ котораго онъ подарилъ кольцо стоимостью рублей въ 150—200. Кольцо это Гурландъ подарилъ въ благодарность за то, что подполк. Лопатинъ обуздалъ распущенныхъ рабочихъ, тормозившихъ сдачу подряда.

Въ виду разнорѣчій въ показаніяхъ свидѣтеля на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, прочитываются его первоначальныя показанія.

По прочтеніи показаній свидѣтеля прокуроръ задастъ ему вопросъ, почему онъ на предварительномъ слѣдствіи взводилъ обвиненія на подсудимыхъ.

Мнѣ грозили, что я буду привлеченъ къ суду, что меня лишатъ свободы, у меня былъ произведенъ обыскъ, мнѣ читали показанія свидѣтелей, показывавшихъ до меня, кажется Эфроса, –однимъ словомъ, меня гипнотизировали. Подъ вліяніемъ гипноза я и подписалъ свое показаніе.

Прокуроръ. —Вы называли въ показаніяхъ подсудимыхъ по фамиліямъ; эти фамиліи вы тоже узнали подъ гипнозомъ?

Свидѣтель Гурландъ. — Мнѣ прочитали списокъ фамилій офицеровъ, служившихъ въ пріемной комиссіи, и требовали, чтобы я сказалъ, что они вымогали взятки. Но многихъ изъ этихъ офицеровъ я никогда не видалъ въ глаза...

Прокуроръ. –Обыскъ у васъ былъ произведенъ 1 и 2 апрѣля 1910 г., показанія же у слѣдователя вы давали годъ спустя. Неужели же вы весь годъ находились подъ вліяніемъ обыска?

Свидѣтель. — Я и сейчасъ еще волнуюсь, когда вспомню объ этомъ обыскѣ.

Прокуроръ. — Но какъ же вы могли подъ вліяніемъ страха оговаривать ни въ чемъ не повинныхъ людей? Вѣдь вы знали, что ихъ арестуютъ?

Свидѣтель.—Когда мнѣ самому грозили лишеніемъ свободы, то я готовъ былъ оговорить родного брата...

Предсѣдатель. — А если бы какой-нибудь мировой судья подъ угрозой лишенія свободы предложилъ вамъ показать, что такой-то укралъ у васъ кошелекъ, вы бы тоже въ мировомъ съѣздѣ ложно оговорили ни въ чемъ не повиннаго?

Свидѣтель. — Я человѣкъ коммерческій, законовъ не знаю, тѣмъ болѣе военныхъ законовъ.

Прис. пов. Булацель проситъ занести въ протоколъ этотъ вопросъ предсѣдателя и отвѣтъ на него свидѣтеля.

Предсѣдатель. — А какой мотивъ этого вашего ходатайства?

Прис. пов. Булацель. —Мотивъ тотъ, что статья 863 воен. суд. уст. и разъяснение Главн. Военнаго Суда 1891 г. номеръ 15 воспрещаютъ предсѣдателю предлагать свидѣтелямъ вопросы, клонящіеся къ тому, чтобы свидѣтель сознавался бы, что онъ способенъ совершить преступленіе.

Предсѣдатель. — Я нахожу это ваше ходатайство лишнимъ.

Прис. пов. Булацель. – Въ такомъ случаѣ на основаніи статьи 787 воен. суд. уст. я обращаюсь ко всему составу суда и прошу удостовѣрить въ протоколѣ, что предсѣдатель предложилъ свидѣтелю вопросъ въ вышеприведенной редакціи, и что я ходатайствовалъ о занесеніи этого въ протоколъ.

Предсѣдатель (по совѣщаніи съ судьями). – Судъ постановилъ занести въ протоколъ заявленіе присяжнаго повѣреннаго Булацеля.

Слѣдующимъ показываетъ довѣренный фирмы Трембинскій и Трояновскій—Карлъ Шнейдеръ. Никогда, никому, ничего онъ не давалъ и ничего онъ не знаетъ. Ему прочитываются его первоначальныя показанія. Затѣмъ слѣдуютъ тѣ же вопросы, что и предыдущему свидѣтелю: чѣмъ объясняются его первоначальныя показанія у чиновъ сенаторской ревизіи.

Свидѣтель отвѣчаетъ, какъ и предыдущій, что онъ боялся угрозъ быть арестованнымъ, преданнымъ суду и т. д.

Послѣ допроса этого свидѣтеля прис. пов. Этингеръ обращаетъ вниманіе суда на то обстоятельство, что въ обвинительномъ актѣ на 256 стр. внесены показанія свидѣтеля Шнейдера, которыхъ нѣтъ въ слѣдственныхъ актахъ. Прокуроръ разъясняетъ, что показанія эти имѣются въ слѣдственныхъ актахъ, но даны они не Шнейдеромъ, а свидѣтелемъ Маркусомъ Ризманомъ, фамилія же Шнейдера въ обвинительномъ актѣ является просто опечаткой.

Свидѣтель Маркусъ Ризманъ служитъ довѣреннымъ фирмы Марксонъ. Онъ самымъ категорическимъ образомъ отказывается отъ своихъ первоначальныхъ показаній, заявляя, что въ сенаторской ревизіи и у судебнаго слѣдователя онъ говорилъ неправду.

«Случалось, что чиновники занимали у меня рублей по 100, но этимъ господамъ, - указывая въ сторону подсудимыхъ, — я никогда ничего не давалъ».

Прис. пов. Булацель проситъ судъ обратить вниманіе на показаніе Маркуса Ризмана, что его хозяинъ Марксонъ записывалъ въ свою книжечку разные расходы на псевдонимы, но свидѣтель не знаетъ, скрывались ли подъ этими псевдонимами чины пріемной комиссіи.

Прис. пов. Этингеръ проситъ обратить вниманіе на показаніе, что свидѣтель самъ взятокъ не давалъ и по своему положенію вообще давать взятокъ не могъ.

Совершенно въ томъ же духѣ показываетъ братъ Маркуса Ризмана—Максъ. О вознагражденіяхъ членовъ пріемной комиссіи онъ ничего не знаетъ. Однажды, узнавъ, что членамъ пріемной комиссіи не уплачены суточныя, онъ предложилъ нѣкоторымъ изъ нихъ въ запечатанныхъ конвертахъ рублей по 25—30; но члены пріемной комиссіи не только отказались принять взаймы эти деньги, но даже обидѣлись предложеніемъ свидѣтеля.

Прис. пов. Булацель обращаетъ вниманіе суда на тотъ фактъ, что Максъ Ризманъ во время сенаторской ревизіи ссылался, что онъ о взяткахъ интендантамъ слышалъ отъ своего брата Маркуса. Между тѣмъ Маркусъ Ризманъ

на судѣ подъ присягою удостовѣрилъ, что онъ самъ взятокъ не давалъ, а слышалъ объ этомъ отъ другихъ.

Предсѣдатель предлагаетъ защитнику не сопоставлять свидѣтельскихъ показаній и не дѣлать изъ этихъ сопоставленій выводовъ.

Эдуардъ Мешке, бухгалтеръ фирмы бр. Шфейферъ и Темлеръ, заявляетъ, что онъ не зналъ, куда расходуются суммы, записывшіяся въ рубрику «Расходы сдатчика Бутляра». Статья «Расходы Бутляра» существуетъ и нынѣ.

Оживленіе вносятъ показанія довѣреннаго торговаго дома бр. Уздан-скихъ, Эфроса.

Онъ сразу начинаетъ съ заявленія, что всѣ свои показанія въ сенаторской ревизіи и у судебнаго слѣдователя онъ давалъ подъ страхомъ угрозъ. «*Когда я въ первый разъ явился въ магистратъ* (чины сенаторской ревизіи работали въ помѣщеніи, отведенномъ для нихъ у оберъ-полицеймейстера), *я видѣлъ, какъ чины сенаторской ревизіи набрасывались на поставщиковъ. Намъ грозили тамъ арестомъ, если мы не покажемъ, что давали взятки чинамъ интендантства. Я самъ видѣлъ, какъ чины сенаторской ревизіи угрожали кулаками свидѣтелю Гурвичу и другимъ въ то время».*

Прокуроръ проситъ это показаніе свидѣтеля Эфроса занести въ протоколъ и копію протокола съ этимъ показаніемъ препроводить прокурору гражданскаго суда на зависящее распоряженіе.

Прис. пов. Этингеръ протестуетъ противъ этого заявленія прокурора, послѣдовавшаго до окончательнаго выслушанія показаній свидѣтеля.

По ходатайству прокурора, прочитываются показанія Эфроса на дозна-ніи чиновъ ревизіи и у судебнаго слѣдователя. Оказывается, что именно этотъ свидѣтель ревниво всѣхъ обвинялъ интендантовъ, приводя цѣлый рядъ подробныхъ фактовъ и называя бравшихъ взятки по фамиліямъ. Между прочимъ, свид. Эфросъ разсказывалъ, что для «конспиративныхъ» разговоровъ поставщики съ интендантами уединялись въ... клозетѣ.

По окончаніи чтенія слѣдуетъ привычный уже отказъ свидѣтеля отъ своихъ предварительныхъ показаній съ заявленіемъ, что судебный слѣдо-ватель записывалъ дѣйствительно то, что говорилъ свидѣтель, но онъ го-ворилъ тогда неправду...

Прис. пов. Булацель отказывается задавать вопросы свидѣтелю на томъ основаніи, что прокуроръ своимъ заявленіемъ о препровожденіи копіи про-токола показаній свидѣтеля прокурору гражданскаго суда опорочилъ его показанія, обвиняя его въ лжесвидѣтельствѣ.

Къ отказу прис. пов. Булацеля присоединяются и остальные за-щитники.

Предсѣдатель разъясняетъ защитникамъ, что заявленіе прокурора не опорочиваетъ свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ неизвѣстно для чего прокуроръ предложилъ препроводить копію показаній свидѣтеля прокурору гражданскаго суда —для того ли, чтобы обвинить Эфроса въ лжесвидѣтель-ствѣ или же чиновъ ревизіи въ примѣненіи незаконныхъ мѣръ при дознаніи.

Допрашиваются еще два свидѣтеля Нейсахъ Гольдвассеръ, поставлявшій фуражки для фирмы Маркона. Мордухъ Мечикъ, поставлявшій бѣлье для «Центральныхъ мастерскихъ».

Они не только никогда никому ничего не давали, но и не знаютъ даже того, чтобы кто-либо давалъ взятки интендантамъ.

Причину оговора на предварительномъ слѣдствіи свид. Мечикъ объясняетъ страхомъ передъ угрозами быть арестованнымъ.

Въ заключеніе г. Мечикъ поясняетъ, что если онъ и говорилъ у судебнаго слѣдователя о подаркахъ членамъ пріемной комиссіи, то это былъ «одинъ только звукъ», т. е., что онъ слышалъ объ этомъ отъ другихъ и эти свѣдѣнія дошли до него «черезъ десятыя руки»...

Свид. Шая Зингеръ былъ закройщикомъ бѣлья у Мазеля и Новинскаго. Кроили тамъ по описанію. Въ «Домѣ трудолюбія» замѣчалъ неправильный раскрой. Свидѣтель однажды также сдавалъ партію сапогъ въ 10 тыс. паръ, но ихъ сильно браковали. Тогда онъ обратился къ полковнику Аничкову съ мольбой принять отъ него сапоги и предлагалъ ему свой бумажникъ, въ которомъ находилось болѣе тысячи рублей денегъ, но онъ наотрѣзъ отказался.

Прис. пов. Папескій.—А шт.-кап. Павлову предлагали деньги?

— Предлагалъ, но онъ тоже отказался.

Допрашиваются супруги Хаимъ и Ривка Киспны. Они поставляли небольшое количество бѣлья. Судебному слѣдователю показывали, что полковникъ Аничковъ придирался къ нимъ за то, что они ни ему и никому вообще не платили. Въ отместку полковникъ Аничковъ порвалъ имъ штукъ 600 бѣлья не по шву, а по матеріи. Теперь они отъ этого показанія отказались, заявивъ, что были въ испугѣ и подписали то, что имъ подали къ подписи.

Заявленіе заносится въ протоколъ.

Полковникъ Аничковъ по поводу этихъ показаній объясняетъ, что ихъ было порвано не 600, а 800 штукъ, такъ какъ, служа Государю Императору, онъ не долженъ былъ задумываться надъ тѣмъ, что, разрывая негодное бѣлье, онъ причиняетъ убытки поставщику.

Не лишеннымъ интереса является свидѣтель Давидъ Геллеръ, одинъ изъ членовъ варшавскаго общества домовъ трудолюбія. Интересуясь судьбой общества, свидѣтель наблюдалъ за его дѣятельностью по поставкѣ въ интендантство вещей, выполненіемъ которой завѣдывали Марксонъ и др., на правахъ уполномоченнаго отъ правленія общества. Свидѣтель не можетъ хладнокровно говорить о дѣятельности господъ Марксона и К°, которые, взявшись за дѣло подъ флагомъ филантропіи, сумѣли положить въ карманы сотни тысячъ. И для того, чтобы обмануть бдительность правленія домовъ трудолюбія, Марксонъ и К° вели двойныя книги: для себя и для домовъ трудолюбія; въ послѣднихъ обыкновенно показывался увеличенный расходъ, который шелъ въ карманъ поставщиковъ. Другія книги, которыя велись «для себя», были уничтожены. Свидѣтеля до того возмущала дѣятельность «филантроповъ», что онъ жаловался на нихъ начальству и писалъ въ газетахъ... И въ настоящее время, характеризуя дѣятельность дома трудолюбія той эпохи, называетъ его «провокаторскимъ домомъ». Работа тамъ кипѣла, но дома трудолюбія оставались при пиковомъ интересѣ. Была организована большая команда скупщиковъ солдатскаго бѣлья на базарахъ, которое потомъ сдавалось какъ новое въ полки, помимо пріемной комиссіи; кромѣ того скупленныя вещи подкладывались къ уже принятымъ, и это дѣлалось ночью или по утрамъ тайно отъ членовъ пріемной комиссіи.

Тотъ скептицизмъ, съ которымъ всѣ прислушивались къ почти поголовному отказу значительной части свидѣтелей обвиненія отъ показаній,

данныхъ имп чинамъ сенаторской ревизіи, въ значительной степени растаялъ 3 марта отъ показанія одного лишь свидѣтеля, Мовши Гольдфайна, не оставившаго ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности и правдивости своего разсказа.

Свидѣтель этотъ, еще молодой человѣкъ, производитъ впечатлѣніе человѣка свѣтскаго, въ извѣстной степени интеллигентнаго и знающаго себѣ цѣну. Но и этого не труслпваго десятка человѣка сломили, наконецъ, грубость и угрозы чиновника, снимавшаго съ него допросъ, и онъ потомъ ждалъ, какъ спасенія, возможности дать военному слѣдователю показаніе во вредъ членамъ пріемной комиссіи.

Характерно, что свидѣтель этотъ почти полностью подтвердилъ показаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи. Такъ, онъ говоритъ, что однажды, послѣ одной сдачи ткани, далъ подполковнику Краевскому, своему старому знакомому, къ которому ему часто приходилось обращаться съ мелкими просьбами, подарокъ въ размѣрѣ около 100 руб. Технпка же Адамовича онъ просилъ ускорить испытаніе, обѣщавъ при этомъ «поблагодарить» его, но обѣщанія этого не исполнилъ, не находя этого нужнымъ.

Показаніе это у слѣдователя записано нѣсколько иначе. Свидѣтель тамъ объяснилъ, что далъ подполковнику Краевскому 100 руб. не даромъ, а за то, что онъ имѣлъ вліяніе на продсѣдателя пріемной комиссіи, полковника Дубровина; а о техникѣ Адамовичѣ свидѣтель говорилъ, что онъ потомъ требовалъ у свидѣтеля исполненія обѣщанія и, получивъ отказъ, пригрозилъ ему словами: «вы еще попадете ко мнѣ».

Отъ этихъ подробностей свидѣтель отказывается, заявивъ, что они составляютъ догадку самого слѣдователя, на исключеніи которой изъ протокола свидѣтель не настаивалъ, желая скорѣе избавиться отъ всего этого дѣла.

При этомъ свидѣтель разсказываетъ, что чиновникъ сенаторской ревизіи, по фамиліи ему неизвѣстный, пригласивъ его для дачи показанія, потребовалъ у него показанія во вредъ членамъ пріемной комиссіи. Когда же свидѣтель отказался, чиновникъ обозвалъ его мерзавцемъ, нахаломъ и наглецомъ. При этомъ чиновникъ пригрозилъ свидѣтелю, что доложитъ о немъ сенатору Нейдгарту, и онъ сгніетъ въ тюрьмѣ. Когда чиновникъ ушелъ въ другую комнату, оставшійся съ нимъ судебный слѣдователь тоже сталъ его убѣждать сдаться и дать требуемое отъ него показаніе.

Держали свидѣтеля съ 11 ч. утра до 5 ч. пополудни.

— *Это была пытка, а не допросъ!* —заканчиваетъ свидѣтель.

Всю эту часть показанія Гольдфайна судъ постановляетъ занести цѣликомъ въ протоколъ.

Показаніе это произвело въ залѣ суда глубокое впечатлѣніе.

Г-жа Ласовская, квартирная хозяйка полковника Аничкова, показала, что полковникъ однажды выгналъ изъ своей квартиры приходившаго къ нему какого-то еврея, и изъ-за этого были непріятности; потомъ полковникъ приказалъ не пускать къ нему евреевъ и ремесленниковъ.

На вопросъ полковника Аничкова, свидѣтельница подтверждаетъ, что полковникъ нѣсколько разъ въ разговорѣ высказывался, что онъ тяготится службой въ Варшавѣ, такъ какъ семья его жила въ Петербургѣ.

По окончаніи допроса всѣхъ свидѣтелей началось чтеніе различныхъ документовъ и протоколовъ осмотра забракованныхъ вещей. Во время этихъ

слѣдственныхъ дѣйствій все болѣе и болѣе выясняется, что сенаторская ревизія и предварительное слѣдствіе велись вопреки 881 ст. воен. суд. уст. односторонне и предвзято.

Жалобы же на слѣдственныя власти сыплются не только со стороны свидѣтелей, но и со стороны подсудимыхъ, которые то и дѣло указываютъ на отказы слѣдователя въ допросѣ свидѣтелей въ ихъ присутствіи или въ истребованіи того или иного документа или справки и т. п.

Эти жалобы стономъ неслись къ судейскому столу. Нѣкоторые подсудимые увѣряютъ, что ихъ обвиняютъ въ пріемѣ того недоброкачественнаго товара, котораго въ дѣйствительности вовсе не принимали, такъ какъ въ то время они въ пріемной комиссіи *еще* не состояли или *уже* не состояли. А произошло это потому, что слѣдователь бралъ данныя о службѣ ихъ въ пріемной комиссіи и назначеніи въ тотъ или иной отдѣлъ не изъ приказовъ интендантства, а изъ какой-то брошюры о личномъ составѣ варшавскаго окружнаго интендантства, подлиннаго экземпляра которой не оказалось въ дѣлѣ.

Вопросъ этотъ сильно волновалъ заинтересованныхъ подсудимыхъ и ихъ защитниковъ, которыхъ, изъ чувства солидарности, энергично поддерживалъ прис. пов. Булацель, заявившій ходатайство, чтобы брошюра эта была потребована и предъявлена защитѣ для обозрѣнія. Судъ въ ходатайствѣ защиты отказалъ. Объ этомъ, по ходатайству того же г. Булацеля, занесено въ протоколъ.

Послѣ того, какъ по ходатайству одного изъ военныхъ защитниковъ, подполковника Ремишевскаго, были оглашены двѣ блестящія аттестаціи двухъ офицеровъ, штабсъ-капитана Хрущкаго и поручика Поджіо, вдругъ поднимается прис. пов. Булацель и дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

— Пользуясь случаемъ оглашенія двухъ аттестацій, я заодно тоже прошу огласить аттестацію полковника Аничкова, данную евреемъ Гурвичемъ.

Серьезность тона защитника и загадочность заявленія вызвали вопросъ предсѣдателя:

— Какую аттестацію?

— Ту аттестацію, которую на предварительномъ слѣдствіи судеб. слѣдователь шт.-кап. Савчинскій заимствовалъ не у начальства полковника Аничкова, а у еврея Гурвича.

Предсѣдатель — Я васъ не понимаю, о какой вы говорите аттестаціи.

Прис. пов. Булацель—О той аттестаціи, которая въ очень обидной для русскаго полковника формѣ была будто бы дана о немъ Гурвичемъ и со словъ Гурвича попала въ протоколъ суд. слѣд. Савчинскаго и въ обвинительный актъ. Мнѣ остается высказать лишь сожалѣніе, что блестящія аттестаціи высшаго начальства о русскихъ полковникахъ не могутъ быть на судѣ оглашаемы, какъ секретныя, а обидная аттестація, данная Гурвичемъ, записана въ протоколъ и разглашена на всю Россію...

Едва ли дисциплина и достоинство военнаго мундира даютъ право судебнымъ слѣдователямъ приводить такія «отвлеченныя аттестаціи о русскихъ боевыхъ офицерахъ, какія записывалъ въ свои протоколы шт.-кап. Савчинскій.

Предсѣдатель.—Прошу васъ не критиковать дѣйствія суд. слѣдователя и воздержаться отъ пронческихъ заявленій...

Наступаетъ послѣдній моментъ періода «собиранія матеріаловъ», за которымъ долженъ послѣдовать предпослѣдній актъ—подведеніе итоговъ. Защитники торопливо заявляютъ свои послѣднія ходатайства, сокращая ихъ насколько возможно, изъ опасенія показаться надоѣдливыми. Среди подсудимыхъ же замѣчается особенно нервное настроеніе. Придавая, вслѣдствіе своей юридической неосвѣдомленности, особенно большое значеніе своимъ личнымъ объясненіямъ, они боятся упустить моментъ и стараются сказать суду возможно больше. Серію этихъ объясненій начинаетъ шт.-кап. Вивatовскій, старающійся внести поправки въ свое показаніе, данное имъ судебному слѣдователю Савчинскому. Въ этомъ показаніи шт.-кап. Вивatовскій не только признается въ принятіи даровъ, но и оговариваетъ нѣкоторыхъ изъ товарищей. Это, очевидно, страшно угнетаетъ его, и онъ силится доказать, что это неправда, недоразумѣніе, плодъ пережитаго имъ душевнаго потрясенія.

Начинаетъ шт.-кап. Вивatовскій издалека. Вслѣдствіе полученныхъ имъ на войнѣ ранъ, онъ былъ отправленъ въ Варшаву на излѣченіе. Окончивъ курсъ лѣченія на Сакской лѣчебной станціи, онъ былъ освидѣтельствованъ и признанъ годнымъ на нестроевую должность. Вслѣдствіе распоряженія начальства, онъ былъ командированъ на 2 года въ варшавскую пріемную комиссію. Должность эту онъ принужденъ былъ принять, такъ какъ иначе ему грозила отставка. Передъ окончаніемъ этихъ двухъ лѣтъ командировки получилось распоряженіе изъ Петербурга не увольнять его въ отставку, а предоставить ему отыскать себѣ мѣсто по административной части. По собственному ходатайству онъ былъ прикомандированъ къ завѣдывающему передвиженіемъ войскъ, но за отсутствіемъ вакантныхъ должностей въ этомъ вѣдомствѣ былъ назначенъ въ 40 пѣх. полкъ завѣдывающимъ квартирной частью. На этой-то должности и застала его сенаторская ревизія. Но здѣсь у подсудимаго произошло семейное горе: съ отцомъ его, страдавшимъ порокомъ сердца, произошелъ ударъ. Это крайне осложнило его личное служебное несчастіе, такъ какъ онъ боялся, что привлеченіе его къ отвѣтственности добьетъ его горячо любимаго отца. Въ такомъ душевномъ настроеніи онъ явился къ слѣдователю, который сразу ему заявилъ, что всѣ его товарищи подъ ключомъ только зато, что придерживаются тактики отрицанія. При этомъ слѣдователь ему говорилъ: «Вы же были въ комиссіи; если не вымогали, то получали вѣдь вознагражденіе»... Слѣдователь обѣщалъ его оставить на свободѣ и въ полуутвердительномъ тонѣ продолжалъ допросъ о полученныхъ будто бы 10 тысячахъ вознагражденія и проч. Онъ не возражалъ и подписалъ... Въ конечномъ результатѣ, больной отецъ его, узнавъ о привлеченіи сына къ слѣдствію, не перенесъ позора...

Воспоминанія эти вызываютъ у подсудимаго слезы...

Предсѣдатель замѣчаетъ подсудимому, что семейное положеніе никакого отношенія не имѣетъ къ дѣлу.

Подсудимый продолжаетъ:

— По долгу офицера я могу сказать, что показаніе мое слѣдователемъ записано невѣрно. Я не говорилъ о моихъ товарищахъ, что они причастны къ взяткамъ.

Предсѣдатель. — Почему же вы на слѣдствіи не поправили своего показанія, а ждали этого два года до суда?

— Потому, что слѣдователь всегда былъ въ правѣ лишить меня свободы, и я этого боялся...

Послѣднія ходатайства.

По ходатайству защитника шт.-кап. Павлова, прис. пов. Папескаго, читаются его рапорты, поданные имъ своему ближайшему начальству во время его бытности предсѣдателемъ отдѣла пріемной комиссіи. Изъ этихъ рапортовъ видно, что шт.-кап. Павловъ проявлялъ большую творческую дѣятельность, при основательномъ знаніи своего дѣла.

По ходатайству того же защитника, присоединяется къ дѣлу документъ, изъ котораго видно, что капиталы, найденные у Павлова, находились у него еще до поступленія его въ варш. пріемную комиссію.

Послѣднія объясненія.

Штабсъ-капитанъ Випярскій, лишившійся на войнѣ ноги, заявляетъ, что онъ поневолѣ долженъ былъ согласиться принять должность члена пріемной комиссіи, такъ какъ иначе ему пришлось бы уйти въ отставку.

Аналогичныя заявленія дѣлаютъ другіе раненые офицеры, шт.-кап. Соколовъ и поручикъ Цомая. Также и надв. сов. Лучинъ заявляетъ, что онъ не хотѣлъ служить въ комиссіи.

Всѣмъ имъ предсѣдатель объясняетъ, что это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ рѣшительно все равно, по какимъ причинамъ подсудимые служили въ комиссіи—по собственному ли ходатайству или по назначенію начальства.

Всѣ ходатайства и заявленія сторонъ и подсудимыхъ исчерпаны.

Остается лишь одна экспертиза. Но предсѣдатель заявляетъ, что судъ, не нуждаясь въ производствѣ экспертизы, опредѣлилъ экспертизы по дѣлу не производить и освободить экспертовъ.

Штабсъ-капитанъ Павловъ проситъ судъ предъявить ему сапоги, доставленные въ судъ для предполагавшейся экспертизы.

Предсѣдатель заявляетъ, что это совсѣмъ лишнее, ибо экспертизы судъ постановилъ не производить.

Судебное слѣдствіе окончено, судъ приступаетъ къ судебнымъ преніямъ.

Рѣчь прокурора, г.-м. Казначеева.

Господа судьи!

Послѣ трехнедѣльнаго напряженнаго изученія и изслѣдованія въ ширину и глубину всѣхъ обстоятельствъ настоящаго сложнаго дѣла,—наступилъ моментъ подведенія итоговъ видѣнному, слышанному, прочитанному. Я считаю возможнымъ при этомъ быть краткимъ, такъ какъ тотъ интересъ, съ которымъ вы слушали дѣло, и то вниманіе, которое вы удѣляли заявленіямъ сторонъ, даютъ мнѣ основаніе предполагать, что всѣ необходимыя детали дѣла вами уже усвоены.

Я коснусь поэтому только главныхъ сторонъ дѣла и укажу лишь на нѣкоторыя особенности настоящаго процесса.

Благодаря дружной работѣ чиновъ сенаторской ревизіи и военнаго слѣдователя, въ нашемъ распоряженіи имѣется чрезвычайно обширный матеріалъ, на основаніи котораго преданы вашему суду члены варшавской пріемной комиссіи въ числѣ 31 человѣка. Всѣмъ имъ вмѣняются въ вину преступленія по службѣ. Но никто изъ нихъ не призналъ себя виновнымъ.

Они какъ будто слѣдовали опытному указанію, что никогда не слѣдуетъ признаваться. Только одинъ изъ нихъ шт.-кап. Виватовскій узналъ объ этомъ лишь здѣсь, на судѣ. Судебному же слѣдователю онъ очень подробно разсказывалъ о полученныхъ имъ 10 тыс. вознагражденія и проч.

Чтобы назвать и опредѣлить тотъ грѣхъ, который приписывается подсудимымъ, необходимо ознакомиться съ той сферой и обстановкой, въ которыхъ протекала ихъ дѣятельность, т. е. въ варшавской пріемной комиссіи. Составъ этой комиссіи большой, вслѣдствіе многочисленности ея функцій, требовавшихъ образованія новыхъ ея отдѣловъ. Двѣ трети комиссіи состоятъ изъ представителей отъ войскъ, т. е. строевыхъ офицеровъ, а треть изъ интендантскихъ офицеровъ-спеціалистовъ и техниковъ. Это нормальная пропорція.

Но посмотримъ, какъ работала эта комиссія и какъ ея члены понимали свой служебный долгъ. Мы эту работу увидимъ, когда взглянемъ на ея результатъ. Это намъ тѣмъ легче сдѣлать, что въ нашемъ распоряженіи имѣются показанія свидѣтелей-офицеровъ, представителей войскъ, знающихъ, въ какомъ видѣ приходятъ къ нимъ предметы вещевого довольствія, прошедшіе чрезъ руки варшавской пріемной комиссіи.

И вотъ что эти свидѣтели намъ говорятъ: «Качества шитья сапогъ оказались неудовлетворительными. Попадались сапоги, которыхъ нельзя было выдать въ носку». Нѣкоторые свидѣтели шли еще дальше и дѣлали опыты, т. е. давали сапоги солдатамъ въ носку, но дольше двухъ недѣль сапоги не служили и разваливались. Другіе свидѣтели говорили о сапогахъ съ «мозаичными» каблуками, т. е. составленными изъ кусочковъ, о сапогахъ съ берестой... Достаточно было перехода въ 17 верстъ—и сапоги приходили въ негодность. Свидѣтели говорили преимущественно о сапогахъ, потому что сапоги были главнымъ предметомъ пріемки. Это, говорятъ, сапоги раннихъ пріемокъ. Но здѣсь были свидѣтели, наблюдавшіе сапоги и позднихъ пріемокъ, и отзывы ихъ немногимъ лучше. Бывали, говорятъ они, сапоги разнокалиберные, попадались сапоги на одну ногу, и вообще сапоги настолько скверны, что даже былъ случай отказа солдатъ отъ пріемки ихъ.

Такъ дѣло обстояло въ пѣхотѣ. Въ кавалеріи оно обстояло не лучше. Солдаты сапоги получали и тутъ же сбывали ихъ на базарѣ за 1 руб. 70 коп. и даже по 50 коп. (казнѣ стопли 7 руб. 15 коп.). Затѣмъ, наблюдались такія явленія: сапоги, отправлявшіеся изъ Варшавы съ клеймами, возвращались въ Варшаву безъ клеймъ.

Но скажутъ: все это впечатлѣнія общаго характера, къ которымъ необходимо относиться осторожно, такъ какъ въ нихъ могутъ быть извѣстныя преувеличенія. Но къ этимъ «впечатлѣніямъ» мы имѣемъ и непреложныя письменныя доказательства въ видѣ результатовъ работъ повѣрочныхъ комиссій, напримѣръ, полковника Алешина. Члены этой послѣдней комиссіи намъ сказали, что они забраковали 42 тысячи паръ сапогъ. Вызванный въ судъ подполковникъ Ѳедотовъ, производившій повѣрочный осмотръ брака, призналъ до сихъ поръ 5.000 паръ совершенно негодными: но онъ еще не дошелъ до главной массы забракованныхъ сапогъ Мазеля и Новинскаго.

Но этого мало. Военный слѣдователь не счелъ возможнымъ ограничиться этими свидѣтельскими показаніями. Онъ поѣхалъ на мѣста, въ полки, узнать, въ какомъ видѣ получаются сапоги у нихъ. Онъ побывалъ

въ цѣломъ рядѣ частей войскъ, но картина вездѣ одинакова: товаръ горѣлый, голенища рваныя, каблуки отваливаются... И сапоги возвращались интендантству.

Но слѣдователь пошелъ еще дальше: онъ созвалъ экспертовъ. Но и эксперты признали наличность тѣхъ же дефектовъ, на которые указывали войсковыя части.

Полковникъ Петровъ намъ здѣсь сказалъ, что въ полкахъ не умѣютъ принимать. Заявленіе это считаю нѣсколько смѣлымъ. Именно въ войскахъ, а не въ интендантскихъ кабинетахъ знаютъ, что требуется солдату.

Но если все это доказано и не подлежитъ сомнѣнію, то естественно возникаетъ вопросъ: что же именно служитъ причиной этихъ нежелательныхъ явленій? Небрежное ли исполненіе служебныхъ обязанностей или что-либо другое?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ необходимо раньше познакомиться съ порядками, царившими въ пріемной комиссіи. Мы имѣемъ для этого совершенно незаинтересованныхъ и поэтому вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, показавшихъ одинаково какъ слѣдователю, такъ и суду. Пойдемте вслѣдъ за этими не вызывающими сомнѣнія людьми, быть можетъ, ихъ правдивые разсказы поднимутъ предъ нами уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ таинственную дѣятельность пріемной комиссіи.

Одинъ изъ этихъ свидѣтелей — штабсъ-капитанъ Бойко. Это былъ опытный человѣкъ, бывшій въ полку казначеемъ. Въ комиссію онъ пришелъ не отбыть какъ-нибудь командировочную повинность, а принести посильную пользу солдату, объ обидахъ котораго онъ скорбѣлъ. И что же вышло изъ его честныхъ стремленій? Ровно ничего. Другимъ членамъ пріемной комиссіи онъ пришелся не ко двору, и его стали переводить: сначала въ бѣльевой отдѣлъ, потомъ въ отдѣлъ фуражекъ и т. д., и чрезъ короткое время онъ принужденъ былъ оставить стѣны негостепріимной для него пріемной комиссіи. Каковы впечатлѣнія, которыя вынесъ оттуда этотъ офицеръ? Вы ихъ навѣрно помните. Онъ хотѣлъ узнать, какой существуетъ для пріемщиковъ образецъ сапога, но ему говорили: «этотъ образецъ не для васъ». А что ему говорилъ самъ руководитель 3 отдѣла, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, штабсъ-капитанъ Павловъ? Онъ ему сказалъ: «вы дѣйствуете не по-офицерски». Ему еще говорили: «можете уйти, найдутся и безъ васъ люди».

По ключомъ къ секретной комнатѣ, въ которой скрываются таинственныя дѣйствія пріемной комиссіи, могутъ намъ служить простодушныя слова Гольдвассера, сказавшаго штабсъ-капитану Бойко: «ваше офицерское дѣло сидѣть и клеймить». Гольдвассеру казалось страннымъ, что офицеръ хочетъ что-то дѣлать, такъ онъ привыкъ понимать обязанности члена пріемной комиссіи.

Другой человѣкъ, Гурскій, еще болѣе наивный, прямо спросилъ у шт.-кап. Бойко, «беретъ ли онъ», такъ какъ нижніе чины берутъ...

Таковы впечатлѣнія человѣка свѣжаго, попавшаго въ атмосферу пріемной комиссіи.

Съ этого момента процесса мы уже были приготовлены къ тому, что дальнѣйшее дастъ намъ новыя подробности. И, дѣйствительно, ожиданія насъ не обманули.

Г-жа Ильинская намъ разсказала, что сынъ ея былъ членомъ пріемной комиссіи и, однажды, придя домой, сказалъ ей, что онъ сдѣлался преступ-

никомъ, такъ какъ принялъ черезъ шт.-кап. Гончарова первую взятку въ 50 руб. Шт.-кап. Хрущкій же сказалъ ему, что и онъ только что самъ получилъ отъ Ризмана...

Остановимъ наше вниманіе на дневникѣ полковника Аничкова. Онъ тамъ пишетъ, что полковникъ Дубровинъ получаетъ мзду отъ вятскихъ заводовъ и что онъ сердитъ за то, что отъ него ушла большая партія сапогъ. Конечно, полковникъ Аничковъ писалъ свой дневникъ, не разсчитывая на то, что онъ будетъ опубликованъ. Слѣдовательно, мы должны придать этимъ записямъ значеніе достовѣрнаго доказательства. Таковы же и письма полковника Аничкова, представленныя слѣдователю по настоянію его жены.

Намъ остается перейти къ другому ряду свидѣтелей, а именно тѣхъ, которые на предварительномъ слѣдствіи давали обличительныя показанія, а здѣсь отъ нихъ отреклись.

Если мы присмотримся ближе къ этимъ свидѣтелямъ, то увидимъ, что они не посторонніе подсудимымъ, а тѣсно съ ними связаны: лиходатель и лихопмецъ связаны общностью преступныхъ интересовъ. Возьмемъ группу свидѣтелей—посредниковъ между казной и поставщиками.

Мы знаемъ отъ поставщиковъ, что они отчисляли сдатчикамъ 10 проц. съ суммы подряда за сдачу. И этотъ большой процентъ принимался поставщиками въ расчетъ при заключеніи ими контрактовъ съ казной. Если-бъ была возможность, то поставщики, конечно, не преминули бы найти болѣе дешевыхъ сдатчиковъ, но, какъ видно, на биржѣ этого рода труда болѣе дешевыхъ не оказалось. Съ другой стороны мы знаемъ, что сдатчики не отчитывались подробно предъ своими хозяевами и въ тѣхъ расходахъ, которые они производили при сдачѣ. Но въ книжкахъ сдатчиковъ мы находимъ все-таки графы, куда эти расходы заносились.

Такимъ образомъ, передъ нами налицо неоспоримый фактъ, что расходы при сдачѣ бывали, и расходы довольно значительные. Это намъ подтвердилъ и Мазель, разсказавшій намъ о «счетѣ четырехъ компаніоновъ», т. е. о суммахъ, которыя уплачивались черезъ сдатчиковъ членамъ пріемной комиссіи.

Книжки, въ которыхъ сдатчики вели свои записи произведенныхъ ими выдачъ, не имѣли значенія для хозяевъ. Значеніе документа для хозяевъ могли бы имѣть лишь такія книжки, въ которыхъ расписывались бы лица, получившія взятки. Но вѣдь это абсурдъ: такихъ наивныхъ взяточниковъ на свѣтѣ нѣтъ. Слѣдовательно, книжки писались сдатчиками только для себя. Поэтому книжки эти являются доказательствами первостепенной важности.

Если эти свидѣтели, приходившіе въ непосредственныя сношенія съ подсудимыми, разсказали на слѣдствіи очень многое, а здѣсь наложили на себя печать молчанія, то это потому, что это не тѣ люди, отъ которыхъ можно ждать исполненія гражданскаго долга. Но почему они отреклись отъ своихъ показаній? Объясненія ихъ являются въ этомъ отношеніи, по меньшей мѣрѣ, наивными. Нѣкоторые говорятъ, что та обстановка, которая ихъ окружала, могла заставить ихъ «предать и брата, и отца». Ихъ-де заставляли отвѣчать на такіе вопросы, на которые они не хотѣли давать отвѣтовъ.

Съ этой легендой надо покончить.

Допросы производили представители судебнаго міра, почетные мировые судьи, товарищи прокуроровъ, судебные слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ, словомъ, люди, отлично понимающіе, что они не послѣдняя ин-

станція, что свидѣтели должны еще явиться предъ судомъ и тамъ могутъ разсказать, что ихъ тѣмъ или инымъ путемъ принуждали къ дачѣ ложныхъ показаній.

Одинъ изъ свидѣтелей, Шнейдеръ, даже дошелъ до такого цинизма, что здѣсь передъ нами заявилъ:

«Я тамъ все вралъ»...

Почему же все это произошло?

Вы, навѣрно, помните показанія двухъ свидѣтелей, которые намъ разсказывали, что когда пошли слухи о сенаторской ревизіи, поставщики и сдатчики переполошились и пошли совѣщаться о томъ, какъ имъ быть въ случаѣ, если ихъ спросятъ о взяткахъ: выдать такихъ дорогихъ людей, которые даютъ заработокъ, трудно, а не говорить тоже неудобно.

Сдатчики больше всѣхъ были заинтересованы въ томъ, чтобы въ пріемной комиссіи остались старые порядки, такъ какъ если пріемщики будутъ строгіе, то это раньше всего отразится на ихъ благосостояніи. Сенаторская ревизія могла прекратить всю ихъ карьеру. Неудивительно, что этимъ сдатчикамъ сама жизнь подсказала спасительную тактику: на слѣдствіи говорить все, на судѣ—ничего...

Но свидѣтели ошиблись въ расчетѣ: они не предполагали тогда, что у насъ очутятся «нѣмые свидѣтели», которые раскроютъ намъ всю картину. Эти нѣмые свидѣтели намъ сказали даже больше, чѣмъ могли сказать живые.

Здѣсь насъ старались увѣрить, что сдатчики наживали огромные капиталы, обманывая довѣріе своихъ патроновъ и пряча въ карманы тѣ суммы, которыя предназначались для интендантовъ. Но можно ли допустить, чтобы интендантскіе поставщики дали себя обманывать своимъ подчиненнымъ? Мы знаемъ, что такой крупный дѣлецъ, какъ Мазель, напримѣръ, стоявшій на вершинѣ дѣловыхъ комбинацій и не спускавшійся до непосредственнаго подкупа, все же нашелъ нужнымъ провѣрить, «беретъ ли» техникъ Адамовичъ, и дважды лично далъ ему по 1,000 рублей.

Такимъ образомъ изъ краткаго обзора взаимоотношеній сдатчиковъ, пріемщиковъ и хозяевъ устанавливается съ несомнѣнностью, что сдатчики не обманывали своихъ хозяевъ и не набивали свои карманы. Защита здѣсь интересовалась вопросомъ, сколько у сдатчика Штабзыба домовъ, и установила, что у него два дома. Я увѣренъ, что если бъ Штабзыбъ обманывалъ довѣріе своего хозяина, то у него не было бъ не только дома, но и приличной квартиры.

Вернемся къ вопросу объ отказахъ свидѣтелей отъ своихъ первоначальныхъ показаній. Они мотивировали это тѣмъ, что при дачѣ первоначальныхъ показаній они сильно волновались. Но какъ допустить, чтобы около 60 человѣкъ разнообразныхъ положеній, показывавшихъ на большомъ промежуткѣ времени (военные слѣдователи производили разслѣдованіе въ теченіе цѣлаго года) и допрашивавшихся судебными слѣдователями даже разныхъ мѣстностей, такъ сошлись въ своихъ объясненіяхъ?..

Но они сошлись и въ своихъ первоначальныхъ показаніяхъ. Одни свидѣтели говорили тогда о бѣльевомъ отдѣлѣ, другіе о сапожномъ, одни о періодѣ 1905 г., другіе 1907 — 8 гг., но въ существенныхъ частяхъ своихъ показаній они не расходились. Они рисовали одну и ту же картину.

Замѣчательно и то, что всѣ свидѣтели хорошо знакомы съ личнымъ составомъ пріемной комиссіи, они знаютъ даже всѣ индивидуальныя черты

каждаго изъ членовъ комиссіи. Они сообщили о нихъ массу характерныхъ подробностей. И въ этихъ подробностяхъ—гарантія правдивости ихъ первоначальныхъ показаній. Ихъ теперешнее заявленіе объ испытанномъ страхѣ при дачѣ своихъ показаній не оправдывается и психологически: при страхѣ языкъ прилипаетъ къ гортани, мысли путаются,—а они говорили много, ясно и точно.

Изъ массы этихъ свидѣтелей выдѣляется фигура Френкеля. Онъ всюду и въ ревизію и къ слѣдователю являлся самъ и разсказывалъ все, что зналъ, съ мельчайшими подробностями. Здѣсь на судѣ съ нимъ произошелъ какой-то переворотъ. Намъ нѣтъ дѣла до причинъ этого переворота. Но несомнѣнно, что все, о чемъ онъ говорилъ раньше, заслуживаетъ безусловно довѣрія и вниманія.

Если бъ мы даже совершенно отбросили свидѣтельскія показанія указанной категоріи свидѣтелей и основывались исключительно на добытыхъ у нихъ «нѣмыхъ свидѣтеляхъ», т. е. на отобранныхъ у нихъ записныхъ книжкахъ, тетрадяхъ и т. д., то и тогда мы получимъ возможность произвести даже вычисленія, кому и сколько ими дано. Военный слѣдователь въ свое время произвелъ эти вычисленія. И вы ихъ можете провѣрить въ совѣщательной комнатѣ. Съ какой осторожностью и точностью эти вычисленія сдѣланы, вы можете судить по тому, напримѣръ, что, по собственному заявленію шт.-кап. Виватовскаго, онъ получилъ всего 10,000 руб., а согласно этимъ вычисленіямъ установлена точная цифра въ 8,468 руб.

Перехожу къ индивидуальнымъ уликамъ противъ каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности.

Прежде всего остановимся на личности предсѣдателя пріемной комиссіи, полк. Дубровина. Съ фамиліей полк. Дубровина сочеталась фамилія Доникина. Намъ Мазель здѣсь объяснялъ значеніе псевдонимовъ. Наличность псевдонима доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, игравшимъ первостепенную роль въ дѣлахъ поставщиковъ. Псевдонимы мы еще находимъ только у такихъ лицъ, какъ полковникъ Аничковъ (Абрамсонъ), Адамовичъ (Высоцкій) и т. д.

Остановлюсь только на характерныхъ моментахъ, опираясь при этомъ главнымъ образомъ на письменные документы. Главнымъ документомъ, уличающимъ полк. Дубровина, является найденная у него при обыскѣ четвертушка бумаги, испещренная рядомъ фамилій и цифръ. Фамиліи эти—не знакомыхъ, не друзей, не шансонетныхъ пѣвицъ, а поставщиковъ и сдатчиковъ. Противъ этихъ фамилій значатся крупныя цифры: напримѣръ, противъ фамиліи Мазеля значится сумма въ 200,000 руб., а противъ этой суммы значится еще одна въ 1,000 рублей.

По поводу этой четвертушки полк. Дубровинъ первоначально заявилъ, что онъ не помнитъ, зачѣмъ онъ ее исписалъ.

Здѣсь же онъ «поправилъ» это показаніе, заявивъ, что эта бумажка вообще не имѣетъ отношенія къ дѣлу. Но если мы сопоставимъ цифры, которыя обозначены на этомъ клочкѣ бумаги, съ той половиной процента, которую полк. Дубровинъ получалъ отъ поставщиковъ, то намъ ясно станетъ значеніе этихъ цифръ. Мы увидимъ тогда, что поставщикъ Франкъ дѣйствительно имѣлъ поставку на сумму 42,000 руб. и что, слѣдовательно, полк. Дубровинъ дѣйствительно получилъ съ этой суммы половину проц., т. е. 210 руб.

Переходя къ свидѣтельскимъ показаніямъ, остановимся на общей характеристикѣ полк. Дубровина. Полк. Рыбинцевъ такъ характеризуетъ полк.

Дубровина: «онъ всегда твердилъ чинамъ комиссіи о долгѣ службы и въ то же время самъ запгрывалъ съ подрядчиками». Двойная игра составляетъ главную черту полк. Дубровина. Свидѣтели говорили намъ, что полк. Дубровинъ не вымогалъ, а бралъ столько, сколько давали. Я прибавлю къ этому, что полк. Дубровинъ навряд ъ ли бралъ съ кого попало: онъ бралъ съ осторожностью. Свидѣтели характеризуютъ его, какъ человѣка корректнаго, мягкаго. Да, онъ былъ корректенъ, но корректность его вытекала изъ сознанія собственной силы. А что касается его мягкости, то можно сказать, что тѣмъ, кому онъ мягко стлалъ, было жестко спать. Вы помните, какъ зорко полк. Дубровинъ слѣдилъ за составомъ и духомъ комиссіи. Онъ не допускалъ въ ея составъ никого, кто бы могъ нарушить царившую въ ней гармонію. Яркую характеристику полк. Дубровина мы находимъ въ письмахъ полк. Аничкова къ его женѣ. Письма эти писались не для того, чтобы послужить судебными документами; они писались интимно, и поэтому высказанныя въ нихъ мнѣнія заслуживаютъ особаго вниманія. Въ одномъ изъ этихъ писемъ полк. Аничковъ между прочимъ пишетъ: «Дубровинъ чрезвычайно умѣло выбираетъ людей». Если мы вспомнимъ, что полк. Дубровинъ выбралъ себѣ дѣлопроизводителемъ шт.-кап. Павлова, про котораго полк. Аничковъ выражается «молодой да ранній», и техника Адамовича, то увидимъ, что полк. Дубровинъ дѣйствительно умѣлъ подобрать себѣ людей. Полк. Аничковъ дальше въ письмахъ выражается о полк. Дубровинѣ, что онъ человѣкъ «склонный дѣлать гадости». Обратите вниманіе, господа судьи, что источникъ, который я предлагаю вашему вниманію, не враждебный полк. Дубровину; такъ говорятъ о немъ люди, которые его окружали.

Все насъ убѣждаетъ въ томъ, что полк. Дубровинъ злоупотреблялъ своею властью, вымогалъ, бралъ взятки; не оправдалъ того довѣрія, которое ему было оказано.

Перехожу къ полк. Аничкову. Какимъ предстоитъ предъ нами этотъ подсудимый? Первымъ долгомъ отмѣчу, что и полк. Аничковъ носилъ псевдонимъ. Зналъ ли онъ самъ объ этомъ или не зналъ—для насъ безразлично. Слѣдуя той же системѣ, что и въ отношеніи полк. Дубровина, я буду опираться главнымъ образомъ на письменные документы. Въ фабричныхъ книгахъ имѣются кассовыя данныя объ уплатѣ «Абрамсону» дважды по 300 руб. Мы помнимъ характерную телеграмму Мазеля въ Петербургъ своему повѣренному: «Одолжи господинъ Абрамсонъ сколько потребуется». Изъ показаній свидѣтеля Гурвича мы знаемъ, что Марксонъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ полк. Аничковымъ. На какой же почвѣ установились эти хорошія отношенія? Несомнѣнно на почвѣ общихъ интимныхъ интересовъ. Я помню отрывокъ изъ письма дочери полк. Аничкова, воспитывающейся въ Петербургѣ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Дочь пишетъ отцу: «Марксонъ былъ у меня, привезъ коробку конфектъ». Мы видимъ, такимъ образомъ, что отношенія между полк. Аничковымъ и подрядчикомъ Марксономъ были самыя теплыя. И, конечно, поэтому, что когда Марксонъ былъ спрошенъ относительно полк. Аничкова на слѣдствіи, онъ заявилъ, что никогда ничего не платилъ полк. Аничкову. Впослѣдствіи только онъ сознался, что онъ не хотѣлъ рвать хорошихъ отношеній съ полк. Аничковымъ и поэтому отрицалъ, что давалъ ему взятки. «На самомъ же дѣлѣ, – сознался Марксонъ,—я давалъ полк. Аничкову и всего далъ ему около 10,000 руб. . Если Марксонъ, который, какъ мы видѣли, былъ въ теплыхъ

отношеніяхъ съ полк. Аничковымъ и не желалъ рвать этихъ хорошихъ отношеній, въ концѣ концовъ показалъ не въ пользу полк. Аничкова, то этому показанію мы не можемъ не вѣрить. Оцѣнивая дѣятельность полк. Аничкова, какъ она выяснена на слѣдствіи, я долженъ еще остановиться на разборѣ показаній супруговъ Кипенъ, имѣющихъ свою мастерскую бѣлья и поставлявшихъ въ интендантство небольшой подрядъ. Полк. Аничковъ однажды пришелъ въ мастерскую Кипенъ и сталъ тамъ рвать бѣлье. Чѣмъ, спрашивается, объяснялось его поведеніе? Вѣдь это бѣлье еще не принималось, вѣдь оно еще не поступало въ пріемную комиссію?.. Это можно объяснить только своего рода вымогательствомъ. Еще болѣе яркій примѣръ такого вымогательства мы видимъ въ случаѣ, когда полк. Аничковъ приказалъ выбросить на дворъ бѣлье изъ домовъ трудолюбія. Когда полк. Рыбинцевъ пришелъ въ «Домъ трудолюбія» и увидѣлъ, что дѣлаетъ полк. Аничковъ, у него вырвалась характерная фраза: «А, понимаю: не заплатили во время»...

Въ заключеніе остановлюсь на заявленіи полк. Аничкова, что онъ будто тяготился своимъ положеніемъ въ пріемной комиссіи и вообще жизнью въ Варшавѣ. Онъ хотѣлъ перевестись въ Петербургъ. Мы знаемъ съ его же словъ, что въ Петербургѣ у него связи. При желаніи, слѣдовательно, онъ могъ бы найти себѣ тамъ мѣсто. И, однако, онъ не только не переводился, но даже, какъ мы знаемъ, велъ здѣсь борьбу, чтобы въ случаѣ упраздненія отдѣла его не удалили изъ пріемной комиссіи.

Придерживаясь служебной іерархіи, перехожу къ полковнику Лопатину. Этотъ штабъ-офицеръ былъ въ пріемной комиссіи представителемъ отъ войскъ. Къ сожалѣнію, подобное вливаніе свѣжихъ силъ отъ войскъ не улучшило составъ комиссіи. Строевые офицеры проникались духомъ комиссіи. И полковникъ Лопатинъ омрачилъ конецъ своей долголѣтней службы, пріобщившись къ духу пріемной комиссіи. Въ отношеніи полк. Лопатина у насъ имѣются слѣдующіе несомнѣнные факты. Жена его приняла брилліантовое кольцо отъ поставщика. На партіи принятыхъ, но негодныхъ сапогъ (433 пары) имѣются его клейма. Затѣмъ у насъ имѣются свидѣтельскія показанія, что онъ получилъ въ общей сложности около 15.000 рублей.

Касаясь данныхъ противъ подполк. Рыбинцева, прокуроръ останавливается главнымъ образомъ на «забастовочной» тактикѣ этого подсудимаго. Особенно ярко «забастовочная» тактика подполк. Рыбинцева выразилась при пріемкѣ отъ домовъ трудолюбія партіи бѣлья на 400.000 руб.

Медленная пріемка товара причинила поставщикамъ громадные убытки, и поставщикамъ ничего не оставалось другого, какъ «умилостивить» медлительнаго пріемщика. Послѣ этого товаръ поспился въ склады быстрой струей. Оказалось, что въ пріемной комиссіи существуетъ болѣе сильный двигатель, чѣмъ паръ и электричество. Двигатель этотъ — взятка.

Особеннымъ желаніемъ «получать» выдѣлялся въ пріемной комиссіи подполк. Краевскій. Этотъ штабъ-офицеръ пріемной комиссіи такъ грубо вымогалъ, что даже такой свидѣтель, какъ Гурвичъ, который здѣсь отказался рѣшительно отъ всѣхъ своихъ первоначальныхъ показаній, не отказался только отъ того, что онъ давалъ подполк. Краевскому и технику Адамовичу.

Таковы главныя данныя, устанавливающія виновность пяти штабъ-офицеровъ варш. пріемной комиссіи, изъ которыхъ полк. Дубровинъ и полк. Аничковъ въ качествѣ чиновъ интендантства и предсѣдателей отдѣловъ

были хозяевами положенія и болѣе другихъ отвѣтственны за злоупотребленія, творившіяся въ комиссіи.

Пора гг. интендантамъ знать, что они для арміи, а не армія для нихъ!

Заканчивая свою рѣчь, я считаю своимъ долгомъ указать на важность того преступленія, въ которомъ обвиняются подсудимые. Потерпѣвшими отъ ихъ дѣяній являются не отдѣльныя лица, а государство и войска. Вина подсудимыхъ усугубляется еще и тѣмъ, что они, пося военный мундиръ, забыли о нуждахъ арміи, о необходимости давать въ войска одежду и обувь прочную, удобную, красивую. Забыли,—отуманенные жадностью наживы.

Такого рода нежелательныя явленія необходимо сокращать, не давая имъ развиваться. Преданные вашему суду командированные въ комиссію отъ войскъ офицеры составляютъ ничтожную часть въ рядахъ славнаго русскаго офицерства, и, будучи исключеніемъ, они подтверждаютъ общее правило о преданности своему долгу офицеровъ.

Подсудимые заслужили осужденія, и они его примутъ, какъ должное.

Засѣданіе 14 марта 1912 года.

Все засѣданіе 13 марта 1912 г. заняла рѣчь подполковника Болдескула. Всю эту огромную часть своей рѣчи авторъ обвинительнаго акта по настоящему дѣлу посвятилъ цѣликомъ сводкѣ тѣхъ уликъ и доказательствъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, которыя по его словамъ свидѣтельствуютъ о виновности каждаго изъ 26 подсудимыхъ (оберъ-офицеровъ, чиновниковъ и техниковъ). Обвинитель говорилъ о каждомъ подсудимомъ отдѣльно, въ зависимости отъ количества и качества добытыхъ уликъ. Приводить здѣсь эти многочисленныя соображенія считаемъ излишнимъ, такъ какъ читатели, слѣдившіе за отчетомъ, достаточно знакомы съ сущностью главныхъ обличительныхъ показаній свидѣтелей, на которыхъ покоятся всѣ обвинительныя соображенія пом. прокурора. Скажемъ лишь, что лейтъ-мотивомъ этихъ соображеній была доказанность факта существованія въ варшавской пріемной комиссіи *системы* взятокъ. Система эта какъ бы нормировала неустранимую зависимость поставщиковъ отъ членовъ пріемной комиссіи въ смыслѣ обязательности платежа послѣднимъ установленной дани. Эти условія дѣлали и пассивный пріемъ вознагражденія отъ сдатчиковъ форменнымъ вымогательствомъ, такъ какъ отказъ отъ платежей грозилъ бы строптивому поставщику забастовками, придирками и браковками, которыя причинили бы ему большіе убытки и хлопоты.

Приводимъ полностью заключительную часть рѣчи подполковника Болдескула, которая явилась вполнѣ неумѣстнымъ послѣднимъ печальнымъ аккордомъ ко всей громадной работѣ этого обвинителя.

Онъ сказалъ:

— Вотъ я и подошелъ къ концу своей рѣчи. Законъ обязываетъ меня упомянуть о мѣрѣ угрожающаго подсудимымъ наказанія. Но я полагаю, что эта мѣра всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія суда. Мнѣ лично кажется, что коронные интендантскіе дѣятели, какъ созидатели системы вымогательства въ варшавской пріемной комиссіи, являются объективно болѣе виновными, чѣмъ строевые офицеры, послѣдователи этой системы; но и по-

слѣдимъ, я полагаю, нѣтъ основанія оказывать снисхожденія сверхъ мѣры. Вѣдь эти офицеры питомцы многихъ славныхъ полковъ русской арміи, заставляютъ краснѣть за себя тѣ—покрытыя сѣдой славой—боевыя знамена, подъ которыми вѣрой и правдой служили цѣлыя поколѣнія честныхъ слугъ Царя и отечества!..

Вчера, гг. судьи, я говорилъ о зарослях, выросшихъ на почвѣ условій, создавшихся въ варшавской пріемной комиссіи. Я убѣжденъ, господа судьи, что вы своимъ справедливымъ приговоромъ удалите какъ можно скорѣе *эти заросли паразитныхъ растеній* съ нивы нашего интендантства, чѣмъ откроете просторъ для культивированія на ней благихъ начинаній *новаго*, реформированнаго интендантства, на благо дорогой намъ всѣмъ арміи.

* * *

Первымъ изъ защитниковъ возражалъ на рѣчь военнаго прокурора и его помощника присяжный повѣренный П. Ѳ. Булацель. Вотъ какъ объ этой рѣчи отзывается газета «Варшавское Слово» въ № 75.

Публики полный залъ. Всѣмъ интересно послушать, что и какъ скажутъ въ отвѣтъ обвинителямъ главные защитники. Въ особенности интриговала личность г. Булацеля, какъ адвоката Варшавѣ совершенно незнакомаго. Ожиданія иныхъ обманули, такъ какъ въ горячей, красочной и отмѣнно корректной рѣчи защитника не было ни одного рѣзкаго проявленія тѣхъ національно-политическихъ воззрѣній, горячимъ послѣдователемъ которыхъ онъ является. Рѣчь г. Булацеля лилась плавнымъ, быстрымъ потокомъ; искренній тонъ настраивалъ аудиторію, сообщая ей ту нотку скорби о незадачахъ нашей арміи, которой была проникнута вся рѣчь.

Рѣчь прис. пов. Булацеля.

Господа судьи!

Удручающее впечатлѣніе производятъ такъ называемые интендантскіе процессы вообще, а варшавскій въ особенности. Если бы виновники, снабжавшіе русскую армію негоднымъ снаряженіями, понесли бы заслуженную кару, если бы интендантскіе процессы привели къ оздоровленію всей системы казенныхъ подрядовъ и поставокъ можно было бы примириться съ потрясающею картиною, которую въ этой залѣ уже успѣли увѣковѣчить фотографы.

Тому, кто болѣетъ душою за русскую армію, тому, кто дорожитъ честью офицерскаго мундира—невыносимо тяжело видѣть на скамьѣ подсудимыхъ представителей славныхъ русскихъ полковъ. Тяжелая обида этого зрѣлища еще болѣе усугубляется воспоминаніемъ о томъ, что большинство изъ этихъ офицеровъ сражались за цѣлость границъ нашей дорогой родины и одиннадцать изъ подсудимыхъ изранены и изувѣчены въ бояхъ. Помощникъ военнаго прокурора просилъ васъ, господа судьи, очистить русскую армію отъ «паразитныхъ растеній и ядовитыхъ зарослей», и этими ядовитыми зарослями онъ называлъ тѣхъ подсудимыхъ, которые оросили своею теплою кровью далекія поля Манчжуріи... Но не преждевременно ли со стороны прокурора и его помощника называть «преступниками» сподвижника Скобелева—полковника Аничкова, грудь котораго увѣшана боевыми орденами, и тѣхъ героевъ Японской войны, которые кровью своею оросили нивы Дальняго Востока? Вы, господа судьи, еще не сказали своего рѣшающаго

слова; вы еще не сказали громко на всю Россію, кто правъ: тѣ ли, которые клеветали на русскихъ офицеровъ, называя ихъ грабителями и вымогателями, или тѣ, которые подъ присягою сказали, что въ варшавской офицерской пріемной комиссіи никогда не было вымогателей. А уже военный прокуроръ поторопился заявить, что «всѣ подсудимые примутъ ваше осужденіе, какъ должное»... Но, съ другой стороны, и прокуроръ и его помощникъ опоздали съ своимъ обвиненіемъ. Оно было построено исключительно на данныхъ предварительнаго слѣдствія. Но вѣдь эти данныя совершенно опровергнуты на судѣ. Современный судъ гласный, устный, требуетъ, чтобы предварительное слѣдствіе тщательно было провѣрено въ судебномъ засѣданіи. Предъ вами, господа судьи, лежали въ теченіе четырехъ недѣль груды томовъ предварительнаго слѣдствія. Чины сенаторской ревизіи въ дружномъ единеніи съ военными слѣдователями шт.-кап. Савчинскимъ, Перецомъ и Городецкимъ изготовили пятьдесятъ два огромныхъ тома протоколовъ...

Однако, если бы законъ разрѣшалъ судить о «виновности» только по актамъ предварительнаго слѣдствія, то не зачѣмъ было допрашивать въ судѣ подъ присягою свидѣтелей, не зачѣмъ было бы сидѣть 4 недѣли надъ выясненіемъ интересовавшихъ насъ вопросовъ и документовъ. Гораздо проще было бы велѣть секретарямъ прочитать всѣ 52 тома и затѣмъ тутъ же сразу писать приговоръ. Но, къ счастью, такого судопроизводства не существуетъ. Статья 881 воен. суд. уст. воспрещаетъ представлять дѣло въ односторонемъ видѣ и преувеличивать значеніе уликъ, собранныхъ на предварительномъ слѣдствіи.

Все, что съ такимъ рвеніемъ добывали или даже «вырывали» отъ свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи — все это опровергнуто на судѣ тѣми самыми свидѣтелями, которые поставлены въ обвинительномъ актѣ краеугольнымъ камнемъ всего обвиненія. Давидъ Френкель, Шая Штабзыбъ, Гурвичъ, Гурландъ и Мазель- вѣдь это тотъ фундаментъ, на которомъ составитель обвинительнаго акта построилъ все свое зданіе обвиненія; а между тѣмъ, явившись въ судъ, принявъ присягу и выслушавъ напоминаніе его превосходительства предсѣдателя военно-окружнаго суда о томъ, что за ложное показаніе на судѣ ожидаетъ тяжкая отвѣтственность, всѣ свидѣтели одинъ за другимъ камень за камнемъ до самаго основанія разобрали тотъ самый фундаментъ, который былъ заложенъ изъ ихъ показаній, записанныхъ въ протоколы сенаторской ревизіи. Теперь все зданіе обвиненія осталось безъ фундамента. Я съ нетерпѣніемъ, съ любопытствомъ почти злораднымъ, впрочемъ, вполнѣ извинительнымъ для защитника, ожидалъ рѣчей прокурора и его помощника. Я хотѣлъ предугадать, чѣмъ они замѣнятъ развалившееся основаніе обвинительнаго акта; какіе новые устои, какіе новые опоры, доводы и соображенія приведутъ они, чтобы поддержать обвинительный актъ, оставшійся висѣть въ воздухѣ... Но никакихъ новыхъ устоевъ подъ покачнувшееся зданіе обвиненія они не только не подвели, но даже не попытались привести новыя соображенія, а изъ своего затруднительнаго положенія вышли довольно своеобразно.

Военный прокуроръ какъ будто вовсе не считался съ матеріалами, добытыми на судѣ, а помощникъ прокурора вмѣсто обвинительной рѣчи прочиталъ по запискамъ вторично весь длинный, томительный обвинительный актъ, почти дословно повторяя всѣ показанія свидѣтелей, записанныя въ протоколы предварительнаго слѣдствія, и умалчивая о томъ, что ничего подобнаго свидѣтели на судѣ подъ присягою не подтвердили.

Однако, вѣроятно, для того, чтобы такой пріемъ оцѣнки уликъ не показался вамъ, господа судьи, болѣе чѣмъ страннымъ, помощникъ военнаго прокурора къ каждому такому прочитываемому имъ показанію прибавлялъ неизмѣнно: «свидѣтель этотъ *въ свое время* показалъ» .. И далѣе онъ уже прямо читалъ, но не то, что въ дѣйствительности свидѣтель показывалъ на судѣ, а то, что записано въ обвинительномъ актѣ изъ предварительнаго слѣдствія.

Спасибо помощнику военнаго прокурора за эту откровенность. Поддерживая обвиненіе противъ всѣхъ отданныхъ подъ судъ офицеровъ, даже противъ тѣхъ двадцати, полная невиновность которыхъ вполнѣ выяснилась на судѣ, помощникъ военнаго прокурора признаетъ для себя обязательнымъ помнить лишь тѣ показанія, которыя даны «въ свое время», и подъ этимъ временемъ подразумѣваетъ время сенаторской ревизіи. Итакъ, «въ свое время» свидѣтели марали офицерскій мундиръ, но *въ наше время* на судѣ подъ присягою свидѣтели опровергли всѣ тѣ инсинуаціи и клеветы, которыми забросали русскихъ офицеровъ на предварительномъ слѣдствіи. Теперь въ судѣ настало «*наше время*» —время выяснить правду, и намъ не нужно то печальное время, которое помощникъ прокурора называетъ своимъ временемъ; пусть же оно при немъ и останется.

Почему же мы должны вѣрить всему, что марало офицерскій мундиръ, и не вѣрить всему тому, что очищаетъ этотъ мундиръ отъ наносной грязи, которою его забросали во время сенаторской ревизіи Хаскель Марксонъ и Давидъ Френкель?

Вѣдь мы слышали, какъ повально одинъ за другимъ свидѣтели заявляли здѣсь на судѣ, что показанія, отобранныя у нихъ «въ свое время» чинами сенаторской ревизіи, не соотвѣтствуютъ истинѣ... Они всѣ намъ разсказывали на судѣ, при какой исключительной обстановкѣ ихъ допрашивали. Военный прокуроръ утверждалъ, что ничего исключительнаго въ этой обстановкѣ не было и что свидѣтели напрасно ссылаются теперь на свою первность и взволнованность во время предварительнаго слѣдствія...

Но такъ ли это? Развѣ свидѣтели не имѣли достаточныхъ основаній бояться появившейся на варшавскомъ горизонтѣ блестящей кометы, спутники которой въ своемъ стремленіи освѣтить дебри интендантства не останавливались передъ ночными обысками, передъ выемками, облавами, арестами и даже предъ униженіемъ офицеровъ...

Да развѣ ночные обыски сами по себѣ не представляютъ явленія исключительнаго? Во время допроса свидѣтелей на судѣ военный прокуроръ нѣсколько разъ напоминалъ свидѣтелямъ, что ночные обыски разрѣшены закономъ, и поэтому, по мнѣнію обвинителей, свидѣтели не могли путаться ночныхъ обысковъ и допросовъ, ибо статья 431 воен. суд. уставовъ разрѣшаетъ производить обыски ночью. Однако, да позволено будетъ мнѣ напомнить, что въ этой статьѣ прямо указано, что обыски и выемки должны производиться днемъ, и только въ случаѣ необходимости дозволяются ночью, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ самомъ протоколѣ было объяснено, «какая причина побудила слѣдователя прибѣгнуть къ этой чрезвычайной мѣрѣ». Такимъ образомъ изъ содержанія 431 статьи воен. суд. уст. видно, что въ самомъ законѣ ночные обыски названы «чрезвычайною мѣрою», а вовсе не обычнымъ явленіемъ. Между тѣмъ во время сенаторской ревизіи этою чрезвычайною мѣрою пользовались слишкомъ широко, и то, что законъ считаетъ исключительною мѣрою, сдѣлалось въ Вар-

шавѣ обычною мѣрою, наводившею, конечно, паническій страхъ и трепетъ на людей болѣе даже храбрыхъ, чѣмъ еврейскіе фабриканты и комиссіонеры... Не подлежитъ сомнѣнію, что на вѣсахъ правосудія жизнь и честь каждаго изъ офицеровъ-героевъ, проливавшихъ свою кровь и жертвовавшихъ собою ради нашей общей безопасности, безконечно дороже, чѣмъ жизнь и карьера цѣлой сотни сенаторскихъ чиновниковъ. Но когда евреямъ поставщикамъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: тюрьму или ложный оговоръ противъ офицеровъ, конечно, евреи не сознавали и не могли сознавать, что честь офицера важнѣе, чѣмъ карьера сенаторскихъ чиновниковъ... Военный прокуроръ сказалъ, что сенаторская ревизія «могла положить конецъ карьерѣ многихъ поставщиковъ»... Но вѣдь имѣть возможность сдѣлать подвигъ еще не равносильно совершенію его.

Приходятъ въ интендантство безъ сапогъ поставщики — и наживаютъ на сапогахъ милліоны рублей... Это возмутительное явленіе могла пресѣчь сенаторская ревизія, но она именно этого не сдѣлала. Ни одинъ изъ поставщиковъ не былъ привлеченъ къ суду! Ни одинъ изъ милліонеровъ, разорявшихъ казну, не былъ даже допрошенъ въ качествѣ обвиняемаго! А вотъ тѣ офицеры, которые, работая съ утра до вечера, получали грошовое жалованіе, отданы подъ судъ... Черезъ ихъ руки проходили милліонныя поставки; поставщики нажили милліоны, а искалѣченные, израненные, почти нищіе офицеры подъ судомъ!.. Военный прокуроръ генералъ-майоръ Козначеевъ заявилъ, что «чувство глубокаго негодованія вызывали объясненія свидѣтелей, повально на судѣ отказавшихся отъ своихъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи». Я тоже сейчасъ напомню вамъ, господа судьи, такія обстоятельства изъ обвинительнаго акта, которыя неизбѣжно вызываютъ негодованіе въ душѣ каждаго честнаго русскаго гражданина, но это негодованіе обратится уже не противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, а совсѣмъ въ другую сторону.

Къ чести еврейскихъ сдатчиковъ и поставщиковъ надо отмѣтить, что на судѣ они всѣ до единаго исправили свои возмутительные оговоры, данные чинамъ ревизующаго сенатора; они отреклись отъ инсинуацій по адресу офицеровъ... Съ чуткостью, свойственной еврейской націи, они поняли все неправдоподобіе тѣхъ разсказовъ, которые они давали во время предварительнаго слѣдствія. Заговорило ли въ нихъ угрызеніе совѣсти, или они перестали бояться всесильнаго сенатора, или они руководствуются какими-нибудь высшими политическими соображеніями — мы, конечно, не можемъ знать; но одно намъ ясно, какъ день, что, отрицая теперь даже всякія доброхотныя взятки и приношенія, всѣ эти свидѣтели все-таки теперь ближе къ истинѣ, чѣмъ тогда, когда у чиновниковъ ревизующаго сенатора и у штабсъ-капитана Савчинскаго соглашались подписывать протоколы, въ которыхъ на головы русскихъ офицеровъ сыпались позорныя клички: «вымогатели», «грабители», «бурбоны» и т. п.

Военный прокуроръ находилъ странною ту тревогу, которая охватила во время сенаторской ревизіи поставщиковъ и сдатчиковъ, а помощникъ военнаго прокурора въ своей рѣчи даже высказалъ пожеланіе, чтобы для такихъ робкихъ свидѣтелей, охваченныхъ нервнымъ волненіемъ, было бы построено «особое лѣчебное заведеніе при входѣ въ военный судъ»...

Я считаю, однако, эту тревогу свидѣтелей вполнѣ понятною, вполнѣ естественною: они видѣли, что чины сенаторской ревизіи не церемонились съ заслуженными боевыми офицерами; они слышали, что даже больную

жену полковника Аничкова разбудили ночью и заставили ее встать съ постели и стоять два часа, пока длился ночной обыскъ; они видѣли, что цѣлые фабрики и кварталы оцѣплялись войсками и обшаривались квартиры офицеровъ, при чемъ слѣдователи докапывались даже до такихъ сокровенныхъ семейныхъ подробностей, какъ юбки офицерскихъ женъ; они видѣли, что штабсъ-капитану Андрееву ставили въ улику даже то, что у его жены была шелковая юбка, хотя и не выписанная отъ Ворта, а сшитая дома собственноручно самою госпожою Андреевою, но по мнѣнію ревизоровъ шелковая юбка—роскошь, которой не должны позволять себѣ офицерскія жены, дабы не навлечь подозрѣній въ томъ, что мужья вымогаютъ взятки. Что же могли ждать свидѣтели евреи отъ сенаторской ревизіи? Слухи ходили самые странные. Хаскель Марксонъ бѣгалъ отъ одного поставщика къ другому и кричалъ: «спасайтесь, насъ будутъ арестовывать». И вотъ для всѣхъ этихъ «взволнованныхъ», устрашенныхъ, напуганныхъ свидѣтелей представился вопросъ: какъ спастись, какъ избѣгнуть ареста? У многихъ изъ нихъ были серьезные проступки. Вспомнимъ хотя бы страницу 99 обвинительнаго акта, гдѣ упоминается о копировальной книгѣ, отобранной у Овсея Тришина. Въ этой книгѣ есть копія письма Овсея Тришина къ братьямъ Узданскимъ, въ которомъ между прочимъ говорится: «просимъ постараться сдать возможно болѣе короткихъ одѣялъ», т. е. не соотвѣтствующихъ образцамъ и условіямъ подряда... Вспомнимъ хотя бы страницу 29 обвинительнаго акта, которая повторяетъ сознаніе Давида Френкеля, что онъ доставлялъ интендантству въ 1906 году всякую гниль и эта гниль подмѣшивалась къ хорошимъ товарамъ. Вспомнимъ страницу 140 обвинительнаго акта, гдѣ приведено показаніе Шая Зингера или Гимгольда о мошеннической кройкѣ бѣлья, производившейся такъ тонко, что ея невозможно было обнаружить и замѣтить пріемной комиссіи. Вспомнимъ 48-ую страницу обвинительнаго акта, гдѣ приведено признаніе воротилы домовъ трудолюбія Хаскеля Марксона о томъ, что черезъ Мошковича и Шнейдера у скупщиковъ на толкучкѣ скупались старыя солдатскія вещи и тайно подмѣшивались къ принятымъ уже комиссіею вещамъ... Наконецъ, вспомнимъ 59 страницу обвинительнаго акта, гдѣ описано, какъ компаніоны еврейскіе поставщики Марксонъ, Мазель, Аркинъ, Новинскій, Розенфельдъ и Штетерфельдъ сожгли свои торговыя книги, чтобы «коммерческіе соперники» не могли узнать ихъ торговыхъ тайнъ. Вѣроятно, ихъ болѣе смущала любознательность сенаторской ревизіи, чѣмъ коммерческихъ соперниковъ. Однако, любопытство ревизіи направилось въ иную сторону. И что же? Всѣмъ этимъ поставщикамъ простили и гниль, и мошенническую раскройку бѣлья, и короткія одѣяла, и сожженныя книги, и тайно подкладываемые старые сапоги, совершавшіе кругосвѣтное путешествіе изъ вещевыхъ складовъ на толкучій рынокъ и обратно... Все простили поставщикамъ и сдатчикамъ. Ни одного изъ нихъ не привлекли къ суду. Но какою дорогою цѣною пріобрѣтена ими эта милость, это великодушіе... Отъ нихъ требовали только одного: «маленькой» (?!) услуги правосудію; отъ нихъ требовали, чтобы они оговаривали офицеровъ... Эти оговоры были тѣми тридцатью сребрениками, которыми они пріобрѣли себѣ свободу и безнаказанность. И вотъ явившись въ судъ, подъ присягою одинъ за другимъ эти свидѣтели, оказавшіе «въ свое время», т. е. во время ревизіи, «услугу» правосудію, теперь на судѣ твердятъ въ одинъ голосъ, что не только никто изъ подсудимыхъ не вы-

могалъ у нихъ никогда взятокъ, но что даже многихъ изъ этихъ офицеровъ они видятъ впервые въ лицо здѣсь на судѣ, а раньше никогда ихъ не встрѣчали.

«Но какъ же вы оговаривали невинныхъ людей?» —спрашивали ихъ на судѣ. «Своя рубашка ближе къ тѣлу», — былъ отвѣтъ на эти вопросы. А другіе свидѣтели прямо заявили, что чины сенаторской ревизіи пугали ихъ арестомъ, грозили «сгноить въ тюрьмѣ», и заявили, что «вырвутъ» у нихъ показанія.

Свидѣтель Гурландъ объяснилъ на судѣ, что послѣ такихъ угрозъ онъ прямо заявилъ товарищу прокурора Бусло: пишите, что хотите, я все подпишу; «вы можете вырвать у меня показанія, какія вамъ угодны, но будутъ ли эти показанія имѣть значеніе въ судѣ?»

И вотъ теперь этотъ вопросъ Гурланда виситъ въ воздухѣ здѣсь, въ этой душной залѣ. Да, могутъ ли имѣть значеніе такіе оговоры и такія показанія, если они вырваны, если они добыты отъ свидѣтелей путемъ обѣщанія простить имъ всѣ ихъ собственныя прегрѣшенія и преступленія?! Я, конечно, не знаю, давалъ ли сенаторъ такое обѣщаніе; я даже ни на одну минуту не могу допустить мысли, что самъ ревизующій сенаторъ, облеченный огромными полномочіями и проникнутый, вѣроятно, искреннимъ желаніемъ блага Русскому государству, могъ бы давать такія позорныя обѣщанія Уздавскимъ, Марксонамъ, Френкелямъ, Розенфельду, Бутляру и другимъ поставщикамъ. Но всѣ мы теперь знаемъ, что это обѣщаніе «избавить преступныхъ поставщиковъ отъ всякой отвѣтственности» — это обѣщаніе, котораго, конечно, сенаторъ Нейдгартъ никому не давалъ— онъ свято выполнилъ... Никто изъ поставщиковъ и сдатчиковъ не привлеченъ къ отвѣтственности... Это напоминаетъ мнѣ профессора Фламаріона, который на вопросъ, есть ли на Марсѣ люди, отвѣчалъ: «я не знаю, есть ли тамъ люди, но я знаю, что они сооружаютъ такіе каналы, которые превосходятъ Суэзскій каналъ». Здѣсь то же самое: было ли обѣщаніе, мы не знаемъ, но что оно свято выполнено, это теперь намъ всѣмъ извѣстно! Судить о людяхъ можно по ихъ дѣламъ: всѣ поставщики—свидѣтели на свободѣ, всѣ офицеры на скамьѣ подсудимыхъ. Кому и для чего нуженъ былъ такой исходъ —рѣшитъ современемъ безпристрастная исторія!

Кто же больше всѣхъ старался оговорить русскихъ офицеровъ, кто пользовался особымъ довѣріемъ составителей обвинительнаго акта? Давидъ Френкель и Хаскель Марксонъ! Но первый столпъ обвиненія Давидъ Френкель подъ присягой заявилъ, что его возмущаетъ даже напоминаніе о тѣхъ протоколахъ, въ которыхъ приведены его оговоры противъ офицеровъ; никогда онъ не посмѣлъ бы оскорблять офицеровъ и говорить про нихъ, будто они вымогатели, грабители, требовавшіе отъ него даже по 20 копеекъ ежедневно на трамвай... «Это ложь, это клевета! Это все фантазіи сенаторскихъ чиновниковъ!» —воскликнулъ свидѣтель Френкель, и вы не забудете, господа судьи, этого его восклицанія. Вы вспомните, что его превосходительство предсѣдатель даже предупредилъ свидѣтеля Френкеля, что онъ будетъ удаленъ изъ зала, если позволитъ себѣ повторять по адресу чиновъ ревизіи такія выраженія. А вотъ второй столпъ обвиненія свидѣтель Хаскель Марксонъ въ судъ не явился. Онъ на дознаніи оговорилъ полковника Аничкова и другихъ офицеровъ. Я не знаю, нужно ли имѣть большое мужество для того, чтобы явиться въ судъ и подъ присягою отречься отъ тѣхъ показаній, которыя даны на предварительномъ слѣдствіи; но я знаю, и всѣ вы,

господа судьи, знаете, что Хаскель Марксонъ предпочелъ остаться въ Ниццѣ и купаться на берегахъ Средиземнаго моря въ яркихъ лучахъ южнаго солнца въ то время, какъ несчастнымъ израненнымъ офицерамъ приходится барахтаться въ той грязи, которою Марксонъ забросалъ ихъ мундиръ во время предварительнаго слѣдствія, чтобы только спасти самого себя.

Мы этого Марксона не видали и не слышали.

Но намъ чуть ли не цѣлый день два секретаря читали длинные протоколы его допроса, составленные во время сенаторской ревизіи. А затѣмъ военный прокуроръ призываетъ васъ, господа судьи, вѣрить этому Марксону...

Можно ли, однако, ему вѣрить?

Это тотъ самый Марксонъ, который придумалъ оскорбительные для офицеровъ псевдонимы и *фиктивными* записями на эти псевдонимы «заработалъ» 280 тысячъ рублей. Эти деньги даютъ ему теперь возможность купаться въ Средиземномъ морѣ, въ то время, какъ мы здѣсь купаемся въ грязи, созданной имъ же самимъ.

Намъ здѣсь разсказывали объ уничтоженіи торговыхъ книгъ, три дня продолжалось это сожженіе, но остались нетронутыми корешки съ записями на псевдонимы. Потому что они нужны были Марксону для оправданія предъ своими компаніонами въ фиктивныхъ расходахъ.

Всепожирающій огонь уничтожилъ всѣ документы, всѣ торговыя книги компаніоновъ Марксона,—и только «корешки съ псевдонимами» вышли невредимы изъ пламени, какъ во время оно три іудейскіе отрока изъ огненной печи... И по странной случайности корешки были приnесены къ сенатору гофмейстеру Д. Б. Нейгардту, и Хаскель Марксонъ великодушно разъяснилъ ревизующимъ чиновникамъ, что подъ псевдонимомъ «Абрамсона», которому дано разъ 300 рублей, другой 300 рублей, слѣдуетъ подразумѣвать офицера русской арміи, сподвижника Скобелева, полковника Аничкова. И это «признаніе» Хаскеля Марксона дало возможность составителю обвинительнаго акта подполковнику Болдескулу помѣстить въ обвинительномъ актѣ увѣреніе, что полковникъ Аничковъ уличается въ томъ, что путемъ вымогательства получилъ отъ Марксона, Мечика и *другихъ* всего 33,802 руб.

Какая поразительная точность въ цифрахъ —33,802 рубля. Не просто тридцать три тысячи восемьсотъ рублей, а еще и два рубля. Нехватаетъ упоминанія о копейкахъ! Но кто же и гдѣ удостовѣрилъ эти цифры? Кто вообще подтвердилъ самый фактъ вымогательства и полученія взятокъ? Рѣшительно никто даже на предварительномъ слѣдствіи, кромѣ одного Марксона, который не явился въ судъ; а свидѣтель Мечикъ прямо заявилъ на судѣ, что никогда ни одного рубля ему не случалось давать полковнику Аничкову, и если были какіе-нибудь слухи или «звуки» (какъ онъ выразился) про Аничкова, то эти «звуки» распускалъ только Марксонъ. Вотъ, вѣроятно за отсутствіемъ другихъ источниковъ, кромѣ источниковъ, заимствованныхъ у Хаскеля Марксона, составители обвинительнаго акта сдѣлали въ обвинительномъ пунктѣ добавленіе, что полковникъ Аничковъ получилъ 33,802 рубля отъ Марксона, Мечика и другихъ... А кто эти другіе, откуда они взялись—этого обвинительный актъ не разъясняетъ...

При удивительной точности въ цифрахъ—какая удивительная неточность въ именахъ! По корешкамъ Марксона выдано «Абрамсону» всего два раза по 300 рублей, а составители обвинительнаго акта, отожествляя полковника Аничкова съ псевдонимнымъ Абрамсономъ, подсчитали, что отъ Марксона и *другихъ* полковникъ Аничковъ получилъ 33,802 рубля. Между

тѣмъ, если даже вѣрить Марксону, то окажется, что онъ уплатилъ полковнику Аничкову всего по 4 копейки съ каждой пары сапогъ, а съ 200,000 паръ это составитъ 8,000 рублей. Откуда же появилась въ обвинительномъ актѣ цифра 33,802 рубля, полученные будто бы «отъ другихъ»?..

Это «и другихъ» напоминаетъ времена славной московской дипломатіи. Послы-бояре московскихъ великихъ князей для придапія большей важности своимъ государямъ перечисляли въ титулѣ великаго князя всѣ города, владѣнія и земли, входившія въ составъ Московскаго государства, и когда уже болѣе нечего было перечислять, прибавляли: *«и многихъ другихъ* земель и владѣній наслѣдный князь и обладатель», т. е. такихъ многихъ земель, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существовало... Вѣроятно, чтобы обвиненіе противъ полковника Аничкова казалось бы крѣпче, прибавлены эти «другіе»...

Изъ той полуофиціальной справочной книги интендантскаго вѣдомства, составленной Яковлевымъ, о которой на судѣ было такъ много разговоровъ, мы знаемъ, что полковникъ Аничковъ не былъ вовсе въ пріемной комиссіи въ то время, когда поставляли туда сапоги «другія» лица, и только во время поставки сапогъ Марксона полковникъ Аничковъ исполнялъ обязанности предсѣдателя пріемной комиссіи.

Мы знаемъ теперь послѣ допроса свидѣтелей подполковника Козело-Поклевскаго, полковника Петрова и штабсъ-капитана Войко, что тѣ негодные сапоги, о которыхъ имѣются подробныя повѣствованія чуть ли не на 60 страницахъ обвинительнаго акта, были заготовлены спѣшно во время Японской войны и приняты въ 1904 и 1905 годахъ, а также въ началѣ 1906 года, т. е. тогда, когда никто изъ обвиняемыхъ нынѣ офицеровъ еще не состоялъ даже въ варшавской пріемной комиссіи. Большинство обвиняемыхъ въ 1904 и 1905 годахъ были еще на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ имъ ставятъ въ вину то обстоятельство, что варшавская пріемная комиссія приняла негодные сапоги въ 1904 и 1905 годахъ. Гдѣ же виновники этихъ заказовъ и этихъ пріемокъ? Ихъ среди обвиняемыхъ здѣсь нѣтъ! Такъ зачѣмъ же обвинительный актъ приписываетъ подсудимымъ чужіе грѣхи? Зачѣмъ полковнику Аничкову ставились въ вину дурные сапоги, принятые въ 1905 и 1906 годахъ? Развѣ ревизующему сенатору и составителямъ обвинительнаго акта не было извѣстно, что полковникъ Аничковъ вступилъ въ варшавскую пріемную комиссію лишь съ 12 мая 1907 года?

Изъ сборника Яковлева знаемъ, что полковникъ Аничковъ почти все время своей службы въ пріемной комиссіи находился или въ разъѣздахъ или въ отпуску по болѣзни. На пріемкѣ онъ былъ весьма короткое время, въ теченіе котораго онъ никакъ не могъ принять такую массу сапогъ, за которую ему можно было бы заплатить такую громадную сумму денегъ.

Надо же быть послѣдовательнымъ и принять въ соображеніе, что полковникъ Аничковъ рвался въ Петербургъ къ семьѣ и главнымъ образомъ хотѣлъ бѣжать отъ пріемной комиссіи. Человѣкъ, который бралъ бы такія суммы денегъ, вряд ли хотѣлъ бы бѣжать отъ такого мѣста.

Несмотря на то, что законъ не разрѣшаетъ одностороннее освѣщеніе дѣла, здѣсь старательно выбрасываютъ изъ дѣла все, что можетъ служить въ пользу подсудимыхъ.

Показаніе Ласовской, показаніе жены полковника Аничкова, показанія Зингера и Гурланда, данныя на судѣ, старательно замалчивались прокура-

гурою. Свидѣтельскія показанія вызванныхъ по моей просьбѣ, но не явившихся за дальностью разстоянія свидѣтелей генерала Кишкина, полковника Толстого и Микини, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи и подтвердившихъ невиновность полковника Аничкова, умолявшаго начальство не назначать его въ пріемную комиссію, «признаны не имѣющими существеннаго значенія». А вотъ показаніе Френкеля «объ укромномъ мѣстѣ», гдѣ будто бы собирались офицеры это очень существенно...

Въ обвинительномъ актѣ говорится «о взаимномъ соглашеніи» всѣхъ членовъ пріемной комиссіи «вымогать отъ сдатчиковъ взятки»... Посмотрите, господа судьи, каковы были отношенія между полковникомъ Аничковымъ и полковникомъ Дубровинымъ. Даже въ обвинительномъ актѣ упоминается на страницѣ 56-ой о томъ, что полковникъ Аничковъ браковалъ такіе товары, которые затѣмъ принимались первымъ отдѣломъ на Сольцѣ подъ предсѣдательствомъ полковника Дубровина. На этой почвѣ между полковниками Дубровинымъ и Аничковымъ происходили постоянныя пререканія. Дошло дѣло до того, что когда комиссія Дубровина на Сольцѣ приняла забракованные Аничковымъ сапоги, то полковникъ Аничковъ поѣхалъ на Сольцъ, взялъ нѣсколько паръ крюковъ и поѣхалъ показать ихъ окружному интенданту. Это обстоятельство подтвердилъ даже Хаскель Марксонъ, тотъ самый Марксонъ, который будто бы платилъ за сапоги полковнику Аничкову по 4 копейки съ каждой пары. Можно ли послѣ этого говорить о какомъ-то соглашеніи между полковникомъ Дубровинымъ и полковникомъ Аничковымъ? Откуда же появилась въ обвинительномъ актѣ статья 13 уложенія? Откуда взято утвержденіе, будто между техникомъ и предсѣдателемъ и членами пріемной комиссіи установилось «взаимное соглашеніе о вымоганіи взятокъ»? Объ этомъ говорилъ при допросѣ во время сенаторской ревизіи только Давидъ Френкель. Вотъ кто создалъ въ данномъ дѣлѣ 13 статью, вотъ кто клеймилъ русскихъ боевыхъ офицеровъ названіемъ «грабителей»! Но это показаніе Френкеля на судѣ свелось къ тому, что его подъ угрозами посадить въ тюрьму принуждали на дознаніи, производившемся чинами сенаторской ревизіи, оговорить офицеровъ. На предварительномъ слѣдствіи онъ говорилъ, что сдатчики «страдали» отъ притѣсненій и вымогательства офицеровъ, онъ называлъ офицеровъ «грабителями»; но на судѣ подъ присягою Давидъ Френкель заявилъ: «Сдатчики это такое существо, которое стремится набить себѣ карманы за счетъ другихъ людей». «Напримѣръ мой родной братъ Леонтій Френкель развѣ нажилъ бы нѣсколько милліоновъ, если бы не показывалъ своимъ довѣрителямъ такія взятки, которыхъ на самомъ дѣлѣ вовсе не платилъ, а клалъ себѣ въ карманъ?!»

Я не знаю, насколько вообще заслуживаетъ довѣрія такой свидѣтель, какъ Давидъ Френкель; но вѣдь его показаніе легло въ основу обвинительнаго акта, и если въ его показаніи есть хоть одна искренняя правдивая нота, то это, конечно, не та, когда онъ у чиновника ревизующаго сенатора глумился надъ русскими офицерами, а тѣ, когда при чтеніи протоколовъ сенаторской ревизіи на судѣ онъ воскликнулъ: «я до глубины души возмущенъ, могъ ли я говорить, что офицеры получаютъ отъ меня деньги на трамвай по двадцать копеекъ въ день?»

Показаніе, данное на судѣ свидѣтелемъ Трояновскимъ въ отношеніи полковника Аничкова, совершенно разбило оговоръ Марксона. Я прошу васъ, господа судьи, припомнить изъ этого показанія ту часть, которая

записана по моей просьбѣ въ протоколъ судебнаго засѣданія. Этотъ свидѣтель сказалъ: «я былъ свидѣтелемъ того, что полковникъ Аничковъ однажды вышелъ изъ своего кабинета взволнованный, выгнавъ оттуда вошедшаго къ нему Минцберга, и, показывая на него, заявилъ: вотъ этотъ мерзавецъ предлагалъ мнѣ взятку».

На вопросъ господина прокурора, сказалъ ли тогда полковникъ Аничковъ «взятку» или «деньги», свидѣтель объяснилъ, что точно выраженіе теперь не помнитъ, но по возмущенію полковника Аничкова ясно было, что разговоръ шелъ о взяткѣ. Далѣе тотъ же свидѣтель Трояновскій удостовѣрилъ, что свидѣтель никогда не жаловался полковнику Аничкову на то, что члены его пріемной комиссіи дѣлаютъ задержки или забастовки въ пріемѣ товаровъ. Значитъ, если такія задержки даже были, полковникъ Аничковъ могъ о нихъ не знать. Наконецъ, этотъ свидѣтель на судѣ тоже удостовѣрилъ, что одинъ изъ компаніоновъ однажды записалъ на псевдонимъ Бонча десять тысячъ рублей, которыхъ въ дѣйствительности, по увѣренію другого компаніона Новинскаго, никогда Бончу не платилъ. Кромѣ того, свидѣтель Трояновскій удостовѣрилъ, что никогда никакихъ дѣловыхъ сношеній лично съ полковникомъ Аничковымъ не имѣлъ и никогда не провѣрялъ тѣхъ расходовъ, которые Марксонъ будто бы имѣлъ по поставкѣ товара; все же, что записано въ протоколѣ судебнаго слѣдователя, свидѣтель говорилъ лишь со словъ другихъ лицъ, а именно Мазеля и Марксона.

Между тѣмъ вы видѣли уже, господа судьи, какъ безцеремонно Марксонъ придумывалъ «псевдонимы», чтобы положить нѣсколько лишнихъ тысячъ рублей въ свой собственный карманъ.

Свидѣтель Слонимъ Гурландъ на судѣ подъ присягою удостовѣрилъ, что никакихъ личныхъ сношеній, кромѣ самыхъ офиціальныхъ, съ полковникомъ Аничковымъ не имѣлъ и лишь однажды по порученію Мазеля занесъ къ полковнику Аничкову конвертъ, вскрывъ который и увидя, что тамъ толстая пачка денегъ, полковникъ Аничковъ пакета не принялъ и сказалъ: «передайте Мазелю, что такихъ пакетовъ не принимаю».

Свидѣтель Гурвичъ, зять Мазеля, подтвердилъ на судѣ, что со словъ Мазеля знаетъ, что Марксонъ вписывалъ компаніонамъ въ расходъ *фиктивныя взятки*. Самъ же свидѣтель Давидъ Мазель никакихъ дѣловыхъ отношеній къ полковнику Аничкову не имѣлъ и при немъ никакихъ сдачъ не производилъ. Однажды во время компанейской поставки послалъ пакетъ съ благодарностью, но полковникъ не принялъ. Все, что показывалъ у чиновъ сенаторской ревизіи, онъ показывалъ ложно подъ вліяніемъ угрозъ и принужденія.

Но особенно большое значеніе для оправданія полковника Аничкова имѣетъ показаніе, данное на судѣ свидѣтелемъ капитаномъ Бойко. Вы, господа судьи, конечно, помните, что въ обвинительномъ актѣ упоминается, что этотъ свидѣтель былъ очень строгъ во время пріемокъ. И вотъ этого свидѣтеля, этого строгаго пріемщика, забраковавшаго большую партію сапогъ въ комиссіи на Сольцахъ, не только не боится полковникъ Аничковъ, но наоборотъ выражалъ пожеланіе, чтобы именно капитана Бойко назначили въ ту пріемную комиссію, въ которой онъ, Аничковъ, предсѣдательствуетъ. Ясно, что если бы полковникъ Аничковъ имѣлъ бы какое-нибудь соглашеніе съ поставщиками или съ членами пріемной комиссіи, то конечно онъ не хлопоталъ бы о назначеніи въ свою пріемную комиссію такихъ

офицеровъ, безусловная строгость и добросовѣстность которыхъ не возбуждала никакихъ сомнѣній.

Свидѣтель Маркусъ Ризманъ показалъ, что полковникъ Аничковъ первый, вспыльчивый человѣкъ, но справедливый. Свидѣтель лично никому изъ обвиняемыхъ не давалъ никогда денегъ и все, что показывалъ у чиновъ ревизіи, говорилъ только со словъ покойнаго Трембицкаго, но самъ ничего не знаетъ. «Иногда Марксонъ, чтобы покрыть свои личные расходы, расписывалъ ихъ на псевдонимы, подъ которыми подразумѣвались фамиліи такихъ лицъ, которыя въ дѣйствительности этихъ денегъ не получали».

Свидѣтель Эдуардъ Мешке показалъ, что служитъ 6 лѣтъ бухгалтеромъ у фирмы «Темплеръ и Пфейферъ». Какіе были расходы Бутляра, не зналъ, когда велъ книги; но такая рубрика «расходы Бутляра» существуетъ въ книгахъ и теперь.

Свидѣтель Моисей Эфросъ показалъ, что видалъ, какъ въ магистратѣ грозили кулаками Гурвичу и другимъ, въ виду этого и въ виду угрозы посадить его самого въ тюрьму, если онъ не покажетъ противъ офицеровъ, онъ во время ревизіи показалъ такъ, какъ желали чиновники ревизіи.

По обвинительному акту выходило, будто всѣ эти поставщики братья Узданскіе, братья Шлосберги, Хаскель Марксонъ, братья Френкели, Самуилъ Люксенбергъ, Гурвичъ, Іосифъ Розенфельдъ, полубаронъ Іосифъ Бутляръ—являются овечками, которыхъ стригли безпощадно противъ ихъ воли русскіе офицеры. Но при болѣе тщательномъ изученіи дѣла оказывается, что во время сенаторской ревизіи произошло перемѣщеніе полюсовъ, и тамъ, гдѣ слѣдовало быть южному полюсу, оказался сѣверный, и гдѣ надо было искать подсудимыхъ, тамъ искали свидѣтелей...

Гг. судьи! Я не заслужилъ бы вашего довѣрія, которое я заслужить хочу, если бы я утверждалъ, что ни въ одной пріемной комиссіи не даютъ мелкихъ подарковъ въ благодарность за громадные труды, хотя бы вродѣ кольца, поднесеннаго полковнику Лопатину. Но это еще очень далеко отъ вымогательства.

Вотъ тѣ общія соображенія, которыя я счелъ необходимымъ высказать. Что же, въ частности, касается полковника Аничкова, то надѣюсь, что вы уже пришли къ твердой увѣренности въ его невиновности. Нельзя же посылать въ арестантскія роты заслуженнаго боевого офицера—полковника на основаніи одного оговора, сдѣланнаго Хаскелемъ Марксономъ. Можетъ ли вѣрить военный судъ Марксону, которому не вѣрили его собственные компаніоны, его сородичи и единоплеменники?

Хаскель Марксонъ выписалъ изъ-за границы восемь машинъ для торговой компаніи и поставилъ въ счетъ компаніонамъ, будто уплатилъ за каждую машину по 1,900 рублей; а въ дѣйствительности, когда Мазель и Гурвичъ провѣрили счеты и накладныя, оказалось, что за каждую машину заплачено всего лишь по 1,200 марокъ, т. е. около 600 р., а своихъ компаніоновъ Марксонъ увѣрялъ, что заплатилъ по 1,900 рублей. Вотъ каковъ человѣкъ, оговорившій полковника Аничкова.

Полковнику Аничкову ставится въ вину даже письмо къ нему его 13-тилѣтней дочери, которая пишетъ, что Марксонъ передалъ ей присланный отцомъ шоколадъ. Неужели за эти конфекты слѣдуетъ сорвать съ полковника Аничкова погоны и ордена, добытые тяжелыми боевыми трудами подъ Рущукомъ и Плевною?

Неужели не ясно, что потому именно Марксонъ старался угождать полковнику Аничкову мелкими порученіями, вродѣ передачи въ институтъ коробки конфектъ, что зналъ, что никакихъ взятокъ полковнику Аничкову предложить не возможно, а между тѣмъ этотъ строгій, суровый и даже ворчливый полковникъ ему былъ нуженъ?.. И вотъ Марксонъ, уѣзжая по своимъ дѣламъ въ Петербургъ, разсыпается передъ полковникомъ Аничковымъ, проситъ сдѣлать ему честь поручить ему передать въ институтъ посылочку пастилы и шоколада маленькой двѣнадцати-лѣтней дочери полковника.

Повѣрьте, господа судьи, если бы полковника Аничкова можно было подкупить деньгами, милліонеръ Марксонъ не разыгрывалъ бы роль посыльнаго или почтальона, отвозящаго коробочки конфектъ въ институтъ для благородныхъ дѣвицъ...

Кто же изъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что полковникъ Аничковъ когда-либо «вымогалъ» и «требовалъ денежное вознагражденіе»?

На предварительномъ слѣдствіи Ривка Кисина прямо показала, что никому изъ офицеровъ она и ея мужъ взятокъ не платили, такъ какъ составъ офицеровъ постоянно мѣнялся и, кромѣ того, само дѣло ихъ не было уже настолько крупно, чтобы давать взятки. Однако, въ обвинительномъ актѣ приведено показаніе Ривки Кисиной, въ которомъ она дословно говорила слѣдующее: «Аничковъ не стѣснялся и весьма *откровенно подсказывалъ* намъ, чтобы мы ему заплатили; *конечно, онъ прямо этого не заявлялъ*, но своимъ поведеніемъ показывалъ, что намъ надо дѣлать. Онъ бралъ со столовъ сшитыя штуки бѣлья и, какъ бы провѣряя крѣпость шитья, растягивалъ рубахи, но не по шву, а по цѣльному холсту, который, конечно, и разрывался; такимъ образомъ онъ испортилъ у насъ 600 штукъ рубахъ».

Если разобрать это показаніе въ томъ даже видѣ, какъ оно записано старшимъ чиновникомъ при сенаторѣ Нейдгартѣ А. А. Чернявскимъ въ протоколѣ отъ 5 іюня 1910 года и въ обвинительномъ актѣ, то окажется, что никогда Кисины ни одного рубля полковнику Аничкову не платили. Полковникъ Аничковъ, растягивая рубахи въ пріемной комнатѣ, разорвалъ по цѣльному холсту 600 штукъ рубахъ. Это признаетъ сама Ривка Кисина. Значитъ, по ея собственному признанію, эти рубахи не отличались хорошимъ качествомъ и крѣпостью холста. Забраковавъ такія рубахи, полковникъ Аничковъ лишь исполнилъ свою прямую обязанность, и поэтому военный судъ въ такомъ поступкѣ полковника Аничкова никоимъ образомъ не можетъ усмотрѣть вымогательства.

Какъ видно изъ показанія капитана Рѣцко, оглашеннаго по моей просьбѣ, полковникъ Аничковъ жаловался однажды окружному интенданту на Кисиныхъ за то, что Хаимъ Кисинъ ставилъ рубахи, сшитыя «бавеламп». Вотъ эта-то жалоба, вѣроятно, и вызвала въ Кисиныхъ раздраженіе противъ полковника Аничкова, а военный слѣдователь очень искусно использовалъ это раздраженіе.

На судѣ подъ присягою Ривка Кисина показала, что никогда полковникъ Аничковъ не дѣлалъ даже намековъ на деньги, но былъ очень строгъ и придирчивъ; объ этомъ она показывала слѣдователю, который изъ этого ея объясненія вывелъ, что полковникъ «подсказывалъ, чтобы ему заплатили».

Кажется, господа судьи, я исчерпалъ все, что дало намъ четырехъ-недѣльное судебное слѣдствіе, и теперь, когда приближается минута ваше-го приговора, я съ грустью вспоминаю письменные труды штабсъ-капи-тана Савчинскаго, который «въ дружномъ единеніи съ чинами сенаторской ревизіи» создалъ 52 тома предварительнаго слѣдствія, запося въ свои про-токолы съ особою ревностью возмутительные, лживые оговоры противъ боевыхъ офицеровъ русской арміи. Но отъ этихъ праведныхъ трудовъ мысли мои несутся туда -къ Ляояну, Мукдену и Шахэ, гдѣ пронизанные японскими пулями истекали кровью поручикъ Цомая, раненый шестью пулями въ ротъ, въ грудь, въ животъ и въ обѣ ноги, штабсъ-капитанъ Соколовъ, ра-неный тремя пулями, штабсъ-капитанъ Хруцкій, которому вражеская пуля пробила насквозь голову, штабсъ-капитанъ Винярскій, которому оторвало ногу; штабсъ-капитаны Голяховскій, Гончаровъ, Виватовскій, Валовичъ, Михальковскій, поручики Поджіо и Амонтовъ—всѣ они оросили своею кровью далекія поля Маньчжуріи! И про всѣхъ этихъ искалѣченныхъ, израненныхъ героевъ, измученныхъ двухлѣтнею судебною драмою, воен-ный прокуроръ и его помощникъ говорили, какъ о «паразитахъ» и «сор-ныхъ травахъ, которыя необходимо вырвать съ корнемъ». «Они устояли противъ японцевъ, но не устояли противъ соблазна искусителей, протяги-вавшихъ имъ въ грязныхъ рукахъ золото»,—такъ закончилъ свою рѣчь помощникъ военнаго прокурора; но я позволю себѣ спросить: чѣмъ дока-зано, что эти герои соблазнились золотомъ? Этого-то ни прокуроръ, ни его помощникъ не доказали.

Но зато мы знаемъ послѣ гласнаго, всесторонняго разбора этого про-цесса, при какихъ исключительныхъ, *чрезвычайныхъ* условіяхъ происхо-дило предварительное слѣдствіе, направленное на то, чтобы посадить на позорную скамью подсудимыхъ какъ можно болѣе офицеровъ! Мы знаемъ, что если бъ въ отношеніи дѣйствительныхъ преступниковъ, въ отношеніи убійцъ, воровъ и грабителей принималась бы въ Россіи хоть десятая часть тѣхъ чрезвычайныхъ мѣръ, которыя принималъ ревизующій сенаторъ въ отношеніи офицеровъ русской арміи, то давно бы уже прекратились бы всѣ убійства и разбои, отъ которыхъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ идетъ стонъ по всей Россіи...

Но когда средь бѣлаго дня убили на людной улицѣ Варшавы гордость и надежду нашей артиллеріи, выдающагося артиллерійскаго полковника Николаева, тогда повальныхъ обысковъ не дѣлали, тогда не оцѣпляли фа-брики и кварталы войсками, тогда не дѣлали ночныхъ обысковъ и мас-совыхъ арестовъ; а вотъ, когда надо было упечь во что бы то ни стало боевыхъ русскихъ офицеровъ и опорочить честь полковника Аничкова, тогда не постѣснялись даже въ три часа ночи будить больную, перенес-шую тяжелую мучительную болѣзнь жену полковника Аничкова и застав-или ее, невыносимо страдавшую каменями въ печени, стоять два часа на ногахъ, пока чины ревизіи шарили въ спальнѣ, искали въ постели, въ по-душкахъ и въ матрацахъ документы и деньги, якобы имѣющіяся у пол-ковника. И когда перерыли всѣ банки и конторы и ничего не нашли, то все-таки арестовали полковника, грудь котораго увѣшена боевыми орде-нами съ мечами и съ надписями «за храбрость».

Изъ всего этого дѣла видно, что не только золото является орудіемъ соблазна, но часто возможность сдѣлать карьеру, угодить сильнымъ міра сего играетъ важную роль въ словахъ, въ дѣйствіяхъ и поступкахъ лю-

дей! Не этимъ ли страхомъ предъ огромными полномочіями ревизующаго сенатора объясняются и тѣ оговоры на предварительномъ слѣдствіи, которые здѣсь на судѣ не только не подтвердились, но наоборотъ подъ присягою окончательно опровергнуты?

Почему же, еще разъ повторяю, мы должны вѣрить всему тому, что марало офицерскій мундиръ, и не вѣрить всему тому, что очищаетъ этотъ мундиръ отъ той наносной грязи, которою ее забросали на предварительномъ слѣдствіи во время сенаторской ревизіи? Развѣ на душѣ у насъ не стало легче, когда мы убѣдились, что вся эта грязь уже смыта?.. Можетъ быть я говорю, какъ военный, будучи штатскимъ. Но, господа судьи, вѣдь преемственность и наслѣдственность традицій передается отъ предковъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ, и можетъ быть въ этой душной залѣ, когда подсудимые съ тревогою ждутъ своей участи, мнѣ чудятся тѣни предковъ въ старыхъ полковничьихъ и генеральскихъ мундирахъ временъ Очакова, Бендеръ и Бородина, и эти милые родные образы старой славной русской арміи вдохновляютъ меня горячо заступаться за честь военнаго мундира, за славныя знамена, которыя развѣвались на вершинахъ Альпійскихъ горъ, въ стѣнахъ Парижа, Берлина и другихъ столицъ Европы! Мы еще не знаемъ, что дадутъ намъ «обновители», требующіе, чтобы военные суды вырвали съ корнемъ изъ рядовъ доблестной русской арміи боевыхъ офицеровъ, которые не сумѣли угодить сдатчикамъ и поставщикамъ; но мы знаемъ, что дала Россіи, что дала Европѣ, что дала исторіи та старая армія, которой не успѣли еще передѣлать всевозможные «обновители». Побѣдоносная русская армія заполнила своими подвигами цѣлыя страницы всемірной исторіи, она явила изумленному міру такихъ полководцевъ, какъ Суворовъ, Румянцевъ, Кутузовъ и Скобелевъ... Она повергла во прахъ величайшаго военнаго генія Наполеона Великаго. Изъ уваженія къ этой непобѣдимой славной русской арміи я прошу васъ, господа судьи, смойте съ сѣдой головы полковника Аничкова тотъ незаслуженный, тотъ напрасный позоръ, которымъ его пытался надѣлить обвинительный актъ. Пусть вашъ приговоръ скажетъ на всю Россію, что чиновники ревизіи могли ошибаться, что евреи поставщики, напуганные этою ревизіею, могли напраслину взводить на офицеровъ,—но полковникъ, имѣющій ордена св. Владиміра и св. Анны съ мечами, не можетъ быть вымогателемъ и не былъ никогда «вымогателемъ»...

Я разобралъ всѣ улики, всѣ доводы обвиненія, и отъ «мирныхъ» многотомныхъ трудовъ штабсъ-капитана Савчинскаго, произведеннаго уже внѣ очереди въ подполковники, не осталось ничего уличающаго боевого полковника Аничкова въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести. Онъ никогда не причинялъ ущерба казнѣ, онъ не принималъ никогда дурного снаряженія для солдатъ, онъ не принялъ ни одной гнилой подошвы, ни одной негодной рубахи; онъ не только никогда не вымогалъ взятокъ, но онъ не бралъ ихъ даже тогда, какъ удостовѣрили свидѣтели, когда онѣ ему предлагались добровольно подъ видомъ приношеній, подъ видомъ жертвъ на Красный Крестъ и крупныхъ тысячерублевыхъ пакетовъ. Теперь съ поникшею головою, на которую обрушилось столько страданій, оскорбленій и униженій за время сенаторской ревизіи, онъ ждетъ отъ васъ, господа судьи, оправдательнаго приговора. Отбросивъ все наносное, все ненужное, вы сумѣете разобраться въ этомъ огромномъ матеріалѣ и вынесете тотъ приговоръ, который успокоитъ всѣхъ, кому дорога слава и честь доблестной русской арміи, вернувъ ей стараго заслуженнаго боевого полковника Аничкова...

Рѣчь прис. пов. Этингера

(защитника подполк. Рыбницева и Краевскаго и техника Адамовича).

Гг. судьи! Приступая къ защитѣ подсудимыхъ, я считаю необходимымъ разобраться въ матеріалѣ, поставленномъ въ концѣ обвинительнаго акта. Матеріалъ этотъ еще не былъ затронутъ, и поэтому надо выяснить его значеніе. Тамъ приведены 377 и 378 ст., которымъ предпослана 13 статья. Эта 13-я статья явилась въ качествѣ очаровательной незнакомки, съ которой однако никто еще не пытался сорвать вуаль. Для господъ прокуроровъ она должна была сыграть роль «прислуги за все»: она должна была явиться цементомъ, спаивающимъ въ единое цѣлое всѣхъ подсудимыхъ. Мы слышали здѣсь слово «система». Но это былъ одинъ звукъ, безъ реальной подкладки. При всемъ умѣніи гг. прокуроровъ, ихъ попытка упрочить эту «систему» не увѣнчалась успѣхомъ. Разсказъ о кондиторской Сверчевскихъ былъ одной изъ такихъ попытокъ доказать существованіе предварительнаго сговора. Но хозяева кондитерской здѣсь намъ говорили, что никто изъ интендантскихъ поставщиковъ у нихъ въ кондиторской не бывалъ. Еще болѣе: нѣкоторые подсудимые здѣсь заявляли, что они здѣсь, на судѣ, впервые другъ съ другомъ познакомились... Это ли предварительный между собою уговоръ?..

Я думаю, гг. судьи, что нечего ломиться въ открытую дверь—13-ой статьи здѣсь нѣтъ!

Въ нашемъ старомъ казуистическомъ уложеніи о наказаніяхъ мирно уживались рядомъ различныя преступленія. Мы слышали въ обвинительной рѣчи прозрачные намеки на «поборы». Но это, видно, произошло случайно. Главное же здѣсь—вымогательство, угрозы. Въ обвинительной рѣчи слышали мы разные термины: требованіе, желаніе получить.

Выяснивъ понятіе требованія по смыслу 377 ст., разъясненной въ рѣшеніяхъ Правительств. Сената, защитникъ продолжаетъ:

— Я счелъ необходимымъ остановиться на юридическомъ пониманіи этихъ статей, потому что обвиненіе въ этомъ отношеніи обошлось общими мѣстами. Протоколы же предварительнаго слѣдствія не заполняютъ пустого мѣста, которое осталось послѣ улетучиванія 13 статьи.

Казалось бы, нѣтъ рѣчи о качествѣ товара; но обвинительный актъ и товару посвятилъ не мало страницъ. Какъ защитникъ, я и эту сторону обвиненія не могу обойти молчаніемъ. Страннымъ кажется, что тамъ, гдѣ судятся живые люди, мы видимъ сапоги, рубашки и прочіе неодушевленные предметы. Добро бы, если бы хоть эти предметы находились въ какой-либо связи съ подсудимыми. Но этого нѣтъ. Фигурирующіе на судѣ сапоги—безъ рода и племени: неизвѣстно, кто и когда ихъ строилъ и когда они прошли чрезъ пріемную комиссію. Былъ моментъ, когда старались узнать, откуда подсудимый взялъ деньги, оказавшіяся у него въ карманѣ. Но развѣ можемъ мы имѣть удостовѣреніе о происхожденіи каждаго нашего пятака?

Результаты работъ пріемной комиссіи выражаются въ письменныхъ документахъ: отчетахъ, клеймахъ и проч. А между тѣмъ здѣсь на первый планъ выдвигаютъ разсказъ. Прошли разсказы о сапогахъ, ихъ кругосвѣтныхъ путешествіяхъ, т. е. что они уходили изъ Варшавы и возвращались въ Варшаву. Эти разсказы подкрѣплялись ссылками на газеты, которыя объ этомъ пишутъ... Но когда это писали? Во время войны, когда дѣлались спѣшныя заготовки. Разсказы свидѣтелей о скверномъ товарѣ отно-

сятся къ вещамъ другихъ военныхъ округовъ, за которые варшавская пріемная комиссія отвѣчать не должна.

Нѣкоторые офицеры-свидѣтели жаловались на отсутствіе изящества въ шитьѣ шинелей. Но въ этомъ виноваты не мастерскія, а образцы. Полк. Алешинъ неправильно назвалъ отсортированный имъ товаръ «браковаинымъ», такъ какъ бракованный товаръ—это никуда негодный.

Сапоги же, отвергнутые полковникомъ Алешинымъ, за небольшимъ исключеніемъ были признаны пріемлемыми подполковникомъ Ѳедотовымъ. Не важна терминологія, а важенъ фактъ, что не было чудовищнаго брака (10 проц.). Если ко всему этому прибавить, что сапоги хранились при невозможныхъ условіяхъ, то мнѣ вполнѣ становится понятнымъ, почему вы, господа судьи, постановили экспертизы не производить...

Въ одномъ мѣстѣ обвинительнаго акта говорится о забастовкахъ. Это, во всякомъ случаѣ, не можетъ относиться къ подполковнику Рыбинцеву, который изъ 13 милліоновъ аршинъ ткани принялъ всего около 1,500 аршинъ. Я долженъ еще прибавить, что подсудимому ставится въ вину то, что онъ не клеймилъ брака треугольнымъ клеймомъ. Но вѣдь это клеймо появилось не въ началѣ пріема товара, а впослѣдствіи.

Положеніе защиты осуждаетъ ее на жалкую роль обороны, но мы лишены тѣхъ безграничныхъ средствъ и возможностей, которыми располагаетъ обвиненіе. Но изъ невозможности доказывать нельзя вывести заключенія о виновности подсудимаго.

Предсѣдатель предлагаетъ защитнику воздержаться отъ отступленій отъ существа дѣла и вообще говорить въ болѣе сжатой формѣ, такъ какъ эти отступленія утомляютъ судъ.

Защитникъ, играя словами, отвѣчаетъ, что для него, какъ защитника, «отступленіе» невозможно...

- Прошу говорить сжато, —предлагаетъ предсѣдатель.

—Здѣсь,—продолжаетъ защитникъ,—старались опорочить свидѣтелей, которые будто бы совѣщались и рѣшили: слѣдователю говорить много, а суду ничего.

Были два типа сдатчиковъ: сдатчикъ промышленникъ, который работалъ на 10 проц., и сдатчикъ служащій, который получалъ опредѣленное жалованіе. Послѣдній можетъ быть приравненъ къ кухаркамъ, которыя зарабатываютъ при покупкѣ продуктовъ на базарѣ...

Какъ должны были поступить эти люди, когда услышали о нагрянувшей сенаторской ревизіи? Это было для нихъ чѣмъ-то страшнымъ, стихійнымъ. Здѣсь говорили объ этнографическомъ составѣ свидѣтелей... Ничего удивительнаго, что еврейскіе свидѣтели не проявили храбрости. Имъ говорили объ арестѣ. Какъ же они, сознающіе нѣкоторую свою вину, должны были реагировать на это? Они знали, что ихъ хозяева признались чиновнику ревизіи, что давали служащимъ деньги для чиновъ пріемной комиссіи. Это значило, что они, сдатчики, подлежатъ отвѣтственности по 380 статьѣ, то-есть, за полученіе для передачи взятки. Если же они признаются, что эту взятку передали по назначенію, то они подлежатъ отвѣтственности по 381 ст., т. е., за врученіе взятки. Такимъ образомъ, они оказались между Сциллой и Харибдой. И они выбрали тотъ путь, который указало имъ чувство самосохраненія. Но они шли еще дальше: они пошли доносить на себя, доказывая, что они устраивали фиктивные и полуфиктивные завозы.

Я не допускаю мысли, чтобы ихъ заставляли говорить неправду. Имъ только говорили: «Я у васъ вырву правду!»... Но правду вырывать не при-

ходится. Производящій допросъ долженъ избѣгать не только угрозъ, но и ухищреній. Фактически же происходитъ неравная борьба интеллектуально и юридически сильнаго со слабымъ.

Доказывая отсутствіе однообразія въ отказахъ свидѣтелей отъ показаній, на которое указывалъ прокуроръ, защитникъ приводитъ мотивы отказовъ многихъ свидѣтелей.

Есть свидѣтели, —продолжаетъ г. Этингеръ,—которыхъ здѣсь не было. Но можно съ увѣренностью сказать, что если бы они сюда явились, они тоже отреклись бы отъ своихъ показаній, такъ какъ и къ нимъ примѣнялись тѣ же методы, и они давали свои показанія при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и явившіеся въ судъ.

Что жъ дѣлать! Не у всѣхъ хватаетъ мужества притти въ судъ, чтобы засвидѣтельствовать правду.

Заканчивая общую часть рѣчи, защитникъ анализируетъ подробно систему допроса свидѣтелей сенаторскими чиновниками и судебнымъ слѣдователемъ и находитъ, что свидѣтелямъ естественно передавалось то убѣжденіе, которое создалось у лицъ допрашивавшихся. Дальше защитникъ останавливается на анонимныхъ доносахъ, использованныхъ обвиненіемъ, и доказываетъ, что доносы эти составлялись людьми заинтересованными, коими въ данномъ случаѣ могли явиться только враждующіе конкуренты.

Кто именно изъ конкурировавшихъ поставщиковъ занимался фабрикаціей анонимныхъ доносовъ, ясно изъ слѣдующей части рѣчи, въ которой защитникъ характеризуетъ «благотворительный» институтъ, извѣстный подъ названіемъ «Дома трудолюбія».

Свид. Гелеръ наивно назвалъ эти дома «провокаторскими». Онъ говорилъ намъ о существовавшей тамъ «двойной» бухгалтеріи, сводившейся къ тому, чтобы скрывать слѣды преступныхъ дѣйствій господъ заправилъ, «благотворителей».

Меня удивляетъ, какъ могъ попасть въ настоящее дѣло полк. Рыбинцевъ. Основой для обвиненія полк. Р. послужили пресловутыя забастовки. Г. прокуроръ даже сравнивалъ эти забастовки съ тѣми, которыя доводятъ до всеобщаго голода и всеобщей тьмы. Я думаю, что если была тьма въ настоящемъ дѣлѣ, то именно при разработкѣ вопроса объ этихъ забастовкахъ. Для опредѣленія причастности полк. Р. къ забастовкамъ надо было прежде всего установить время пониженія и повышенія цифръ пріема товара. Вспомните показанія свидѣтелей, напр. полк. Петрова, о требовательности полк. Рыбинцева, которую онъ проявлялъ при пріемкѣ, —и вамъ станетъ понятнымъ причина недовольства имъ свидѣтелей, которые его оговаривали на предварительномъ слѣдствіи. Но здѣсь всѣ свидѣтели отреклись отъ своихъ оговоровъ. Строгость полк. Рыбинцева между прочимъ доказывается фактомъ, что ему старались дать взятку, которую онъ, понятно, отвергъ.

Весь разсказъ о забастовкахъ падаетъ не потому, что онъ не доказанъ, а потому, что никакихъ забастовокъ и не было.

Противъ подполк. Рыбинцева выдвигается еще одна улика у него были деньги: изъ отзыва конторы Баранова съ несомнѣнностью видно, что деньги эти принадлежатъ его женѣ уже 25 лѣтъ. Еще одно обвиненіе: бѣлье пополнялось покупкой на сторонѣ. Но вѣдь это уже преступленіе заправилъ «домовъ трудолюбія», въ которое они пріемную комиссію, понятно, не посвящали.

Слѣдующимъ подсудимымъ въ порядкѣ обвиненія является подполк. Краевскій. Единственнымъ основаніемъ для обвиненія его послужили письма

его жены. По поводу этихъ писемъ г. прокуроръ здѣсь бросилъ очень красивую фразу: «Когда судъ заглядываетъ въ будущее человѣка, готовя ему арестантскія отдѣленія, онъ долженъ заглянуть и въ ихъ прошлое». Съ болью въ сердцѣ прослушалъ я это мѣсто въ корректной въ общемъ рѣчи г. прокурора. Говорить такимъ образомъ о человѣкѣ, который еще не защищался, по крайней мѣрѣ, преждевременно.

Одинъ изъ министровъ Наполеона, министръ полиціи, сказалъ: «Дайте мнѣ три строчки, написанныя человѣкомъ, и я повѣду его на висѣлицу». Представители обвиненія пользовались письмами жены подполковника Рыбицева весьма осторожно. Они брали только отдѣльныя фразы, выхваченныя изъ разныхъ мѣстъ; иногда даже отдѣльныя слова. Г. прокуроръ, напримѣръ, особенно остановился на словѣ «оперились». Источникомъ преступленія г. прокуроръ считаетъ тотъ фактъ, что полковникъ Рыбицевъ тратилъ на столъ, на одинъ только столъ, все свое жалованье. Сколько же онъ получалъ этого жалованья? Шестьдесятъ шесть рублей въ мѣсяцъ! И это на содержаніе семьи изъ 7 человѣкъ.

Въ чемъ же состоялъ заработокъ полк. Краевскаго, про который писала его жена? Онъ «наѣзжалъ прогоны». И этимъ путемъ онъ дѣйствительно наживалъ до 3,000 руб. въ годъ.

Если въ разбираемыхъ нами письмахъ сохранились слѣды преступленій, то непонятно, почему полк. Рыбицевъ не уничтожилъ ихъ наканунѣ ревизіи. Вѣдь онъ не хуже поставщиковъ зналъ, что разъ появилась комета, то должно послѣдовать сотрясеніе...

Представители обвиненія не поняли духъ писемъ жены полк. Краевскаго. Надо знать людей, ихъ отношенія, чтобы понять ихъ языкъ.

Въ протоколѣ о пріемѣ подполк. Краевскимъ 13 тысячъ паръ голенищъ видно, что тамъ былъ бракъ полъ-голенища... Цифра 13 оказалась роковой, но не для подполк. Краевскаго, а для обвиненія.

Перейдя къ защитѣ техника Адамовича, г. Этингеръ указываетъ на нелогичность и нецѣлесообразность наличія у него трехъ псевдонимовъ. Дальше защитникъ доказываетъ, что у Адамовича задолго до его поступленія въ комиссію имѣлись большія средства. Показанія свидѣтельницы Маслеевой, бывшей сожительницы г. Адамовича, сомнительны уже по одному тому, что она разсталась съ г. Адамовичемъ не совсѣмъ дружелюбно. Главными свидѣтелями противъ г. Адамовича являются тотъ же Марксонъ и остальные запрашлы «домовъ трудолюбія», цѣнность показаній которыхъ мы уже достаточно выяснили.

Я кончилъ разборъ уликъ и общую часть. Теперь я долженъ только сказать еще: когда вы, гг. судьи, будете рѣшать вопросъ о виновности этихъ людей, не считайтесь съ тою частью обвинительнаго акта, которая не доказана. Во всякомъ дѣлѣ рукъ человѣческихъ бываютъ ошибки. Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ тѣ 5 строкъ обвинительнаго акта, которыя были перенесены изъ одного мѣста въ другое.

Вы будете помнить, гг. судьи, о свойствѣ и значеніи показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей, которыхъ чины сенаторской ревизіи не предваряли о присягѣ. Согласно Высочайшему повелѣнію отъ 18 марта 1910 года, дознанія чиновъ сенаторской ревизіи могутъ быть судебными документами, но когда при дознаніи соблюдались всѣ указанія закона.

Вы будете помнить, гг. судьи, что нѣкоторые факты въ этомъ дѣлѣ почерпнуты изъ документовъ не достовѣрныхъ: я говорю о брошюрѣ, которой пользовался военный слѣдователь.

Вы будете помнить, что нѣкоторые факты противорѣчатъ другъ другу: напримѣръ, намъ теперь извѣстно, что во время нахожденія въ комиссіи Гринева, въ ней еще не было подполковника Рыбинцева.

Вы будете помнить и то, что участь ихъ еще не предрѣшена. Она въ вашихъ рукахъ. Вы ее будете рѣшать.

Здѣсь говорилось о доблести войскъ и сѣдой славѣ знаменъ. Чтобы эти слова по отношенію къ войскамъ остались не пустыми только словами, надо прежде всего отрѣшиться отъ предубѣжденія въ отношеніи вѣдомства, которое составляетъ составную часть арміи. Улица можетъ думать, что ей угодно. Но въ этомъ храмѣ правосудія нѣтъ мѣста для предубѣжденія.

Я смѣю ходатайствовать передъ вами о полномъ оправданіи всѣхъ трехъ подсудимыхъ, которыхъ я защищаю.

Защита.

Послѣ рѣчей прис. пов. Булацеля и Этингера, въ значительной мѣрѣ исчерпавшихъ общія для всѣхъ подсудимыхъ положенія, вытекающія изъ результатовъ судебнаго слѣдствія, поставленныхъ подъ освѣщеніе соотвѣтствующихъ статей закона, логики и психологіи, остальнымъ защитникамъ осталось ограничивать свои рѣчи узкимъ кругомъ, охватывающимъ интересы собственно ихъ подсудимыхъ.

До сихъ поръ успѣли высказаться: пом. прис. пов. Вальцъ, шт.-кап. Корсакъ, прис. пов. Новодворскій, пом. прис. пов. М. Этингеръ (сынъ), капитанъ Предпискій, прис. пов. Леманскій, кап. Рыбаковъ, прис. пов. Пепловскій (сынъ) и подполк. Ремишевскій.

По недостатку мѣста и во избѣжаніе повтореній въ передачѣ тѣхъ или иныхъ соображеній, встрѣчающихся у нѣкоторыхъ защитниковъ, мы ограничиваемся краткой передачей лишь сущности каждой изъ рѣчей. Всѣ защитники, переходя къ анализу свидѣтельскихъ показаній по отношенію къ подсудимымъ, дѣлили ихъ на 2 категоріи: мертвыхъ (не явившихся въ судъ) и живыхъ (явившихся). При этомъ, отстаивая правильность показаній на судѣ явившихся и отрекшихся отъ оговоровъ на предварительномъ слѣдствіи, защитники все-таки продолжаютъ считаться съ прошлыми показаніями и подвергаютъ ихъ критикѣ, доказывая, конечно, что эти показанія ложны.

Надо отдать справедливость защитникамъ: они это дѣлаютъ весьма умѣло, хотя каждый на свой ладъ. благо къ тому есть въ дѣлѣ очень благодарный матеріалъ. Не всѣ, однако, защитники сходятся на томъ, что отрекшіеся на судѣ отъ своихъ прежнихъ показаній свидѣтели говорятъ правду на судѣ. Подполковникъ Ремишевскій находитъ, что свидѣтель, отрекшійся отъ такого оговора, не заслуживаетъ довѣрія ни въ одномъ случаѣ, и онъ, какъ свидѣтель, для дѣла совсѣмъ не существуетъ.

Изъ не явившихся свидѣтелей особенно достается Маркевичу, Бутляру и Ильинскому. И, конечно, въ освѣщеніи защитниковъ всѣ эти свидѣтели никакой вѣры не заслуживаютъ, какъ потому, что они не рѣшились явиться въ судъ для подтвержденія своихъ показаній устно, такъ и по различнымъ неточностямъ и несообразностямъ, разсыпаннымъ по всѣмъ ихъ показаніямъ.

Такую же участь постигаютъ и тѣ записныя книжки и разныя другія «бумажныя доказательства», такъ какъ всѣ эти записи не больше, какъ какіе-то отдаленные намеки, предположенія, но не твердыя доказательства, на которыя могли бы опираться извѣстныя статьи закона.

Особенно дружную атаку защитники дѣлали на 13 статью, связывающую всѣхъ подсудимыхъ какъ бы круговой порукой и дѣлающую ихъ всѣхъ виновными въ вымогательствѣ. Въ конечномъ выводѣ всѣ защитники приходятъ къ заключенію, что подсудимые, преданные суду по недоразумѣнію, должны быть оправданы.

Вотъ какъ, напримѣръ, мотивируетъ это свое заключеніе защитникъ поручика Сорокина, шт.-кап. Корсакъ:

— Что, если показанія всѣхъ свидѣтелей даны были подъ угрозой лишенія свободы, если въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ оговоромъ ни въ чемъ неповинныхъ людей?

Нѣтъ, слишкомъ тяжелое обвиненіе предъявляетъ г. прокуроръ къ сидящимъ здѣсь офицерамъ. Жгучей обидой болѣзненно отзывается это обвиненіе въ рядахъ той славной арміи, къ которой мы имѣемъ честь и счастье принадлежать, и я увѣренъ, что на такомъ шаткомъ основаніи судъ не построитъ своего приговора.

Не могутъ непровѣренныя показанія 2 неявившихся на судъ сдатчиковъ похоронить честь и доброе имя русскаго офицера.

Знаю, что не на нихъ будетъ основано ваше рѣшеніе, и я спокоенъ за участь поручика Сорокина, за которымъ нѣтъ никакой вины. Онъ не принялъ ни одного вершка негодной ткани, ни одной гнилой подошвы, онъ не получилъ ни одной копейки вознагражденія. Совѣсть его спокойна. Честь не запятнана. Я увѣренъ, что вы снимете съ него гнетущее, тяжелое и не заслуженное обвиненіе, и вернете его въ родной ему полкъ, подъ славными знаменами котораго онъ будетъ такъ же честно продолжать свою службу, какъ служилъ до сихъ поръ.

Защитникъ капитанъ Прединскій, защищающій семерыхъ подсудимыхъ, въ 2 съ половиною часовой рѣчи обстоятельно разобралъ и подвергъ критикѣ доводы обвиненія. Въ заключеніе онъ сказалъ:

— Мое спокойствіе за участь моихъ подзащитныхъ опирается не только на приведенные мною доводы и соображенія, но и на сознаніе, что есть у нихъ еще иная защита, не менѣе вѣрная, не менѣе могущественная. Эта защита не здѣсь, не за каѳедрой защитника—она тамъ, за высокимъ судейскимъ столомъ, и эта защита—ваша, гг. судьи, свободная совѣсть! Къ совѣсти вашей апеллирую я,—апеллирую потому, что хочу видѣть своихъ подзащитныхъ оправданными не по недоказанности только ихъ вины (хотя это и достаточно для оправдательнаго приговора), но по убѣжденію вашему въ ихъ невиновности. Это необходимо не только для завершенія ихъ реабилитаціи и передъ закономъ и передъ обществомъ, но и для нравственнаго удовлетворенія ихъ за страданія, физическія и моральныя, перенесенныя въ теченіе послѣднихъ двухъ мучительныхъ лѣтъ.

И я вѣрю, гг. судьи, что ваша совѣсть учтетъ и тѣхъ нѣмыхъ свидѣтелей, которые должны такъ много говорить вашему военному сердцу: это—оторванная въ бою нога шт.-кап. Винярскаго, пулевая рана въ мозгъ у шт.-кап. Соколова и раны шт.-кап. Мещерскаго и другихъ.

И встанутъ передъ вами соображенія высшей цѣлесообразности, которая не мирится съ мыслью о возможности изъятія по столь ничтожнымъ и сомнительнымъ основаніямъ изъ рядовъ арміи ея сыновъ, которые способность свою жертвовать собой за Престолъ и Родину доказали на дѣлѣ что не всѣмъ намъ выпадаетъ на долю!

Остроумную и дѣльную рѣчь сказалъ прис. пов. Пепловскій (сынъ), защищающій полковника Лопатина и поручика Амонтова. Защитникъ на-

ходитъ, что дѣло это дутое и ничѣмъ не кончится. Чиновники сенаторской ревизіи стремились къ карьерѣ, а обвиненіе сгущено выдвинутымъ на сцену прошедшимъ, якобы, чрезъ пріемную комиссію товаромъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Этимъ хотѣли вызвать возмущеніе состава суда противъ подсудимыхъ, которые заставляли-де «святую сѣрую скотинку» (выраженіе Драгомірова о солдатѣ) ходить въ гнилыхъ сапогахъ. Но судебное слѣдствіе выяснило, что процентъ принятыхъ негодныхъ вещей не превышаетъ допускаемой инструкціей нормы.

Весьма толковую рѣчь сказалъ подполковникъ Ремишевскій, защитникъ полковника Дубровина, подполковника Краевскаго и поручика Цомая. Подполк. Ремишевскій также не находитъ во всемъ дѣлѣ ни одной болѣе или менѣе вѣской улики противъ подсудимыхъ, такъ какъ нѣтъ ни одного болѣе или менѣе достовѣрнаго свидѣтеля. Поэтому защитникъ думаетъ, что если бы явились даже сто Маркозовъ, то судъ не осудилъ бы подсудимыхъ, такъ какъ дѣло это затрагиваетъ чувство національной чести. Защитникъ надѣется, что судъ возстановитъ честь не только подсудимыхъ, но и русской арміи, вернувъ ей честныхъ сыновъ.

Послѣднія рѣчи.

Пренія слишкомъ затянулись, и тяготились ими всѣ. Поэтому послѣдніе защитники, какъ бы чувствуя себя въ чемъ-то виноватыми, начинали свои рѣчи извиненіями въ чемъ-то и увѣреніями, что они будутъ говорить мало, и такъ какъ уже все выяснено, они будутъ избѣгать повтореній. Однако, каждый изъ защитниковъ, помня, что ему вѣрена судьба подсудимыхъ, говорилъ столько, сколько ему было нужно, и говорилъ о томъ же, о чемъ говорили предыдущіе защитники: тѣ же выпады противъ 13-й статьи, дѣлающей всякое полученіе «подарка» вымогательствомъ, тѣ же характеристики свидѣтелей и т. д.

Приставный повѣренный Кіевскій (защитникъ шт.-кап. Вивтовскаго) откровенно признался, что ни о чемъ другомъ защита и не можетъ говорить, такъ какъ въ данномъ дѣлѣ всѣ подсудимые заключены въ одинъ общій кругъ, выходъ изъ котораго возможенъ по устраненіи однихъ и тѣхъ же доводовъ обвиненія. И прис. пов. Кіевскій добросовѣстно шелъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, доказывая то же, что и другіе, т. е., что свидѣтелямъ вѣрить нельзя, что ихъ записныя книжки внушаютъ подозрѣніе и что цифры полученныхъ взятокъ, внесенныя въ обвинительный актъ, подсчитаны безъ твердыхъ данныхъ, и поэтому все обвиненіе недостаточно обосновано; но положеніе этого защитника было исключительное въ данномъ процессѣ, такъ какъ его подзащитный, единственный изъ всѣхъ подсудимыхъ, признался на предварительномъ слѣдствіи, что получилъ 10 тысячъ руб., и также оговорилъ своихъ товарищей, но на судѣ онъ взялъ назадъ свое признаніе и оговоръ. Судя, однако, по тому, что защитникъ такъ серьезно и подробно разбиралъ свидѣтельскія показанія, признаніе его подзащитнаго его не смущало. И дѣйствительно, расправившись со свидѣтельскими показаніями, заявилъ, что это сознаніе подсудимаго, на основаніи закона, имѣетъ лишь тогда рѣшающее значеніе, если оно сдѣлано на судѣ, а не на предварительномъ слѣдствіи. Что же касается мотивовъ этого сознанія, то защитникъ считаетъ вполнѣ достовѣрными объясненія подсудимаго, что его толкнула на то боязнь быть лишеннымъ свободы, какъ и остальные не сознавшіеся товарищи, и что его арестъ будетъ убійствомъ для его больного порокомъ сердца отца, дни котораго, по сло-

вамъ врачей, были сочтены. Подсудимый Виватовскій человѣкъ одинокій, и вполнѣ поэтому понятна его нѣжная привязанность къ старому отцу, ради котораго онъ и рѣшился на временный самооговоръ.

Въ заключеніе защитникъ весьма недвусмысленно спрашиваетъ:

— Во имя чего нужно обвинить подсудимыхъ? Не для того ли, чтобы свидѣтели извѣстнаго «этнографическаго состава», нажившіе милліоны на поставкѣ, хохотали еще болѣе?..

Рѣчь прис. пов. Папескаго.

Прис. пов. Папескій, защищающій шт.-кап. Павлова и горнаго инженера Мыслина (техника), въ началѣ своей рѣчи высказалъ увѣренность, что судъ при оцѣнкѣ фактовъ для постановки приговора, по завѣту римскихъ судей, будетъ имѣть предъ собой только голый фактъ, безъ той субъективной окраски на основаніи тѣхъ или иныхъ впечатлѣній, которую хотѣли ему придать.

Защитникъ энергично возражаетъ противъ выдвинутой «системы». Если бы здѣсь была система, то не приходилось бы слышать различныя версіи то о мѣсячномъ жалованьѣ, то о процентахъ; говорили, что иные торговались, а инымъ и вовсе ничего не платили. Если-бы была система, то платили бы всѣмъ безъ исключенія и одинаково. Просто внесли бы предсѣдателю комиссіи для распредѣленія между членами...

Защитникъ находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ дѣйствительно была система, но не у подсудимыхъ, а у поставщиковъ и сдатчиковъ. Эти господа, по взаимному между собой соглашенію, наживались: сдатчики на счетъ поставщиковъ, а послѣдніе –на счетъ своихъ компаніоновъ. Этимъ и объясняется та паника, которая охватила всю эту компанію, когда нагрянула сенаторская ревизія.

Приговоръ.

Въ 4 час. дня раздался голосъ секретаря:

— Судъ идетъ!

Залъ встрепенулся. Публика замерла и превратилась въ слухъ.

Предсѣдатель усталымъ голосомъ читаетъ резолюцію, коей признаны виновными въ мздоимствѣ: полковники Дубровинъ и Лопатинъ, подполковникъ Краевскій, штабсъ-капитанъ Павловъ, штабсъ-капитанъ Виватовскій и коллежскій асессоръ Адамовичъ (техникъ), и приговорены къ штрафу: полковникъ Дубровинъ въ 800 руб., полковникъ Лопатинъ въ 200 руб., подполковникъ Краевскій въ 250 руб., штабсъ-капитанъ Павловъ въ 600 руб., штабсъ-капитанъ Виватовскій въ 200 руб. и кол. ас. Адамовичъ въ 10.000 руб.; послѣдній, кромѣ того, приговоренъ къ отставленію отъ должности. Тѣ же подсудимые по обвиненію въ вымогательствѣ признаны по суду оправданными. *Всѣ остальные подсудимые, въ томъ числѣ полковникъ Юрій Сергѣевичъ Аничковъ*, по всѣмъ предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ признаны по суду *оправданными* и отъ суда свободными.

Примѣчаніе автора. Отчетъ по дѣлу варшавской пріемной комиссіи заимствованъ большею частью изъ отчета газеты «Варшавское Слово»; но, къ сожалѣнію, рѣчи защитниковъ кромѣ прис. пов. Этингера были въ этомъ отчетѣ такъ сокращены, что я не счелъ возможнымъ возстановлять ихъ черезъ мѣсяцъ по памяти. Въ особенности жалко, что не удалось привести рѣчей присяжныхъ повѣренныхъ Леманскаго и Пепловскаго. Рѣчь Пепловскаго, красивая, остроумная и очень сильная, произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ въ залѣ судебнаго засѣданія.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

Агапѣевъ 89.
Адамовичъ 105.
Адольфъ 88, 92, 95, 100.
Аксаковъ И. С. 17.
Александръ II 39, 55, 83.
Александръ III 39, 42, 43, 87.
Алешинъ 119.
Алферовъ 30, 32.
Амонтовъ 105, 139.
Андреевъ 17.
Андреевъ 105.
Аничковъ Ю. С. 105, 121, 127, 133, 134, 137, 140, 148.
Анучинъ 105.
Апостолъ 102, 103.
Апраксинъ 33.
Апухтинъ 17.
Арбузовъ 86, 87.

Багровъ 50, 100.
Барановъ 35.
Барановскій 53.
Бартеневъ 50.
Батьяновъ 15.
Бауеръ 33.
Беконсфильдъ 30.
Бестужевъ-Рюминъ 33, 34, 35.
Бисмаркъ, кн. 30.
Бобринскій А. А., гр. 100.
Богацкій 105.
Бойко 136.
Болдескулъ 105, 126.
Бончъ-Богдановскій 136.
Брайкевичъ 66, 68.
Броцкій 101.
Брунъ, бар. 29.
Брюсъ, гр. 33, 34.
Будбергъ 36, 37.
Бунацель Николай Аванасьевичъ 104.
Бунацель Ульяна 104.
Бунзенъ 38.
Бусло 109, 132.
Бутми 15.
Бутовскій 50.
Бутурлинъ 30, 32.
Бюцова 57.
Бюцовъ 53.

Валыцъ 105, 145.
Варваринъ 61, 62.
Васьковскій, проф. 29.
Веберъ 88, 95.
Вейдеманъ, А. К. 61, 62.
Веловичъ 105.
Веножинскій, І. У. 68.
Виватовскій 105, 139.
Винаверъ 88, 95.
Виноградскій, В. Т. 65, 66.
Виняревій 105, 139.
Витте С. Ю., гр. 45, 47, 48.
Воронцовъ, гр. 37.
Воронцовъ-Дашковъ 97.
Врублевскій 43.

Гамбургеръ 30.
Гапонъ 88.
Гартвигъ 53.
Гейденъ, гр. П. Ф. 35.
Герсевановы 104.
Гершельманъ 100.
Гершуни 50.
Гинсбургъ 57.
Глинка С. К. 15.
Гловче 66.
Голенищевъ-Кутузовъ 17.
Голицынъ 31.
Головкинъ 33.
Голубевъ, И. Я. 61.
Голяховскій 105, 139.
Гольдсмитъ 29.
Гольдфайнъ 115.
Гольдштейнъ М. Л. 66, 67, 68, 70.

Гончаровъ 17, 139.
Горленко 102, 103, 104.
Горчаковъ, кн. 30.
Горькій Максимъ 17.
Гредингеръ 86.
Грошевъ 78, 79, 80.
Грузенбергъ 88, 95.
Гудовичъ 102, 103.
Гурвичъ 109.
Гурландъ 109, 111.
Гурко В. І. 61, 62, 63, 90, 97, 98, 100.
Гурьевъ, пр. пов. 79.
Гучковъ А. И. 86, 92.
Гучковъ Н. И. 43.

Дашковъ А. 34.
Джунковская 57.
Джунковскій 71, 72.
Девьеръ 102, 103.
Депрерадовичъ 104.
Дубасовъ, адмиралъ 35.
Дубровинъ А. И. 71, 72, 89, 95.
Дубровинъ, полковникъ 105, 115.
Долгорукій, кн. 33.
Думбадзе 89.
Думикъ, Максъ 55.
Дорошевичъ 15.

Елизавета I 38.
Елисѣевъ 18, 21.
Ефимовъ 68, 69.

Жомини, бар. 30.
Жуковскій 17, 55.

Замысловскій, Г. Г. 100.
Зедергольмъ 105.
Зингеръ, Шая 114.

Игнатьевъ, графъ А. П. 50.
Игнатьевъ, графъ Н. П. 30.
Извольскій 53.
Изнаръ 61, 62, 63, 64.
Иліодоръ 84.

Іоаннъ Кронштадтскій 18, 19, 21.
Іоасафъ св. 102, 103, 104.

Кабалонъ, Марія 75.
Казначеевъ 105, 118.
Камышанскій 50.
Карангозовъ 50.
Касаткинъ 18.
Квитко 102.
Келлеръ, гр. 35.
Кизеветеръ 86.
Кисловской 50.
Кистяковскій 24.
Кіенскій 105, 147.
Клейгельсъ Н. В. 96, 97, 98.
Кналь 36.
Козело-Поклевскій, полковн. 134.
Козелъ-Поклевскій 46, 53, 54.
Козіолкинъ 105.
Коковцовъ, В. Н. 86, 100.
Кондратенко 35.
Константинъ Константиновичъ, вел. кн. 13.
Корніенко 18, 19, 21.
Корниловъ 35.
Корсакъ 105, 145, 146.
Кочубей 102, 103.
Краевскій 105, 107.
Крамалѣй 61, 64.
Креховецкій-Ющенко 105.
Крушеванъ 50.
Кулябко-Карецкій 102.
Купринъ 17.
Куракинъ, кн. 34.
Курловъ 90.
Кутузовъ 38.
Кучумовъ И. В. 78, 79, 80, 81, 82.
Крыжановскій С. Е. 87, 95, 100.
Кярманъ, Янъ 73, 74, 75.

Лазаревъ 35.
Ламсдорфъ, гр. 44, 46, 49.
Лапатинъ 68, 70.
Ласаль 25.
Лауницъ В. Ф. 50, 61, 100.
Лермонтовъ 17.
Лидваль 61, 62, 63.
Лизогубъ 104.
Лихачевъ, Николай 31.
Лобановъ-Ростовскій, кн. 44.
Лопатинъ 111.
Лохвицкій, проф. 24.
Лукъяновъ 100, 102.
Лѣсковъ 17.
Любарскій 105.
Ляховъ 93.

Мадритовъ А. С. 105.
Мазель 110.
Майеръ, Рихардъ 76, 77.
Майковъ, Аполлонъ 17.
Макаровъ А. А. 100.
Макаровъ, адмиралъ 35.
Маклаковъ 97.
Марксонъ, Хаскель 106, 113, 131, 132.
Маргуліесъ 58.
Мартенсъ Ф. Ф. 45.
Маршанъ 95.
Матвѣевскій 33.
Масоловъ 57.
Мендъ К. 76.
Меньшиковъ, кн. 33.
Меньшиковъ М. О. 49, 53, 54.
Метернихъ 37.
Мещерскій, кн. 37, 47, 49, 83.
Микіевъ 65, 68, 69, 70.
Милорадовичъ 102, 103.
Милоковъ 86.
Милютинъ 37, 97.

Минихъ, гр. 33.
Минцбергъ 110.
Мищенко 35.
Морозовъ 86, 87.
Муравьевъ Н. В. 45, 50.
Мусинъ-Пушкинъ 34.

Назимовъ Н. 35.
Наполеонъ Великій 37.
Наполеонъ III 40.
Нахимовъ 35.
Нейдгартъ Д. Б. 105, 115, 132.
Некрасовъ 17.
Нессельроде, гр. 37, 38.
Николай I 38, 39.
Никольскій А. И. 65, 66, 67, 68, 69, 70.
Нилусъ 104.
Новиковъ В. Н. 18, 25.
Новодворскій 105, 145.

Облеуховъ Н. Д. 89.
Оболенская 57.
Огинскій 98.
Оомъ, Ф. А. 39.
Ординъ-Нащокинъ 31.
Остерманъ 33.

Павловъ, капитанъ 114.
Паленъ, гр. 37.
Папескій 105.
Пепловскій 105, 145, 147.
Пергаментъ, проф. 29.
Петръ Апостолъ 84.
Печерскій 17.
Плеве В. К. 50.
Подвысоцкій 57.
Подгоричане-Петровичъ, гр. 104.
Поджіо 139.
Помпадуръ, маркиза 56.
Посевинъ 31.
Почталицъ 18, 19, 23.
Прединскій 105.
Пропперъ 49.
Прусаковъ 95.
Пупкинъ 78, 79, 80, 81, 82.
Пуришкевичъ 97, 100.
Пушкинъ 17, 72, 96, 97.

Ремишевскій 105, 147.
Ризманъ 110.
Рогдай 29.
Роговичъ 86, 89.
Родичевъ 58.
Рождественскій 49.
Розенъ, бар. 46.
Ромодановскій 33.
Росте М. 73, 74, 75.
Ростопчинъ, гр. 37.
Рудскій А. П. 68.
Румянцевъ, гр. 36.
Румъ Т. 73, 75.
Рыбаковъ 105.
Рыбницевъ 105.
Рѣпнинъ 33.

Савчинскій 105.
Сазоновъ 56.
Святополкъ-Мирскій 58, 59, 98.
Сеймуръ 52, 53.
Сентъ-Иллеръ 33.
Сергѣевскій, проф. 50.
Сергѣй Александровичъ, вел. кн. 50.
Симеонъ Полоцкій 26.
Смирновъ 35.
Соколовъ 105, 139, 146.
Спиридоновъ 35.
Стаховичъ 63.
Степановъ 50.
Столыпинъ А. А. 49, 95, 97.
Столыпинъ П. А. 25, 36, 89, 90, 97, 99, 100.
Суворинъ А. А. 61, 62, 64.
Суворинъ А. С. 49.
Суворовъ 36.
Сыромятниковъ С. Н. 46.

Талейранъ 37.
Тамбіевъ 68, 69.
Толстой Алексѣй, графъ 17.
Толстой Левъ, гр. 29.
Толмачевъ И. Н. 65, 66, 67, 68, 69, 70, 86, 89.
Треповъ Д. Ф. 50.
Треповъ Ф. Ф. 101.
Трояновскій 110.
Тургеневъ 17.
Тыртовъ 35, 50.
Тьеръ 40.

Федоровъ 49.
Френкель 107, 108, 109.
Фромандіеръ А. П. 39, 40.

Ханенко 102, 103.
Харузинъ 84, 100.
Хвостовъ 89.
Хорватъ 104.
Хруцкій 105, 116, 139.

Цитронъ, прис. пов. 19.
Цомая 105, 139.

Чагинъ 52, 57.
Черновъ 20.
Черняевскій 138.
Чириковъ 17.
Чистяковъ 18, 23.
Чухнинъ 50.

Шафировъ 33.
Шванебахъ П. Х. 46, 50.

Шевичъ 104.
Шевригинъ 30, 31.
Шереметьевъ, гр. 33.
Шестаковъ 35.
Шикурина Дарья 18, 19, 21.
Шлейницъ 34.
Шнитниковъ 58.
Шова 105.
Шпейеръ 53.
Шубинскій 86.

Эдуардъ, король 57.
Элькинъ Н. К. 65, 66, 68, 70.
Эстеръ 61.
Этингеръ 105, 141.
Эфросъ 109, 113.

Ющенко-Креховецкій 105.

Яхонтовы 104.
Ярмонкинъ 15.

2007051068